Фридрих Ленц

ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ЧЕРВЬ НЕМЕЦКОГО РАЗДОРА

Политические проблемы вокруг 20 июля 1944

Первое издание: Фридрих Ленц, самиздат, 1952 г.

Сокращенный перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2018 г.

Оригинал: Friedrich Lenz, Der ekle Wurm der deutschen Zwietracht. Politische Probleme rund um den 20. Juli 1944. Originalausgabe: F. Lenz, Selbstverlag, 1952.

Оцифрованная версия 1997 года, The Scriptorium.

Фридрих Ленц – немецкий издатель и писатель, писавший также под псевдонимом «В. фон Азенбах». После выхода в «самиздате» своей книги «Отвратительный червь немецкого раздора» (1952), в которой он обвинял участников заговора против Гитлера в государственной измене, сотрудничестве с иностранными государствами, и в том, что они своей деятельностью в 1939 году способствовали началу Второй мировой войны, Ленц подвергся преследованиям со стороны властей ФРГ. Федеральный верховный суд приговорил его к двум годам тюрьмы. Он был одним из первых западных немцев, подвергшихся судебному преследованию за свои книги и мысли. Неизвестно, пришлось ли Ленцу действительно отсидеть свой срок, но его книга о Гитлере вышла уже в аргентинском Буэнос-Айресе. Ее распространение в ФРГ было запрещено. Ленц был членом Социалистической имперской партии (SRP) Отто-Эрнста Ремера, существовавшей с 1949 до ее запрета в октябре 1952 года.

* * *

Посвящается всем тем, кто были безусловно готовы и сейчас готовы погибнуть за Германию

Фридрих Ленц

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие

2. Обзор

3. Три основные группы противников Гитлера

4. Активные группы и их планы и действия, направленные на осуществление государственного переворота

5. Воля Германии к справедливому миру

6. Мюнхен, Протекторат и британские гарантии Польше

7. Тактика союзников, направленная на выигрыш времени, и подстрекательство вместо воли к миру

8. Десять видных деятелей об ответственности за войну (часть 1)

9. Десять видных деятелей об ответственности за войну (часть 2)

10. Туз Англии – ошибочный расчет Гитлера

11. Значение сопротивления с точки зрения англичан

12. Покушение 20 июля 1944 года: выстрел в ногу самим себе – и в ногу Германии

13. Мораль народа и солдат

14. Оценки и мнения о покушении и о его участниках

15. Слово к генералу Гальдеру

16. Роль адмирала Канариса

17. Братья Эрих и Теодор Кордт

18. Стремления Гитлера к миру

19. Приговоры победителей и немецкой юстиции – правовое государство или «неправовое государство»?

20. Выводы и заключение

Эта работа, впервые изданная в 1952 году, является полемическим произведением и написанным для народа – она не претендует на то, чтобы называться научным трудом. Для простоты чтения автор намеренно ограничил сноски и подобные обычные для научных трудов атрибуты минимумом. Поэтому эта публикация содержит довольно много цитат, источники которых, однако, не указаны точно. С точки зрения требований к документальным подтверждениям это вызывает сожаление. Мы попытаемся заполнить некоторые из этих пробелов, и если проинформированный читатель может помочь нам с той или иной информацией, мы были бы благодарны за соответствующие письма на адрес scriptorium@wintersonnenwende.com. А пока аргументы Ленца действительно хорошо говорят сами за себя.

1. Предисловие

20 июля 1944 года вошло в историю как исторически знаменательный день. Но ничего не могло бы быть более ошибочным, чем переоценивать историческое значение процессов этого одного дня в сравнении с чисто символическим его значением. Эти события представляют собой только *один акт* величайшей трагедии немецкой истории с 1933 по 1945 год.

«Когда же – наконец – настанет это время? Когда ударят молния и гром?» – этот вопрос страстно задавали себе заговорщики, судя по свидетельству Г. Б. Гизевиуса, одного из 'самых важных' действующих лиц 20 июля. И вот она была у них, молния, которая должна была убить Гитлера, освободить Германию от 'чудовища' и избавить ее от всех бедствий, и привести их к власти, вместе с ударом грома, который нанес по Германии уничтожающий удар, но многим из них он также стоил жизни.

Однако эта «молния» вспыхнула на слишком короткое время, чтобы немецкий народ смог узнать истинную подоплеку и воздействия этого поступка. Самой правде понадобились годы, чтобы через паутину пропагандистской лжи прорваться на поверхность. Только теперь можно получить связную картину из беспорядочного нагромождения многочисленных публикаций последних лет.

Эти строки должны в возможно более краткой форме ясно показать широкой массе нашего народа, у которого нет ни возможности, ни времени заниматься историческими исследованиями, истинную подоплеку этого поступка, так, чтобы наш народ смог сделать необходимые политические выводы в интересах будущего Германии. Народ должен знать, кто устроил грозу, последовавшую за этим ударом молнии и грома, и почему они виновны в бедах Германии.

Гёрделер

Насколько срочно необходимо это разъяснение, доказывает тот факт, что совсем недавно об этой проблеме высказались два находящихся на самых ответственных государственных постах человека, оценки которых наряду со значительным дефицитом объективности продемонстрировали еще большую нехватку исторических знаний. Такое разъяснение особенно важно также потому, что мы в настоящее время вынуждены принимать чреватые весьма серьезными последствиями решения и склонны сесть в не тот поезд судьбы, в котором с одной стороны злонамеренные и, с другой стороны, неспособные люди перепутали таблички с указанием направления так, что мы неизбежно должны будем выйти не на той станции.

Я сознаю, что я со своими взглядами полностью противоречу тем взглядам, которые в настоящее время рассматриваются как популярные. Все же, я воспользуюсь как раз здесь теми словами, которые произнес Карл Гёрделер, один из руководителей сопротивления: «Немецкий народ должен сквозь весь туман пропаганды узнать правду и ничего, кроме правды». Я писал так, чтобы написанное мною мог понять любой немец. Я намеренно брал очень мало цитат из политической литературы и при этом по возможности вообще ничего не цитировал из национал-социалистической литературы.

Я писал не для мертвого Гитлера, а для той Германии, которая выбрала его, и снова и снова давала ему свое «да», для той Германии, которая теперь и в будущем должна нести последствия абсолютно ошибочной оценки его и наших намерений. Изменение в оценке Гитлера произойдет с той же уверенностью, с которой оно произошло также в отношении Наполеона. Никто и ничто в мире не сможет предотвратить это. Окажется, что нельзя преградить путь правде. Если воспользоваться словами Хьюстона Стюарта Чемберлена: «В действительности правда существует в лучезарно обнаженном виде, только пелена

лежит на наших глазах, и мы должны только удалить с глаз бельмо, тогда мы увидим правду, и иллюзия исчезнет».

Но тот, кто узнал правду, сделает выводы и больше не сядет не в тот поезд. Пусть их будет действительно много ради пользы Германии! В заключение я процитирую одного известного 'оппозиционера': «Это время настало: то как наша отмеченная горем любимая Германия будет вести себя по отношению к действиям подпольщиков, будет самым решающим для ее оценки в мире».

Фридрих Ленц

Гейдельберг, 9 ноября 1952 г.

2. Обзор

«Германец – самый большой враг германца» -

Тацит

«Фундамент» для 20 июля 1944 года и всех связанных с ним действий был заложен в тот день, когда «важным» господам стало ясно, что Гитлер станет рейхсканцлером.

Гитлер и Гинденбург

Они так охотно предотвратили бы этот «захват власти» «законным» способом. Но как бы сильно они ни ломали себе голову из-за этого – все это уже не получалось, так как все предложения обойти закон потерпели неудачу не только из-за дословного текста конституции, но и из-за верности Гинденбурга конституции и, прежде всего, из-за настроений народа.

Гитлер добился того, что он когда-то намеревался сделать как маленький ефрейтор, и в чем он клялся перед имперским верховным судом в Лейпциге: Он *законно* взял в свои руки руководство народом, но, разумеется, по мнению его противников только по той причине, что его избиратели были гораздо глупее, чем они сами.[1] Для них не играло никакой роли, что в апреле 1932 года, в то время, когда законность выборов еще не могла оспариваться, было уже 13 миллионов таких немцев, а годом позже еще на много миллионов больше. Они хотя и подвергали сомнению законность выборов после захвата власти, но ни один разумный и правдолюбивый человек не может, все же, оспорить то, что благодаря пропаганде и кажущимся успехам или «под давлением» к сторонникам Гитлера присоединилось еще так много «глупцов», что у закона о предоставлении чрезвычайных полномочий и вместе с тем у всех изменяющих конституцию мероприятий была абсолютно законная основа.

Нельзя поставить под сомнение также ни легальность состоявшегося под международным контролем референдума в Сааре, ни ясно следующее из общественных демонстраций ликующее согласие преобладающего большинства народа.[2] Своеобразно то, что диктатор снова и снова старался получить подтверждение законности больших политических решений, которые он мог бы просто реализовать и сам, с помощью народных голосований, если не всегда заранее, то все же, по меньшей мере, позже.

Теперь противники из-за своей робкой позиции по отношению к принятым Гитлером после захвата власти методам ссылаются на угрожающие им террористические мероприятия,[2] но при этом они умалчивают об истинной причине этого, а именно о том, что они, принимая во внимание однозначную волю народа дать Гитлеру шанс и помочь ему, вовсе не могли отважиться оказывать практическое сопротивление, если они не хотели подвергнуться опасности стать смешными или же быть сметенными прочь своими собственными приверженцами.

Этим нужно также объяснить позицию социал-демократии при голосовании о законе о предоставлении чрезвычайных полномочий.[4] Это нужно прояснить сегодня, когда СДПГ так ссылается на свою позицию в 1933 году. Она вполне могла и должна была бы из принципиальных соображений голосовать против, однако, принимая во внимание настроение народа, она не могла решиться и на то, чтобы предотвратить вступление закона в силу даже более простым средством отсутствия на заседании.

Ни у кого не могло быть ни малейшего сомнения в том, что в Германии форма правления Гитлера впервые соответствовала истинному смыслу демократии, что именно *народ* мог позволить править собой *избранному им вождю*, т.е. сам народ и «правил». И именно сегодня никто больше, чем канцлер Аденауэр, не желал бы себе, чтобы у него была хотя бы доля этого большинства за его Общим договором (Боннский договор 1952 г. – прим. перев.) и договором о

создании EVG (Европейское оборонительное сообщество), вместо незначительного и только оговорками удерживаемого большинства Бундестага, которому совершенно недостает легальности ясного плебисцита. Он наверняка был бы рад, если бы его Бундестаг высмеивали как «певческий кружок», вместо того, чтобы 165 раз отчаянно начинать с обращения «Дамы и господа», чтобы с помощью пессимизма привлечь депутатов на сторону его тезиса – не говоря уже о том, что ему приходится терпеть наглость, когда его постоянно прерывают репликами. Но также и самому народу больше понравился бы «певческий кружок», который знал бы, какой гимн он должен петь, и в сплоченности его национальной позиции видел бы повод для пения этого гимна.

Какого сегодняшнего политика его избиратели встречают с ТАКИМ воодушевлением?!

Народ был бы счастливее, наверное, если бы он мог «говорить» меньше, но если бы у того немногого, что он хотел бы сказать, была бы хотя бы самая маленькая ценность. Проблема «вклада ФРГ в оборону НАТО» является, пожалуй, самым удачным доказательством этого.[5]

Из-за истинной народной воли и успехов Гитлера его противники практически молчали после захвата им власти. Также господин Шлейхер посчитал лучше теперь отказаться от своего безупречно доказанного плана предотвратить легальный захват власти еще за день до этого военным путчем. Эмиль Хенк, по его собственному признанию в его «*Статье о политической предыстории 20*

июля», предусмотренный на роль наместника правительства путчистов в Южной Германии, говорит в начале этой статьи достаточно ясно: «Движение сопротивления против Гитлера так же старо, как диктатура самого Гитлера. Борьба его врагов также началась с того самого дня, в который он пришел к власти, борьба против системы и его террора. У Гитлера были страстные приверженцы, но у него были также решительные и готовые к смерти противники. С первого дня вплоть до самого поражения». [6]

Итак, с *первого* дня – и важно это запомнить, так как теперь многим очень хотелось бы мотивировать право на покушение 20 июля и, прежде всего, на враждебность вообще тем, что, мол, они хотели окончить войну в безнадежном положении, чтобы избежать бессмысленных жертв.

Очевидно, что с самого начала все действия против Гитлера, практически направлялись вопреки воле народа, после того, как именно народ избрал этого Гитлера себе в вожди. Точно таким образом господин Аденауэр также судил бы, если бы его противники хотели саботировать законы, которые он создал с сегодняшним – даже не совсем законным – Бундестагом.

И почему Гитлер не должен был иметь право предпринять изменения конституции с помощью своего Рейхстага, если это также может сделать господин Аденауэр? Впрочем, тот факт, что Конституционный суд вынужден работать «на всех парах», вовсе не является хорошим доказательством «верности конституции» федерального правительства.

Простая логика, что, если у мероприятий Гитлера было согласие преобладающего большинства народа, и тем самым все противники Гитлера были также противниками этого большинства, никак не мешала этим противникам. Если, однако, отдельные люди это понимали, то они представляли это большинство как раз дураками, а себя как концентрат интеллекта, который был теперь призван в интересах народа заботиться о том, чтобы это большинство как можно быстрее снова освободилось от своего вождя, которого оно в своей глупости выбрало демократическими средствами.

Это великолепное познание депутат СвДП доктор Г. Шэфер при обсуждении вопроса о вкладе ФРГ в совместную оборону НАТО резюмировал в «демократической» фразе: «Тогда мы в парламентском совете также отдавали себе отчет в том, что в современном массовом государстве плебисцит (общенародное голосование) – это опасное дело для демократии как таковой. Мы опираемся на опыт, что все тирании в мире всегда приходили к власти через плебисциты». Комментарии здесь были бы излишни.

Так как теперь находящиеся в меньшинстве противники хотели «в интересах отечества» непременно «оставаться в системе», по возможности с зарплатой или пенсией, они действовали приблизительно по следующему методу: Когда

Гитлер приближался к машинному отделению сложного государственного механизма, они торопились приветствовать его с поднятой правой рукой, а тряпкой в левой руке усердно полировать детали, чтобы, однако, если они не видели опасности поблизости, быстро вытащить из кармана брюк банку с песком и потом – в интересах отечества – внести свой вклад.

Примечания

[1] По словам одного знаменитого депутата народ был: политически наивным, без способности к критике, тупым и послушным авторитетам, полуобразованным, заколдованным, вульгарным, слепым, рабским и отвыкшим от критического мышления.

[2]Генри Бернхард, секретарь Штреземана, говорит об этом: Эти 9,5% (голосов против присоединения Саара к Германии) были не результатом против Германии, а протестом против национал-социализма и его политики силы. Этот процент соответствует также голосам, которые можно было отметить на различных выборах в Германии, и он доказывает, что едва ли можно сомневаться вообще в подсчетах голосов.

[3]Как обстояло дело с духовным террором в действительности, доказывают два места в книгах Ф. фон Шлабрендорфа и Г. Б. Гизевиуса: то, что еще в 1938 можно было что-то говорить и писать, чтобы пропагандировать свои взгляды.

[4] Это точно так же касается одобрения военных кредитов в 1914, как и отношения к Общему договору и со времен «Ауриха» в вопросе военных преступников.

[5]Или сегодня – чтобы назвать более современный пример – проблема вокруг «евро». [Примечание Scriptorium]

[6]Я ограничусь тем, что приведу одно из многочисленных утверждений о «возрасте» заговора против Гитлера из-за классической формулировки, формулировки Аллена Уэлша Даллеса в его книге «*Заговор в Германии»:* «Попытка 20 июля была апогеем серии заговоров и сговоров, которые начались перед войной. Это не был изолированный стихийный путч, а часть подготовленного, последнего, отчаянного усилия с целью уничтожить нацистскую тиранию. С давних пор немецкие заговорщики уже втайне занимались этим».

[7] Если вы прочитали всю литературу о сопротивлении и с изумлением услышали оценки характеров и политические оценки все еще живых личностей, и еще прочли о грандиозных проектах будущей формы государства, то вы не можете не удивиться тому, что у нас нет образцового государства, и зададите себе вопрос, куда подевалось когда-то такое великое единство, которого сейчас так сильно не достает в партийно-политических противоречиях.

3. Три основные группы противников Гитлера

Прежде чем я теперь приступлю к описанию этих «вкладов», я хочу показать различные группы противников Гитлера, при чем я различаю три основные группы:

I. Группа естественных противников, которые были противниками национал-социалистической идеи и вместе с тем Гитлера по мировоззренческим причинам. Это были все марксисты, которые не хотели и не могли отказаться от марксизма. У коммунистов осталась верной большая доля приверженцев, чем у социал-демократов, у которых лишившиеся власти функционеры преимущественно оставались противниками, но широкая масса рядовых социал-демократов, однако, перебежала к Гитлеру.

Из среды партий в основном непоколебимые «веймарцы» составляли контингент противников, поддерживаемых кругами всех вероисповеданий, которые чувствовали угрозу себе со стороны национал-социализма. Большая составная часть формировалась из кругов «реакционного» дворянства, крупного сельского хозяйства и крупной промышленности.

В общем, это были более ранние «властители». Все же, Гитлер, по-видимому, не совсем внимательно читал Макиавелли, в противном случае он не осознал бы лишь в 1944 году, что ни один властитель не может быть уверен в своей власти, пока существуют те, у кого он отобрал власть. Но я ни в коем случае не хотел бы этим сказать, что он должен был убить их – физически убить.

Эту основную группу никак нельзя было заставить отказаться от своей враждебности, каких бы больших успехов ни достиг Гитлер. Он мешал их интересам. Они видели все сквозь свои очки и оценивали все мероприятия в духе следующего примера: «Суда KDF (организации «Сила через радость») являются не чем иным, как войсковыми транспортами, которые выбраны для захвата мирного мира и только потому используются для плаваний KDF, чтобы суда не обросли водорослями».[8]

Их принципиальная позиция против Гитлера была настолько упрямой, что они, если бы он удесятерил их доход – пенсии, например, которые они в большинстве случаев продолжали получать, то они возмутились бы его грубым предложением выплатить и потратить такое большое количество денег.

II. Вторая группа формировалась из тех кругов населения, которые относились к новой системе частично благосклонно, частично выжидающе, но затем, со временем, были обижены Гитлером или одним из его подчиненных, в большинстве случаев, по какому-то пустяковому поводу, или же не пользовались у них достаточным почтением и вследствие этого решились на противостояние. При этом они не обращали внимания на то, не было ли обосновано то, что

их как-то обидели, некими интересами больших государственных целей, по принципу «Лес рубят – щепки летят», или же нет.

Если сегодня задуматься над тем, что большинство немецкого народа должно было после 1945 года терпеть со стороны его победителей и правителей, то нельзя не удивиться тому, из-за каких мелочей людей можно было подтолкнуть к смертельной враждебности с поддержанной всем народом формой правления. Большей частью мотивами были уязвленное честолюбие, эгоистичные интересы, мелочная месть и прочая низменная озлобленность. В обширной литературе интересно заметить, как эти причины враждебности как красная нить проявляются у наиболее важных врагов Гитлера.[9]

«Они положили свою месть под сукно», как удачно выразился один человек, которого якобы несправедливо избили излишне рьяные штурмовики, после чего он стал главным шпионом просоветской шпионской организации «Красная капелла» и как таковой являлся виновником смерти сотен тысяч немецких солдат. (Автор имеет в виду Харро Шульце-Бойзена – прим. перев.) Или прочитайте, как господин Кемпнер «стал» главным обвинителем немецкого народа в Нюрнберге. Тут я могу похвалить генерал-полковника фон Фрича, который, по крайней мере внешне, довольствовался извинением Гитлера перед генералами за то, что с ним поступили несправедливо, и своей реабилитацией в форме назначения командиром полка, и умер достойной солдатской смертью. Также не слышали о нем, что он принимал активное участие во враждебной деятельности.[10]

III. Третья группа охватывает всех тех, кто, в принципе, благосклонно относился к новой системе, но со временем, стал недоволен мероприятиями, настоящее значение которых в общем контексте с мировыми процессами они ввиду отсутствия реалистического понимания не могли оценить правильно, и по гуманным причинам пришли в ужас из-за процессов, которые либо действительно следовало было осудить, либо же их можно было понять только с точки зрения революционной оценки. К этому относятся акция 30 июня 1934 года, обращение с евреями или политизирующими священниками, концентрационные лагеря, борьба с силами сопротивления и партизанами во время войны, и т.д. В большинстве случаев, однако, сторонники этой группы только благодаря вражеской пропаганде или натравливанию со стороны первых двух групп были со временем совращены к враждебности.

Штауффенберг

Трагично, что главный участник покушения 20 июля, полковник граф Клаус фон Штауффенберг, один из немногих, кто вообще был готов в случае необходимости рискнуть жизнью ради своего поступка и поэтому заслуживает определенного уважения, был одним из тех офицеров, которых их командиры подвергли дисциплинарному наказанию за то, что они в избытке воодушевления участвовали в факельном шествии 30 января 1933. Эта трагедия особенно очевидна у друга Штауффенберга, капитана Фридриха Карла Клаузинга, который на процессе мужественно сказал председателю народного суда Фрейслеру: «Я с полным осознанием своей ответственности участвовал в попытках устранить Гитлера. Но теперь, когда я знаю, кем были руководящие умы этого путча и те, кто должен был получить от него выгоду, я ясно понимаю, что этот путч не мог привести ни к чему хорошему, и что я служил неправильной стороне».

Клаузинг

Я считаю целесообразным привести здесь две ясные суммарные оценки противников Гитлера, сделанные важными приверженцами движения сопротивления.

Гизевиус

Ганс Бернд Гизевиус в книге «*До горького конца»:* «Коммунисты, социал-демократы, либералы, консерваторы и христиане все делали свои собственные выводы из прошлого и настоящего. Они были большей частью едины только в отрицательной позиции, в том, что национал-социализм должен исчезнуть.

В положительных целях противоречия были диаметрально противоположными. Одни хотели социализма, другие как раз в нем видели корень всех зол. Одни выступали за коллективизм, другие думали, что нужно приложить все усилия, чтобы, по крайней мере, смягчить его, потому что, мол, и так уже глубоко застряли в нем. Одни хотели централистскую Германию, другие федеративную. Все беспокоились о воспитании молодежи, но уже в вопросе христианства и школьного образования взгляды сильно расходились. ... Помимо того, они были едины в их ненависти к Гитлеру!»[13]

Эмиль Хенк в вышеупомянутой статье о 20 июля описал это еще короче:

«В целом этот круг вокруг Гёрделера был пестрым сборищем всякой всячины, без единой программы и без твердой политической идеи. Это были, в принципе, все политические одиночки, без ощутимой массовой основы. Единым у них была лишь их враждебность по отношению к Гитлеру!»

Я хотел бы дополнить эти оба «автопортрета» оценкой, которую Ганс Рихард Шпренгер в номере 9/II журнала *«Nation Europa»* поистине классическим способом дал противникам Гитлера:

«Без сомнения профессионально высокообразованный офицер генерального штаба Бек с начала войны сидел перед своими оперативными картами и в холодной ненависти ждал того, что со своими выученными военными знаниями окажется правым против аутсайдера Гитлера. О том, что когда-то был аутсайдер по имени Кромвель, Бек при этом полностью забыл. Теолог Бонхёффер во время войны молился своему догматично ясному и точно очерченному Богу за поражение своего народа – поражение, которое не могло повлечь за собой ничего другого, кроме самого жестокого безбожия. Штауффенберг приступил к делу – не имея даже малейшего представления о том, что в случае его успеха, собственно, должно было случиться с Германией. Благочестивый офицер и юрист Фабиан фон Шлабрендорф придумал себе неправовое государство для оправдания подкладывания бомб, и при этом он сегодня вовсе не чувствует себя обязанным бороться против несправедливости победителей. К ним присоединились все те маленькие, но стоящие у интеллектуальных источников влияния «всего лишь католики», «всего лишь протестанты», «всего лишь профсоюзные деятели», «всего лишь ученые», которые все вместе полагали, что их полная спокойствия самоуспокоенность находится под угрозой, и поэтому вполне искренне могли считать, что нужно спасти «всё», помогая при этом все сравнять с землей.

Шлабрендорф

Эти слабые отпрыски старого руководящего слоя в 1924 году подтрунивали над смешным руководителем маленькой партии Гитлером, в 1930 году видели в нем желанного «барабанщика», через спину которого они надеялись проползти на властные посты, в 1933 году прятались от него или давили на него, в ожидании того, что он скромно уйдет в отставку и освободит место действительно образованным людям, затем в течение долгих лет утешались определенным, логически неоспоримым ожиданием его скорейшей катастрофы, в 1934 году неохотно хвалили его, так как он поднял Вермахт с земли и посадил

его в старые седла, и проклинали его, так как он не отдавал политическое руководство, которого он добился в борьбе. Этот интеллектуализм видел, как «все наступит»: быстрая неудача Гитлера, быстрый крах «сумасбродной идеи» устранения версальской несправедливости, безусловное банкротство – вот только того, что должно было последовать *после этого*, они странным образом не видели. Они не принимали никакого участия в устранении безработицы, во включении рабочих в нацию, в спасении крестьянства, в чистке культурной жизни, в восстановлении немецкой структуры ценностей – они всегда безучастно стояли рядом со всем этим и всегда были против, со дня на день ожидая крушения этого строения, которое, все же, давало любое пространство руководящему слою. Они не видели, что массе было дано биение сердца нации, не видели, как миллионы из тупости и потерянности самих себя находили путь к радостному жизнеутверждению и к осознанию своего «я», не чувствовали, как начинали бурлить засыпанные источники, и не хотели видеть, что волна настоящей религиозности охватывала немецких людей. Все, что там происходило, не вписывалось в формулы и тезисы, из которых этот интеллектуализм питал себя; в его остроумных играх воображения у этого нового не было места – и это новое должно было быть от сатаны.

И таким образом носители этой выродившейся разновидности духовности сближались в лишенном понимания отрицании, в бессильной ненависти, образовывали свои кружки, убегали из мира действий, который тогда возникал, и искали утешение в надежде на возвращение прежних времен, молились богу, что он даровал победу Моргентау и Сталину, доллару и марксистской мировой революции, и отправляли своих посланцев, чтобы втереться в доверие к смертельным врагам их народа».

Примечания

[8] Тут я могу похвалить американцев, которые сразу говорят, что их новый роскошный пароход «Юнайтед Стейтс», который завоевал приз «Голубой ленты Атлантики», может в любое время превратиться в войсковой транспорт.

[9] Из письма, которое господин фон Хассель 18.4.1938 направил Герингу, следует, согласно Т.Р. Эмессену (*«Документы с письменного стола Геринга»),* «из какого опыта Хассель сделал свои выводы, когда он перешел на сторону противников нацистского режима. Этот мужчина принадлежал к участникам и жертвам 20 июля 1944. Но его письмо от 18.4.1938 дает нам горькое понимание того, что разочарованное честолюбие, но не убеждение отдалило этого человека от нацизма. В этом отношении Хассель не одинок среди заговорщиков 20 июля».

[10] Я рекомендую всем читателям, которые пока знают только искаженные рассказы о кризисе Фрича, включая работу отставного генерала Фёртча (II., публикация Института современной истории), изучить интересную статью на эту

тему генерал-адмирала в отставке Бёма в номере 4/II журнала «Nation Europa», где объясняется поведение не только генералов, но также и Гитлера в этом вопросе.

[11] Уничтожение СА (штурмовых отрядов). [Примечание Scriptorium]

[12] Соблазнение проводилось с использованием всех самых гнусных средств, таких как ложь, клевета и шантаж. Так одного человека, узнавшего об измене господина Остера и доктора Мюллера, удалось отговорить от того, чтобы он доложил об этом своему начальству, тем, что ему представили их как патриотов, а Гитлера – как преступника, потому что он приказал немецким летчикам атаковать Фрайбург. Это было неправдой, но на данного человека, ввиду позиции Остера, это произвело впечатление. Они отправляли влиятельным людям кажущиеся невинными меморандумы, которые они на самом деле по причине их содержания должны были передать своему начальству, но не делали этого по незнанию или из чувства товарищества, после чего они из-за этого вынуждены были стать на сторону заговора.

[13] Эту ненависть можно доказать у всех важных участников заговора, проследив ее вплоть до той причины, которая эту ненависть вызвала. Такая ненависть подавляла любую способность принятия справедливых решений или хотя бы ответственных решений.

4. Активные группы и их планы и действия, направленные на осуществление государственного переворота

Теперь противники в целом разделялись на две большие активные группы. Одна – а именно в количественном отношении преобладающая часть – ограничивались обыкновенной негативной критикой мероприятий новой системы, распространением всяких слухов и скверных анекдотов, мелочными спорами с функционерами партии и связанных с нею организаций. В некоторых случаях образовывались также группы противников-единомышленников, которые снова и снова составляли планы, как можно было бы создавать этой системе трудности или действительно бороться с нею, но сами ничего не делали.

Мюллер

В общем и целом, все эти попытки были неопасны для системы и были довольно незначительны в отношении их вреда для государства. Конечно, было бы лучше, если бы также эти круги занимались деловым сотрудничеством или положительной критикой, или являлись бы осторожным «аварийным тормозом» в интересах отечества. Но в каждом государстве правительство должно считаться с определенной частью населения, которое ведет себя отрицательно, а не положительно, но при этом не угрожает собственно существованию данной формы правления.

Шахт

Теперь, однако, мы подходим к другой, в количественном отношении не столь большой, но явно более важной группе влиятельных политиков или высокопоставленных офицеров, которые были либо уже исключены из практического

сотрудничества и поэтому чувствовали в себе неудовлетворенную жажду деятельности, либо еще находились на высоких постах и пользовались уважением, но были недовольны отсутствием достаточного признания и поэтому также стремились к дополнительной политической деятельности. Из их кругов образовалась маленькая группа по-настоящему активных действующих лиц. Это были в *политической* области: господин государственный секретарь (статс-секретарь) Эрнст фон Вайцзеккер, оба брата Эрих Кордт и доктор Теодор Кордт, первый на важном посту в министерстве иностранных дел, второй в посольстве Германии в Лондоне, доктор Ялмар Шахт и доктор Карл Гёрделер, а также бывший сотрудник Гестапо Г.Б. Гизевиус, доктор Йозеф Мюллер и бывший немецкий посол в Риме Ульрих фон Хассель; в *военной* области: оба начальника генерального штаба сухопутных войск: Людвиг Бек и Франц Гальдер, руководитель Абвера, службы военной разведки и контрразведки, адмирал Вильгельм Канарис с его правой рукой, генерал-майором Гансом Остером, и господа Фабиан фон Шлабрендорф и генерал-майор Хеннинг фон Тресков, а также полковник граф Клаус фон Штауффенберг.

Вайцзеккер

Теперь их стремление не могло быть удовлетворено во внутриполитической области, так как здесь национал-социалистическая революционная методика оставила бы лишь небольшой повод, чтобы пожинать лавры, если они не хотели ограничиться деловой «работой аварийного тормоза». Итак, они выбрали себе самую интересную область, в которой системе, т.е. Гитлеру, действительно можно было причинить вред, область внешней политики. У этой области было также то преимущество, что «масса ничего в этом не понимала», т.е. эта деятельность оставалась за исключительным кругом избранных господ. Они считали эту деятельность тем более необходимой, что, по ее мнению, не только масса ничего не понимала во внешней политике, но и призванное этой массой (народа) правительство тоже в этом не разбиралось. Этот Гитлер мог

как «крысолов» соблазнить «не имеющее собственного мнения» большинство отдать ему свой голос, но к внешней политике принадлежало, все же, нечто большее. Для этого *только* они были рождены и призваны! Элита! Так как имелась также совесть, которая время от времени возбуждалась, они создавали для себя «громоотводы»: «мир во всем мире» и «человечность» – в интересах которых можно было делать такие вещи, которые никогда нельзя было бы делать в интересах отечества.

Основной руководящей идеей для этих господ было следующее признание, которое лучший «профессионал» из круга заговорщиков, бывший государственный секретарь в министерстве иностранных дел господин фон Вайцзеккер, сделал в своих воспоминаниях, и в котором нужно точно взвешивать каждое слово: «Я сам перед войной и во время войны всегда считал для себя морально оправданным и обязательным за спиной Гитлера и Риббентропа передавать возможному политическому противнику такие политические сообщения, которые могли бы задержать начало и расширение войны, безразлично, были ли они политическим секретом или нет. Моей целью было воспрепятствовать тому, чтобы возможный враг стал *настоящим* врагом».

Ну, действительно совсем некрасиво, что «настоящие враги» отблагодарили его за эту ценную бескорыстную помощь семью годами тюрьмы, и что судьба не позволила ему прожить дольше, чтобы он смог еще «насладиться успехом» своих поступков. Такое происходит, если кто-то порой путает «уборку пыли» и «посыпание песком».

Бек

Наряду с этой внешнеполитической деятельностью они работали над другим своим большим планом: как можно быстрее с помощью маленького убийства избавить немецкий народ от его вождя, который ежедневно предоставлял так

много доказательств своей внутриполитической и внешнеполитической неспособности и который не стремился ни к чему, кроме как поскорее обрушиться с войной на этот миролюбивый и бескорыстный мир. Я не хочу здесь описывать во всех деталях мелочи этой подготовки, так как об этом есть – слава Богу – обширная литература, в которой сами герои хвастаются своими действиями. Мы должны поблагодарить господина Гизевиуса за то, что он сделал это, несмотря на опасность того, что «некоторые из фигур будут лишены ореола героев».

Главой заговора был сам начальник генерального штаба [Людвиг Бек], который был уволен уже в 1938 году, так как он не мог переносить Гитлера, этого «заболевшего манией величия ефрейтора». Его не устраивало то, что его политически окрашенные меморандумы не удостаивались достаточного внимания.[14] Так как он сам не мог «оставаться внутри», он своевременно позаботился о преемнике в лице господина Франца Гальдера. Доходило до обширных планов государственного переворота и внешнеполитических акций самого различного вида, которые в самом ясном и коротком виде собраны в следующем перечислении:

В МИРНОЕ ВРЕМЯ:

Кляйст-Шменцин

1. Летом 1938 года генерал Бек, тогда начальник генерального штаба сухопутных войск, вместе с его преемником, генералом Францем Гальдером, государственным секретарем фон Вайцзеккером, доктором Карлом Гёрделером, адмиралом Канарисом и полковником Остером, готовил государственный переворот, дата которого была назначена на середину сентября. Чтобы добиться иностранной помощи, английское правительство было проинформировано о плане и о самых важных его деталях.

После консультаций с Канарисом Бек в августе 1938 года отправил бывшего руководителя консервативного объединения Эвальда фон Кляйст-Шменцина с соответствующим поручением в Лондон. Кляйст с 19 по 24 августа 1938 находился в Лондоне и вел переговоры с сэром Робертом Ванситартом, который сообщал правительству об этом, с лордом Ллойдом и Уинстоном Черчиллем.

Свидетели: Немцы: 1. генерал Гальдер, 2. доктор Рудольф Пехель, 3. доктор Ганс Бернд Гизевиус; иностранцы: 1. Мистер Ян Колвин (издательство Gollancz, Лондон), 2. лорд Галифакс, 3. Уинстон Черчилль.

Другой документальный материал: 1. Показания Гальдера в Нюрнберге, 2. Показания Гальдера перед Мюнхенской палатой по денацификации, 3. Личная информация Гальдера автору книги «*Беседы с Гальдером».*

Сузанна Симонис

2. 5 сентября 1938 года государственный секретарь Эрнст фон Вайцзеккер уполномочил лондонского временного поверенного в делах доктора Тео Кордта сообщить английскому правительству о запланированном перевороте. Передачу поручения осуществила госпожа Сузанна Симонис (Зимонис).

Поручение было выполнено ночью с 6 на 7 сентября 1938 года в тайной беседе доктора Кордта с британским министром иностранных дел лордом Эдуардом Вудом Галифаксом.

Свидетели: Немцы: 1. Доктор Тео Кордт, 2. госпожа Сюзанна Симонис (теперь министерство иностранных дел в Бонне), 3. доктор Эрих Кордт; иностранцы: 1. мистер Филипп Конуэлл-Эванс (Лондон), 2. лорд Галифакс.

Другой документальный материал: 1. Книга доктора Кордта: «Не из документов», 2. «Воспоминания» государственного секретаря фон Вайцзеккера.

3. Непосредственно перед запланированным путчем, примерно 12-13 сентября 1938 года, генерал Гальдер, начальник генерального штаба, поручил своему доверенному лицу полковнику Гансу В. Бём-Теттельбаху вылететь в Лондон и снова уведомить английское правительство о запланированном государственном перевороте, попросив англичан о помощи. Послание было передано сэру Роберту Ванситарту.

Свидетели: Немцы: 1. Генерал-майор Г. В. Бём-Теттельбах, 2. генерал Франц Гальдер; иностранцы: 1. Сэр Роберт Ванситарт, Лондон.

Другие документальные документы: 1. Нюрнбергские показания Гальдера, 2. Показания Гальдера перед палатой по денацификации.

4. Летом 1939 года полковник Бём-Теттельбах по поручению Гальдера и Канариса снова находится в Лондоне.

Свидетели: как № 3, а также мистер Ян Колвин.

5. Несколько недель спустя, примерно в августе 1939 года, еще один офицер генерального штаба, генерал граф Шверин, с тем же поручением находится в Лондоне.

Свидетели: как № 3, а также мистер Ян Колвин.

6. В декабре 1938 года доктор Шахт уведомляет президента банка Англии Монтегю Нормана о ситуации с государственным переворотом в Германии и, в частности, о позиции генералов. Сообщение было передано английскому правительству.

Свидетели: Доктор Шахт и доктор Гизевиус.

7. В августе 1939 года, как уже раньше в 1937 и 1938 годах, доктор Карл Гёрделер ведет в Лондоне переговоры с доверенными лицами английского правительства об их поддержке немецкого государственного переворота.

Доказательства: 1. Статья Георга Александра «Раскрытый миф» в газете «*Hannoversche Presse*» от 18 июля 1947, 2. Ганс Ротфельс, «*Немецкая оппозиция против Гитлера».*

8. В конце августа 1939 года Фабиан фон Шлабрендорф, автор книги «*Офицеры против Гитлера*», информирует в Лондоне Уинстона Черчилля и лорда Ллойда о политическом положении в Германии и о возможностях государственного переворота. То, что У. Черчилль знал о намерениях немецкого генерального штаба совершить государственный переворот, разъясняет его речь по радио 17 октября 1938 года (процитирована газетой «*Times*» за 17.10.1938, стр. 16).

Свидетели: Фабиан фон Шлабрендорф.

Другой документальный материал: Книга историка Ганса Ротфельса «*Немецкая оппозиция против Гитлера*».

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ:

Хассель

9. В октябре 1939 года доктор Тео Кордт был переведен государственным секретарем Вайцзеккером в немецкое посольство в Берне с категорическим заданием установить там связь с доверенным лицом лорда Галифакса. Этим доверенным лицом был уже упомянутый мистер Конуэлл-Эванс. *Свидетели:* Немцы: 1. Доктор Тео Кордт, 2. доктор Гизевиус; иностранцы: Мистер Филипп Конуэлл-Эванс. *Другой документальный материал:* Книга доктора Кордта «*Не из документов».*

10. В течение февраля и марта 1940 года посол Ульрих фон Хассель в курортном поселке Ароза, Швейцария, устанавливает контакт со связным лорда Галифакса.

Посредник: зять Хасселя, итальянец.

Доказательство: Книга У. фон Хасселя «*О другой Германии*».

11. Весной 1940 года доктор Йозеф Мюллер по поручению Канариса и Гальдера устанавливает связь с доверенным лицом английского правительства в Риме. «Связь проходила через английского посла в Ватикане Осборна к лорду Галифаксу», пишет об этом историк оппозиции Ганс Ротфельс. Переговоры и дискуссии касались государственного переворота в Германии и имели своей

целью добиться благоприятствующего согласия английского правительства. Это согласие было также дано в форме так называемого «X-Report» («секретное сообщение X») и передано генералу Гальдеру, который в свою очередь передал его дальше генералу Вальтеру фон Браухичу, который, по словам самого Гальдера на процессе в палате денацификации, назвал эту деятельность «изменой родине».

Свидетели: 1. Генерал Гальдер, 2. министр юстиции в отставке доктор Йозеф Мюллер, Мюнхен.

Другие документальные документы: 1. Книга «*Chief of Intelligence*» мистера Яна Колвина (издательство Victor Gollancz), 2. Нюрнбергские показания Гальдера, 3. Показания Гальдера перед Мюнхенской палатой по денацификации.

Наряду с этим были еще многочисленные планы покушения и попытки покушения против Гитлера и его соратников. Нужно упомянуть еще предложение немецких генералов, обязавшихся «ликвидировать» 300 000 нацистов в течение четырнадцати дней, если им пообещают, что Германию не будут оккупировать. (Доказательство: Сэр Сэмюэль Хор в книге «*Посланник с особой миссией*»).

Шлабрендорф

Эти «умные политики» исходили из простого иллюзорного представления, что Англия немедленно продемонстрирует жесткую позицию по отношению к Гитлеру или даже начнет войну против него именно тогда, когда это подошло бы им. Да, они воображали себе, что Англия продемонстрирует эту жесткую позицию, чтобы вынудить Гитлера к отставке и тем самым поставить у руля их,

«лучших немцев». Но в этом они обманывались, так как на практике они получали от англичан только пустые обнадеживания и дешевые заверения благодарности.

Здесь целесообразно повторить описание одного из главных участников заговора, господина фон Шлабрендорфа, которое он дает в своей книге «*Офицеры против Гитлера*»: «Я сам незадолго до начала войны приехал в Англию. Там я посетил лорда Ллойда, к которому у меня был доступ благодаря заново созданной нашей группой связи. Я смог сообщить ему, что война уже на пороге и должна начаться нападением на Польшу, какие бы предложения посредничества ни делались. Далее я смог сказать ему, что английские усилия вокруг России провалятся, так как предстоит заключение договора между Гитлером и Сталиным. Гитлер хотел этим договором обеспечить безопасность своего тыла.

Лорд Ллойд попросил меня позволить ему передать оба эти сообщения лорду Галифаксу, тогдашнему английскому министру иностранных дел. У меня не было возражений. В то же время у меня была дискуссия похожего содержания с Уинстоном Черчиллем. Эта беседа проходила в сельском поместье Черчилля. Когда я начал свои объяснения с фразы: «Я – не нацист, а хороший патриот», Черчилль улыбнулся на все свое широкое лицо и сказал: «Я тоже»».

Или господин Гизевиус: «Каким опасностям тогда подвергали себя ответственные люди, я хочу показать на примере только одного случая, который вызвал сильное волнение внутри Абвера. В одном нейтральном городе в бельгийское дипломатическое представительство постоянно поступали предупреждения, которые сводились к информации о предстоящем вторжении. С поразительной откровенностью соответствующий дипломат телеграфировал об этом своему правительству, причем основная часть его описания касалась того, почему он предложил бы не верить этим сообщениям. Мол, информация исходила из высокопоставленной военной инстанции, из чего следовало бы сделать вывод, что речь шла об обманном маневре, так как в противном случае тот, кто передавал эти сведения, был бы предателем».

Примечания

[14] Когда Гитлер, например, спросил Бека, действительно ли он думает, что французская армия превосходит немецкую, Бек со ссылкой на свой сорокалетний военный опыт ответил, что французская армия в случае войны прогонит немецкую через «солнце, луну и звезды».

5. Воля Германии к справедливому миру

Перед тем, как я детально выскажу свое мнение об этом невероятном поведении, я должен сначала немного высказаться о политическом процессе. Однозначно установлено, что почти все занимающиеся внешней политикой до 1932 года политики, больше всего Густав Штреземан, прилагали самые большие усилия, чтобы освободить Германию от самых грубых оков Версальского диктата – к сожалению, безрезультатно, как с болью признался Штреземан. Незадолго до своей смерти он сказал британскому дипломату сэру Альберту Брюсу Локкарту: «Если бы союзники хотя бы один единственный раз пошли мне навстречу, я повел бы народ за собой, да, даже еще сегодня я мог бы повести его за собой. Но они ничего мне не дали, и те незначительные уступки, которые они сделали, всегда были сделаны слишком поздно. Поэтому нам не остается ничего, кроме грубой силы. Будущее находится в руках нового поколения, и мы потеряли его, ту немецкую молодежь, которую мы могли бы привлечь для мира и восстановления. В этом моя трагедия и ваше, союзников, преступление».

Штреземан

Единственное, что удалось им, это заключить ряд договоров, которые, однако, все еще как-то были связаны с Версальским диктатом и ни в коем случае не могут считаться свободными договорами – которые «Гитлер поспешил нарушить».[15]

Гитлер применял теперь принципиально более активные методы, но при этом у него не было никакого намерения подвергнуть свой запланированный «на тысячелетие» труд опасности из-за легкомысленной войны.

У него в этом деле также были значительные успехи, и не могло подлежать сомнению, что они наряду с внутриполитическими и, прежде всего, экономическими успехами привели бы к значительному усилению Германии.

Насколько серьезно обстояло для него дело с его мирными намерениями, следует из его продолжительного стремления заключить с бывшими противниками Германии обязующие соглашения о разоружении. К сожалению, все эти попытки потерпели неудачу из-за недостаточной доброй воли этих держав.

Наоборот, из книги французского министра иностранных дел Жоржа Бонне «*Перед катастрофой*» с четкой ясностью следует, что во Франции и не думали о разоружении, а только стремились как можно скорее провести дополнительные военные приготовления, которыми французы пренебрегали во время слабости Германии. Это равным образом касается и Англии.

Только это заставило Гитлера прибегнуть к усилению своей армии, что, однако, сначала привело только к ее приведению в соответствие с состоянием западных держав. Постоянно он интенсифицировал свои попытки достичь мирного урегулирования со всеми европейскими державами. К сожалению, он скоро на основании безупречных доказательств вынужден был прийти к той точке зрения, что они готовились к тому, чтобы усилением своих войск и политическим окружением к подходящему моменту добиться существенного превосходства над Германией. Ясно, что Гитлер, как ответственный государственный деятель, был вынужден, по крайней мере, предотвратить эту попытку соответствующими мероприятиями и вооружаться «на случай реальной опасности», т.е. войны.

Лучше всего это выразил государственный секретарь Отто Майснер в своей книге, где он говорит: «По-моему, ближе всего подойти к истине можно было бы, если применить к его позиции и намерениям юридическое выражение «Dolus eventualis», *косвенный умысел*, т.е. если предположить, что он не хотел войны с самого начала и не планировал ее, но предвидел ее как возможную, и, если его цели не могли бы быть достигнуты другим путем, то он также был полон решимости вести войну для достижения своей цели».

К тому времени произошел Судетский кризис. Во время него английское правительство продемонстрировало заметную любезность по отношению к Германии, и в результате этого дело дошло до «Мюнхена», того решения, которое рассматривалось широкими массами всех народов как настоящее действие во имя мира со стороны участвующих государственных деятелей и считалось их большим успехом.

Очень разочарованны этим и даже по-настоящему разгневаны были наши заговорщики, так как они полагали, что Англия тем самым не только сохранила Гитлера у власти, но даже укрепила его.[17]

Им пришлось отменить свой запланированный на эти дни государственный переворот, так как после этого успеха Гитлера такая акция определенно нашла бы еще меньше понимания в народе, чем обычно.

Они исходили как раз из абсолютно ошибочных выводов. Они забыли о том, что опытные и опирающиеся на столетия планомерной силовой политики английские политики, наверняка включили существование опирающегося на такие могущественные круги заговора в свои планы как «мощный потенциал», но могли молчать и ждать до тех пор, пока не пришло время воспользоваться этим потенциалом.

Я вернусь к кое-чему, чтобы сделать это понятнее для моих читателей: Хьюстон Стюарт Чемберлен, известный автор «*Оснований девятнадцатого столетия»,* писал в 1915 году в одной из своих военных статей: «Каждый должен отдавать максимум сил для святого дела; а если, например, в доспехах появляется трещина, и чистую германскую силу, как это было до сих пор, грызет *отвратительный червь* – тогда Германия проиграет». А Черчилль? Он знал о «внутренних трудностях» и называл их в своих воспоминаниях «... червем в яблоке». Он знал о его существовании уже в 1938 году, и о последствиях деятельности этого червя для него не существовало никаких сомнений – он как раз уже видел их своими глазами. Ведь что он сказал 4 октября 1917 года в ответ на немецкий мирный зондаж? «Нет сомнений в том, что руководители прусского милитаризма – это враги всего человечества. Поэтому мы не можем согласиться даже с таким располагающим немецким предложением. После победного для Германии мира Германия могла бы сказать нам: 'Мы хотим уважать друг друга как достойные противники и снова установить торговые связи'. Мы, англичане, никогда не сможем согласиться с таким решением. Германия должна утратить все влияние в мире. – *Наши друзья внутри Германии работают на разложение Рейха* – они ждут крушения».

Двадцать один год спустя в книге англичанина Яна Колвина можно прочитать следующее о посещении Эвальдом фон Кляйст-Шменцином Черчилля, к которому он пришел по поручению заговорщиков:

«В Четвелл-Мейнор Кляйст обедал с семьей Черчилля, и он видел этот большой политический дом в те самые дни, когда Черчилль с чувством уверенности снова и снова обнаруживал ошибки в концепции правительства Чемберлена. Кляйста приняли тепло, но с некоторой скрытностью, обращались к нему не по имени, а *'наш друг',* и после трапезы отвели его в сторону для дискуссий».

Что на самом деле думал о настоящей силе Рейха Черчилль ввиду его знания о 'черве в яблоке', видно из следующего отзыва известного английского политика Роберта Бутби в его книге «*Европа в решении»:* «На обеде в Адмиралтействе он сказал, что у него все еще есть такое впечатление, что национал-социалистическая Германия «более хрупка», чем кайзеровская в период с

1914 по 1918 год». В его кругах вообще считалось: Враги Гитлера – это наши друзья! Друзья Англии в Германии были, таким образом, его самыми могущественными союзниками в предстоящей борьбе против Германии, и с этой армией Англия определенно могла считаться. А Гитлер?

Но давайте пока вернемся к Мюнхену!

Примечания

[15] В первую очередь, здесь намекается на Локарнский договор. Теперь интересно, что французский министр иностранных дел Бонне говорил в отношении Локарнского договора: «В Локарно Великобритания и Франция были абсолютными хозяевами европейской игры. Обезоруженная Германия полностью зависела от них. Французская армия могла оккупировать Германию без боя за несколько дней». Принятый незначительным большинством Рейхстага договор был в свое время назван Людендорфом «новым инструментом стыда и обмана». Впрочем, отречение от Локарно произошло совершенно оправданно даже с учетом строгих договорно-правовых и политических аспектов. Еще в 1932 году Брюнингу пришлось защищаться от того, что его с помощью сообщения о размещении нескольких французских дивизий у немецкой границы хотели принудить к принятию предложения, целью которого был отказ от коррекции немецкой восточной границы и военного паритета.

[16] Для этого я процитирую только один из десятков подтверждений иностранными политиками в книге «Неудача миссии» сэра Невилла Хендерсона. Он сказал: «По-моему, мы с 1933 по 1938 год не всегда были справедливы по отношению к Германии. Но из-за того, что мы были несправедливы, мы ослабили свое собственное дело и усилили дело нацистов».

[17] Г. Б. Гизевиус описывал настроение в тот момент, когда мюнхенским переговорам угрожал провал: «У нас камень с души свалился, мы считали часы, пока провал не стал твердо определенным, пока мы не узнали, что премьер вернулся в Лондон». Значит, заговорщики предпочли бы войну, *чтобы* они смогли свергнуть Гитлера. Это следует также из других публикаций видных деятелей сопротивления.

6. Мюнхен, Протекторат и британские гарантии Польше

Это действительно так, как правильно констатирует журнал *Der Standpunkt* от 11.08.1950, что конференция в Мюнхене «была не стихийным действием одиночки, одного миролюбивого джентльмена с зонтом, а хорошо продуманной политикой кабинета». Хорошо продуманно в свое время они решились 'на Мюнхен', так как еще не были готовы! Как писал премьер-министр Чемберлен

25.05.1940 в письме одному близкому ему лицу? «Ясно как день, что если бы мы начали борьбу в 1938 году, то результаты были бы намного хуже. С самого начала я сознавал нашу военную слабость, и поэтому я делал все что мог, чтобы отсрочить войну, если я уже не мог предотвратить ее».

Чемберлен

Бонне

И французский министр иностранных дел Жорж Бонне в своих воспоминаниях пишет: «Это новое свидетельство, которое позволяет нам лучше оценить ценность того одного года, который мы выиграли благодаря мюнхенскому компромиссу». [18]

После Мюнхена английские и французские военные приготовления значительно усилились – кроме того, усилилось и натравливание английской оппозиции против Германии. Англия еще ждала. Она даже допустила образование Протектората Богемии и Моравии весной 1939 года – не только потому, что сама Чехословакия развалилась, но в основном потому, что Англия все еще не была готова в военном отношении. Однако Англия в полной мере воспользовалась этим событием для того, чтобы вызвать у англичан враждебность к Германии.

Но тем, кто критически обозначает образование Протектората как насильственное, и вместе с тем подлежащее осуждению действие Гитлера, я хотел бы указать на следующее:

1. Гитлер в Мюнхене не имел намерений на собственно Чехословакию, а хотел получить назад только Судетские области, заселенные немцами. В директиве Гитлера от 21 октября 1938 года, которая всегда рассматривается как доказательство его страсти к завоеваниям, сказано только: «Должно быть возможно разгромить оставшуюся Чехию в любое время, *если* она, например, будет проводить антигерманскую политику*».*

2. В «Мюнхене» развивались, однако, не только тенденции к распаду, так как Словакия и Карпатская Украина стремились к отделению, но и сильные германофобские тенденции, которые угрожали развиться в опасность для Германии. Доказательства этого имеются.[19]

3. Известный политик Пауль Рорбах говорил в 1930 году в «*Германия – смерть или жизнь»:* «Если когда-то случится присоединение Австрии к Рейху, если формула 'один народ – два государства' будет брошена в костер, то территория объединенного немецкого национального государства так охватит Чехословакию, что она неизбежно должна будет искать своего согласия с ним». То, что Чехия вопреки предупреждениям, которые высказал Гитлер в речи от 28 сентября 1938 года и в беседе с чешским министром иностранных дел, делала прямо противоположное, было ее виной.

4. Уже в феврале 1939 года, т.е. за недели до создания Протектората, одна ведущая английская ежедневная газета опубликовала замечательную передовую статью о доставшемся чехам после Мюнхена остаточном государстве. Это государство не было жизнеспособным на длительный срок. Оно географически и экономически было так окружено Германским Рейхом, что оно рано или поздно растворилось бы в Германии; об этом можно сожалеть, но этот процесс больше уже нельзя было задержать. Англия сказала в Мюнхене «А» и теперь она должна была также сказать «Б».

5. Богемия и Моравия уже были составными частями Германской империи, причем на протяжении тысячи лет.

6. Гитлер вспомнит о классической оценке его великого предшественника князя Бисмарка, который говорил: «Тот, кто хозяин Богемии, тот хозяин Средней Европы».

7. Если использовать слова английского посла Хендерсона: «Возможность была слишком благоприятна, чтобы оппортунизм Гитлера мог ее упустить».

8. Не говоря уже о том, что чехи в Протекторате играли отнюдь не роль притесненного меньшинства, а роль абсолютно самостоятельного народа, я хотел бы повторить слова посла Абеца: «Тот, кто считал нормальным, что до сентября 1938 года 3,5 миллиона немцев были вопреки их желанию принуждены к сосуществованию в одном государстве с 6,5 миллионами чехов, не имел права выступать против того, что в апреле 1939 года эти 6,5 миллионов чехов были вопреки их желанию включены в государственный союз с 80 миллионами немцев».

Эмил Гаха

9. Тому, кто хотел бы критиковать тот 'метод', с которым Гитлер побудил чешского президента Гаху, который 15 марта приехал к Гитлеру в Берлин и, согласно Майснеру, рассказывал ему уже на вокзале, «что он ввиду вышедшей из под контроля ситуации на его родине принял решение просить фюрера и рейхсканцлера о помощи и защите, и что он надеется, что найдет у него готовность к совместной политической работе», принять свое предложение Протектората, можно указать на то, что «это обсуждение вопреки более поздним тенденциозным сообщениям о сильных столкновениях и жестоких угрозах проходило спокойно и в корректной форме».

Адольф Гитлер

Чтобы вы также знали, почему Гитлер сразу же за предложением о Протекторате отдал приказ о вступлении войск, я считаю полезным процитировать здесь соответствующее место в книге: «... однажды рассказывал, как детально Гитлер рассчитывал все подробности ситуации тем вечером, когда он застал Гаху врасплох в Берлине с договором о Протекторате. Он при этом точно рассчитал, что в момент возвращения Гахи уже доставленные на самолетах немецкие части должны были выстроиться в шеренги к его возвращению в Прагу. Ну, все это было немного похоже на игру в индейцев и, очевидно, было неправильно понято некоторыми людьми в окружении Гитлера. Гитлер это заметил и объяснил так: 'Гаха – это старый, честный человек. В его стране будут такие круги, которые не поверят ему, что он никак не мог поступить иначе. Поэтому я должен воспрепятствовать тому, чтобы теперь Гаху заставили ради выполнения договора выступить против части его земляков. Я также должен воспрепятствовать тому, чтобы возможность лояльного развития в рамках все равно ставшего неизбежным решения была бы без необходимости отягощена хотя бы единственным бессмысленным выстрелом. Я как политик выполняю обязанности хирурга – если уж я должен резать, то я не могу бессмысленно делать ни одного даже самого крохотного разреза, кроме того, который нужно сделать обязательно. Нет ничего более важного для более позднего признания объективно неизбежной необходимости, чем абсолютная корректность, с которой с самого начала придерживаются границ неизбежного. Поэтому эта поминутная программа, которая точно регулирует последовательность прибытия моих войск и специального поезда Гахи в Прагу, так важна. Решение вопроса Протектората как такового больше не обсуждается, его не смогла бы задержать также чешская армия. Но нельзя позволять стрелять там, где стрельба не обязательно нужна для достижения цели и на будущее нанесет этой цели вред, причем, в самом лучшем случае, абсолютно без какой-то пользы'».

10. Это было бы лучше для мира, если бы сегодня Германия была бы хозяином Богемии вместо Советского Союза, и чешский народ был бы наверняка счастлив, если бы времена 'Протектората' могли вернуться.

11. 15 марта Чемберлен заявил в Палате общин, что английские гарантии не могут быть применены к Чехословакии, так как государство, границы которого намеревалась бы гарантировать Англия, разрушено изнутри и ввиду этого запланированные гарантии закончились. Правительство Его Величества вследствие этого не могло бы больше считать себя связанным этими обязательствами.

Когда теперь вслед за Протекторатом был возвращен еще Мемельланд, но Гитлер заявил, что он никогда не начнет вооруженный конфликт из-за колоний, Англия внезапно поторопилась найти повод, который можно было бы использовать в подходящий момент, чтобы нажать на кнопку. А именно она к тому времени узнала, что Германия вела достаточно перспективные переговоры с Польшей в отношении благоразумного решения проблемы Данцигского коридора. Вместо того, чтобы придерживаться теперь благородного напоминания Черчилля, который еще 24 ноября 1932 года сказал: «Если английское правительство действительно желает сделать что-то для сохранения мира, тогда она должна взять инициативу на себя и снова поднять вопрос о Данциге и «коридоре», пока государства-победители еще пользуются преимуществом. Если эти вопросы не будут решены, не может быть никакой надежды на длительный мир», Англия 31 марта 1939 дала полякам крайне легкомысленное обещание гарантий, объяснимое только с учетом вышеупомянутой поспешности[20]. Чемберлен в Палате общин 3 апреля 1939 года сказал об этом многозначительные слова, о которых Англия еще раз вспомнит с дрожью:

«Так отклониться в этом отношении от наших традиционных идей, как я сделал это по поручению правительства Его Величества в пятницу, является в действительности таким важным поворотным моментом в британской политике, что, как я думаю, можно сказать с уверенностью, что это решение удостоится отдельной главы, если когда-то дойдет до написания учебников по истории...»

Даже мало дружественный к Гитлеру государственный секретарь Э. фон Вайцзеккер заметил об этом: «Как могли в Лондоне подумать, что этим они послужат миру? Верили ли они, что смогут публично запугать избалованного и ослепленного внешними успехами Гитлера? И верили ли они, что это предостережет польские правительственные органы, чтобы те были осторожны? Я в это не верил, и британский посол разделял мое представление. Британский министр и позднее посол Дафф Купер выражал это таким образом: никогда в истории Англия не предоставляла второстепенной державе право принимать решение о том, должна ли Великобритания вступать в войну или нет. Теперь это решение предоставлено горстке людей, имена которых – за исключением,

вероятно, полковника Бека – совершенно неизвестны в Англии. И завтра эти неизвестные люди могли бы отдать приказ о развязывании европейской войны».

Примечания

[18] Эдуард Эррио заметил в 1946 году: «У Мюнхена было две причины: 1. Англия в то время не хотела и не могла вступить в войну; она не была готова. Только после немецкого нападения на Польшу она решилась занять твердую позицию. 2. В то время французский народ был за мир любой ценой. Его в течение долгих лет обрабатывали определенной антивоенной пропагандой!»

[19] Уже в 1918 году чешские политики в Версале обосновали необходимость Чехии тем, что ее положение естественным образом делало эту страну смертельным врагом немцев. Французский министр авиации Пьер Ко подтверждал, что Чехия полна решимости в случае войны атаковать немецкие города и промышленные объекты с использованием самолетов-бомбардировщиков, благодаря короткой дистанции подлета. В конце концов чешский парламентарий Сланский сказал: «Мы, коммунисты, неуклонно приближаемся к нашей цели, к Советской Республике, во главе которой будет стоять Клемент Готвальд». (Из *«Ты тоже был при этом»,* автор Петер Кляйст).

[20] Господин Линдли Фрейзер в книге «*Вина за войну и пропаганда*» теперь хотел бы преуменьшить роковое значение объявления гарантий, указав на то, что это объявление последовало 31 марта, в то время как Польша еще 26 марта отклонила предложения Германии. Но он забывает упомянуть о том, что посол Великобритании уже 24 марта сделал демарш против польского министра иностранных дел Бека, чтобы торпедировать германские предложения Польше от 21 марта. На следующий день Польша объявила о своей мобилизации. (Согласно докладу английского эксперта-историка профессора Нэмира).

7. Тактика союзников, направленная на выигрыш времени, и подстрекательство вместо воли к миру

Теперь в широких массах, которые не знают полного контекста, господствует представление, будто бы мы сначала сами своим «грабежом Чехословакии» подстрекали английский народ против нас и сделали его «готовым» к войне. Однако это серьезная ошибка, потому что уже после «Мюнхена»[21] недовольные этим мирным урегулированием круги в Англии и Франции начали свою подстрекательскую травлю Германии. Я хочу доказать это хронологическим перечнем отдельных событий и выступлений, но сразу хотел бы заметить, что это только небольшая доля того, что можно отнести на счет противоположной стороны:

30 сентября 1938 – Мюнхен

Гитлер и Чемберлен заявили: «Мы рассматриваем подписанные вчера вечером соглашение и немецко-английское военно-морское соглашение как символы желания обоих наших народов никогда снова не вести войну друг против друга...»

3 октября 1938 – Лондон

Чемберлен заявляет в Палате общин: «Мы в этой стране уже в течение длительного периода заняты большой программой перевооружения, которая постоянно возрастает в темпе и объеме. Никто не должен считать, что мы вследствие подписания Мюнхенского соглашения между четырьмя державами можем себе позволить уменьшить наши усилия в отношении этой программы на данный момент».

9 октября 1938 – Саарбрюккен

Гитлер произносит свою известную речь, и Ганс Гримм пишет об этом в своем «Открытом письме архиепископу Кентерберийскому»: «На основании этой ситуации нужно понимать заявление вождя национал-социалистического Рейха, немецкого австрийца Гитлера, от 9 октября 1938: 'Государственные деятели, с которыми мы имеем дело, хотят мира. Мы должны верить им в этом. Только они правят в тех странах, внутренняя конструкция которых делает возможным то, что они в любое время могут быть сняты со своих постов, чтобы освободить место другим, которые не так сильно стремятся к миру. И эти другие существуют. Достаточно только, чтобы в Англии вместо Чемберлена к власти пришел господин Дафф Купер или господин Иден, или господин Черчилль, тогда мы точно знаем, что целью этих людей было бы сразу же начать новую мировую войну. Они не делают тайну из этого, они об этом открыто говорят... Это обязывает нас быть бдительными и думать об обороне Рейха. В любое время готовы к миру, но в любое время готовы и к обороне'. Я давно избегал слушать какие-либо речи 'мешающего моему внутреннему спокойствию' человека Гитлера. Я должен был согласиться с этими его словами, и втайне и с горечью я должен был просить прощения у него, так как теперь он был прав. Пусть даже во всем остальном мне хотелось бы отвергать его своеобразный склад характера, даже чувствовать отвращение к нему, но здесь он, к сожалению, был прав.

То, что после этого делало правительство Рейха вплоть до окончательного второго английского объявления войны, вовсе не могло быть иначе ввиду ежедневно растущей опасности. Любой руководитель Рейха, император или партийный трибун, солдат или пацифист должен был бы принять любые возможные меры безопасности перед угрозой штормовых туч на западе, штормовых туч на востоке, а также над самим Рейхом».

16 октября 1938 – Лондон

Черчилль говорит в своем радиообращении к Америке: «... Мы должны вооружаться. Великобритания откажется от своих многовековых традиций и введет общенациональную воинскую повинность для своих жителей... Является ли это призывом к войне?»

30 ноября 1938 – Лондон

Р.С. Хадсон, секретарь британского ведомства заморской торговли: «Речь идет о намного более обширной проблеме, о том, как противостоять новой форме немецкой конкуренции во всем мире».

6 декабря 1938 – Париж

Французский министр иностранных дел о визите Иоахима фон Риббентропа: «Он казался смущенным определенными английскими процессами. Он напоминал о кампании Черчилля. Кроме того, он, казалось, испытывал недоверие к откровенности британских министров, которые, как представлялось ему, понимали Мюнхенское соглашение не как лояльный компромисс с Германией с расчетом на длительный пакт, а как средство, чтобы выиграть время с задней мыслью, чтобы позже, при более благоприятных условиях, вести войну».

Купер

10 декабря 1938 – Париж

Дафф Купер выступает и утешает себя тем, что Америка как большой друг западной демократии в случае конфликта будет стоять на заднем плане в готовности вмешаться.

11 декабря 1938 – Париж

Французский министр иностранных дел Бонне констатирует: «Противники национал-социалистического режима были полны решимости уничтожить его, но такое опасное предприятие было мыслимо только в том случае, если они терпеливо дождались бы часа, когда они будут достаточно сильны, чтобы уверенно разбить своего врага.

Они, как я думаю, не забыли, сколько это стоило бросить Германии вызов, не разбив при этом ее окончательно.

Галифакс

Как никогда, заботиться о вооружении и национальной обороне Франции и ее союзников, было предметом всех моих переговоров с премьер-министром и моих телеграфных указаний за границу... Во всех областях Даладье в благородном патриотическом усердии ускорял исполнение своей программы вооружения, которую он достойным признания способом начал *в 1936 году*».

5 января 1939 – Лондон

Лорд Галифакс заметил в разговоре с немецким временно поверенным в делах Дирксеном: «... он не постеснялся бы назвать данную статью, которая ему известна, наиболее возмутительным оскорблением фюрера. Очень досадно, что в течение последних месяцев снова приходится отмечать многочисленные промахи».

26 января 1939 – Париж

Министр иностранных дел Бонне в Палате: «В случае войны все вооруженные силы Великобритании находятся в распоряжении Франции и наоборот».

28 января 1939 – Лондон

Чемберлен: «Это делается с целью защиты, а не нападения, что мы и дальше с неослабевающей силой посвящаем себя задаче усиления наших вооруженных сил».

28 февраля 1939 – Париж

Немецкий посол Вельчек сообщает в министерство иностранных дел: «В посольство в последнее время – еще перед известием об антинемецких выходках в Польше – с чрезвычайно надежной стороны поступали сведения, которые позволяют сделать вывод об определенных тенденциях в духе возрождения французско-польского союза и параллельно к этому о намерении постепенного ухудшения немецко-польских отношений. Основной причиной этого называют сильное впечатление, которое произвели на польское правительство углубление *Entente cordiale* между Францией и Англией, а также различные заявления Чемберлена об оказании помощи Франции, к чему еще добавилась примечательная английская активность в Польше».

4 марта 1939 – Тегеран

Немецкий посланник Сменд сообщает в министерство иностранных дел: «Сильное охлаждение принесло возвращение Австрии домой в Рейх... В то время как представительства других стран выражали свое удовлетворение тем, что народ вновь обрел себя как единый народ, резкая критика была высказана английской стороной.

Решение судетско-немецкой проблемы вызвало в здешних английских кругах открыто враждебное настроение против Германии, которое явно выражалось также при переговорах с дипломатическим представительством.

С тех пор антинемецкие настроения здешних английских кругов значительно усилились. Английское представительство и колония превращаются в очаг военного психоза, который прядет свои нити за пределы своей собственной области интересов. Весь аппарат обычного подстрекательства к подготовке к войне, как он сегодня проявляется в английской прессе, радио, в публичных речах ораторов партии войны с агрессивной позицией по отношению к Германии, находит в здешней английской колонии свое точное отражение.

Если в переговорах с англичанами обратить внимание на предосудительность и опасность этих методов, то в ответ последует холодное замечание, что гонка вооружений народов однажды должна привести к войне. Господа Иден, Черчилль и Дафф Купер для этих людей – настоящие представители английской нации и ее будущие представители».

16 марта 1939 – Париж

Бонне о создании Протектората: «Было слишком поздно принимать военные меры, как, с другой стороны, было и слишком рано для этого, так как мы все еще не были готовы... Мы спрашивали себя, удастся ли еще выиграть месяцы, необходимые для завершения наших военных приготовлений».

16 марта 1939 – Берлин

Французский посол Кулондр в донесении Бонне: «Я думаю, мы должны сделать все необходимое, чтобы, по крайней мере, выиграть время... С другой стороны, французско-британское перевооружение, очевидно, вызывает гораздо большую озабоченность у ведущих национал-социалистов. И это, по моему мнению, существенный момент... Необходимо продержаться и выиграть время всеми средствами, пока наше усиление армии не осуществлено».

28 марта 1939 – Париж

Министр иностранных дел Бонне: «Затем Чемберлен предложил Польше договор о взаимных гарантиях, чтобы принудить Польшу к обороне Румынии на тот случай, если на Румынию нападет Германия. Это обязательство обозначало решающий поворотный пункт в британской политике. Чемберлен понимал все выходящие из этого последствия, все же, он довольствовался ими в тот момент, когда не существовало никакой другой возможности преградить дорогу Гитлеру».

28 марта 1939 – Варшава

Французский посол Ноэль в сообщении французскому министру иностранных дел Бонне: «Кроме того, необходимо – если Польша действительно решится вступить на эту дорогу – чтобы Великобритания, чтобы связать Польшу обязательствами и предотвратить ее «соскакивание» в последний момент, обязалась в случае конфликта... оказать финансовую помощь и пообещать определенные экономические преимущества, которые могут в определенной мере удовлетворить желания Польши относительно доступа к колониальным товарам. Было бы также необходимо дать полякам определенные гарантии, которые успокоили бы их опасения относительно Советского Союза... Впрочем, это само собой разумеется, что конкретное предложение содействия только тогда показалось бы заманчивым для Польши и уравновесило бы возникающие из этого опасности, если бы Великобритания решилась на введение всеобщей воинской повинности в мирное время».

25 июля 1939 – Стокгольм

Шведский путешественник Свен Гедин (Хедин) в беседе с английским лордом Доусоном Пеннским:

«Доусон: В тот же момент, когда Германия займет Данциг – будь то мирным способом или силой оружия – мы абсолютно и немедленно объявим Германии войну.

Свен Гедин: Мировую войну из-за Данцига? Данциг – это немецкий город, и несправедливость Версальского договора находится в процессе пересмотра.

Доусон: Сам по себе Данциг мало что значит. Тем не менее, Данциг означает «коридор», и после потери Данцига с «коридором» Польша теряет доступ к морю, становясь засохшей и задушенной. Германия желает этого, чтобы позже обращаться с Польшей так же, как с Чехословакией. Вместе с тем остается только один шаг к Румынии и ее месторождениям нефти, к Черному морю, Дарданеллам, Средиземному морю и Суэцкому каналу, другими словами, к пути, по которому проходит самый жизненно важный нерв нашей империи. Итак, если падет Данциг, это означает жизнь Британской империи. Мы знаем, что новая мировая война из-за Данцига давно назрела, и мы берем ее на себя. *Свен Гедин:* И вы готовы взять на себя такую ответственность?

Доусон: Мы знаем, что после этого от цивилизации ничего не останется, но мы не будем колебаться ни на мгновение».

7 августа 1939 – Зёнке-Ниссен-Ког

Швед Биргер Далерус (согласно его книге «*Последняя попытка*») устроил встречу между Герингом и своими различными английскими деловыми партнерами, и по предложению этих англичан они пришли к результату, что опасность войны лучше всего было бы устранить с помощью четырехсторонней мирной конференции.

Далерус

Гитлер дал свое согласие уже через несколько дней, но господа из английского правительства, у которых были, естественно, совсем другие планы, нежели у тех маленьких доверчивых англичан из народа, которые вместе с господином Далерусом занимались внешней политикой на свой страх и риск, наверняка с грустью вспоминали о 'Мюнхене', и «теперь дело дошло до необъяснимой для меня [Далеруса] и, как должно было оказаться, роковой промежуточной стадии, а именно, до полной остановки переговоров. Единственное, что я узнал, было то, что на английский ответ нельзя было рассчитывать до прохождения определенного времени. Как раз в настоящий момент большая часть самых важных людей, как обычно бывает в это время, уехали в отпуск».

Для господина Далеруса эта остановка переговоров может быть необъяснимой, но все же, не для думающего человека, так как если бы эта конференция осуществилась, то нужно было договариваться, или же виновный в провале переговоров стал бы очевиден всему миру. Поэтому они там предпочли оставаться в отпусках вместо того, чтобы предотвратить войну. Более негодную отговорку действительно невозможно было бы придумать.

15 августа 1939 – Рим

Английский посол сэр Перси Лорейн в разговоре с Чиано раскрыл, что любая попытка вроде Мюнхена исключена, так как при такой попытке Чемберлена и его государственных мужей прогнали бы с их постов. Кто прогнал бы их? Народ? Это разъясняет сообщение, которое сделал

в конце августа 1939 года – из Лондона

немецкий журналист Хайнц Медефинд, когда он должен был покинуть Англию после пятилетнего пребывания там: «Английское правительство в течение многих месяцев через прессу, кино, радио и выступления министров сделало все возможное, чтобы вызвать тревогу у английского гражданина. Оно существенно увеличило свои усилия в августе. Газеты по указаниям министерств старались убедить народ в том, что наступил момент, когда должна начаться борьба за независимость Польши и за новое усмирение так сильно окрепшей Германии. Одни и те же фразы повторялись ежедневно и ежечасно. Но ожидаемый эффект отсутствовал.

Чемберлен еще раз попытался в одной из своих последних речей в августе убедить своих земляков в целях его правительства: Мы стоим перед непосредственной опасностью войны. Мы будем бороться не за политическое будущее очень далекого города (Данцига), а за принципы, разрушение которых означало бы уничтожение мира и безопасности для народов Земли.

Чемберлен

Нет, эта большая поджигательская речь Чемберлена так же мало возымела ожидаемого воздействия, как и вся большая кампания, которая проводилась в течение месяцев, чтобы привести массы в воинственное настроение и воодушевление.

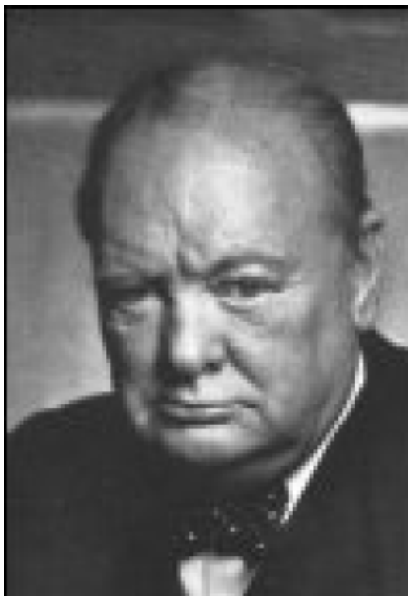
Я после этой речи говорил еще с десятками англичан и англичанок. У всех них не было понимания необходимости войны – ни у кого.

Насколько отсутствовал успех (пропаганды), я заметил в высказываниях моих соседей и мелких бизнесменов, которые умоляли меня не уезжать. Они не верили в войну – и еще меньше они хотели ее».

Его последующие описания позиции английского народа в последние дни перед войной и перед его отъездом из Англии полностью совпадают с описаниями, которые сделал Ганс Отто Майснер, сын государственного секретаря, в его книге *«Так быстро бьется сердце Германии»*.

2 сентября 1939 – Лондон

Уинстон Черчилль пишет Чемберлену: «... что он беспокоится из-за того, что в Париже говорят о новой дипломатической ноте и надеется, что глава британского правительства объявит войну Германии, несмотря на трудности, с которыми он столкнулся во Франции, и тем самым укажет путь французским друзьям».



Черчилль

3 сентября 1939 – Париж

Жан Монтиньи сообщает: «Легкое промедление Франции вызывает гнев лондонских поджигателей войны: несколько депутатов под руководством Черчилля врываются в рабочий кабинет французского посланника (в Лондоне), чтобы осыпать его резкими упреками из-за позиции его страны. Корбен должен был выразить энергичный протест против такого поведения».

3 сентября 1939 – Париж

Французский министр иностранных дел Бонне – когда он подписывал объявление войны: «Мне казалось, как будто мы внезапно отдали распоряжение не только о смерти миллионов людей, но и о гибели ценных идей, духовных ценностей, о гибели мира... Несколько секунд я чувствовал глубокое потрясение. Но мне уже снова звонили из Лондона. Распространилась информация, будто бы Франция только в понедельник в пять часов утра вступит в войну. Эта новость вызвала раздражение в Великобритании».

Они там сидели как на иголках, так как новый «Мюнхен» спас бы мир – но он также спас бы и Гитлера.

«Внешние политики» оппозиции не видели и слышали ничего этого, так как их очки были покрыты налетом ненависти, их уши были заткнуты ложью, и их время было использовано для того, чтобы подготовить планы государственного переворота против Гитлера.

Примечания

[21] Для оценки времени перед Мюнхеном было бы достаточно следующей информации, которую госпожа фон Риббентроп передала адвокатам своего мужа в Нюрнберге. В 1937 году Черчилль сказал фон Риббентропу в немецком посольстве в Лондоне: «Окрепшая Германия снова будет разбита». На возражение Риббентропа, что на этот раз это не так легко будет сделать, как в 1914 году, так как у Германии теперь есть друзья, Черчилль ответил: «О, мы действительно искусны в том, чтобы, в конце концов, привлечь этих друзей на нашу сторону». Английский обвинитель отверг привлечение к делу доклада, который сделал об этом Риббентроп Гитлеру, со словами: «Это неважно, что мой друг Черчилль говорил в этой беседе».

8. Десять видных деятелей об ответственности за войну (часть 1)

Я уже из недостатка места должен отказаться от того, чтобы на основании обширного материала представить здесь полное доказательство того, что все дипломатические движения вплоть до объявления войны 3 сентября были только спектаклем с целью ввести народы в заблуждение о том, кто был действительно виновен в начале войны. Я довольствуюсь лишь несколькими четкими констатациями:

A. Обещание гарантий со стороны Англии должно было служить исключительно защите Польши. Но в защиту Польши не было сделано ни одного выстрела.[22]

B. Официальный – доступный общественности – дословный текст британско-польского договора о помощи от 25 августа говорит о защите от любой европейской державы. Когда Германия победила Польшу, а Россия вторглась в другую половину Польши с войной, депутат Харви 19 октября 1939 года в Палате общин чистосердечно спросил, не распространяется ли все же этот договор также на нападение со стороны ненемецких государств, т.е. России. Он получил письменно официальный ответ, что на переговорах между Польшей и Англией было категорически определено, что это соглашение касается только случая немецкого нападения.

C. Я повторю многозначительные слова Бруно Брема: «Истинные причины войны в большинстве случаев можно узнать не из речей, которые произносят перед войной, а из поступков, которые совершают после войн». Тем, кто интересуется этими поступками, я рекомендую прочесть очень интересную книгу американки Фреды Атли: «*Дорогостоящая месть».*

Убедительнее было бы послушать то, что говорят на эту тему знаменитые политики и историки той страны, которая 3 сентября 1939 года думала, что обязана объявить нам войну вместо того, чтобы реализовать напоминание Черчилля, сделанное им еще в декабре 1932 года, и побудить Польшу к устранению последней несправедливости Версальского диктата, чтобы этим уберечь мир от второй – и третьей – мировой войны:

1. Сэр Освальд Мосли, известный политик и бывший министр, в книге «*Европейская революция*»:

«Более глубокий взгляд должен был видеть британскую мировую империю и немецкую континентальную державу как колонны-близнецы, которые могли бы нести эпоху общего благосостояния и культурного процветания, долговечное здание порядка и мира.

Мосли

Но победило точно противоположное представление и привело к столкновению, последствия которого можно назвать теперь с почти математической точностью: Одна треть Европы отдана России, и уверенная в победе сильная держава Востока возвышается над истощенным остатком Запада, которого защищает только лишь атомная бомба в американских руках.

74% населения и 16% площади британской мировой империи были потеряны вследствие войны или ее последствий; то, что еще осталось, с трудом ковыляет на костылях чужой помощи.

Стоит ли этот результат всех этих жертв? Их можно было бы оправдать только в том случае, если бы Германия действительно стремилась к мировому господству. Мы уже установили, что только сумасшедшие могли бы прийти к такой идее, и те люди, которые начали с нуля, и, не имея ничего в руках, смогли после двадцатилетней борьбы добиться таких больших достижений во всех

областях, не могут быть безумны. Но давайте на минутку представим себе невозможное и предположим, что Германия после укрепления своего положения в Европе приняла бы такие планы мирового господства и обратилась бы против Запада, это значит, против Франции, против Англии и против Америки. Каким был бы единственный правильный ответ на эту опасность? Во всяком случае, не бросаться в бой неподготовленным, а подождать развития событий и за это время позаботиться о достаточной подготовке к войне. Если бы три великие западные державы использовали свою объединенную мощную промышленность для изготовления решающих в те времена видов вооружения, то Германия даже после освоения всех досягаемых источников сырья не могла бы превзойти их. Франции, Англии и Америке при своевременном исчерпывании всех возможностей ее подавляющей промышленной мощи не понадобилась бы помощь России, чтобы, например, отразить угрожающее немецкое нападение и разбить агрессора.

Разве для политики с открытым чувством реальности не является естественной заповедью стремиться к лучшему решению в таком положении, но при этом готовиться к наихудшему? При всех тех обстоятельствах, которые сложились в 1939 году, это означало бы, с одной стороны, устранить все причины, которые могли бы вызвать немецкий взрыв, но также и сделать все приготовления к его отражению. Первым шагом было бы, чтобы государственная мудрость богатых западных держав предоставила Германии доступ к так срочно необходимому ей сырью, либо в граничащих с Германией землях на Востоке, либо в виде доли от тогдашнего изобилия сырья на заморских территориях. Свобода действий на Востоке была бы лучшим из этих решений, как с немецкой, так и с английской точки зрения, но ее предпосылкой была бы определенная степень трезвого размышления и решительности, которую в любом случае нельзя ожидать от 'демократического' мышления.

Если бы действительно была воля к прояснению и разрядке, тогда можно было бы найти и другие, лучше соответствующие мышлению и чувству демократии методы. Германия согласилась бы, пожалуй, с любым международным урегулированием, которое давало бы ее экономике сырье из существующего изобилия мирового производства, даже если бы это происходило в форме торговли или обмена вместо непосредственного доступа к источникам – при условии, однако, что Германия не должна была подчиняться при этом претензиям на господство иностранной финансовой олигархии.

Кроме знаменитых полетов британских дипломатов в мгновения наивысшей опасности, в кризисах, которые возникли из-за того, что немецкий народ вынужден был тесниться в слишком тесном пространстве, демократическая государственная мудрость не делала серьезных попыток устранить причины угрожающего взрыва. Наоборот, она оставляла без внимания все эти различные предложения по разоружению со стороны Германии, предложения, которые

были зафиксированы историей и не могут отрицаться. Германия имела серьезные причины для жалоб на свое ограничение в тесном пространстве без достаточных источников сырья. Разум и справедливость требуют, чтобы, по крайней мере, была сделана попытка для устранения этих причин такой жалобы. Даже если и были подозрения, что Германия в действительности стремилась не к общему благу своего населения, а к мировому господству, ни от какой попытки мирного регулирования не следовало бы воздерживаться. Однако одновременно выигранное время нужно было использовать для того, чтобы развивать огромные промышленные потенциалы так, чтобы оружие и армии трех западных держав могли в зародыше задушить любое агрессивное намерение Германии – если оно действительно существовало. Если бы, тем не менее, дошло до войны, то она благодаря перевесу западных союзников в вооружении не продлилась бы даже приблизительно так долго и привела бы только к совсем малой доле жертв в человеческой жизни и культурных ценностях, в сравнении с теми жертвами, которых потребовала Вторая мировая война, этот результат продолжительной путаницы, которую демократические страны называли политикой и подготовкой.

Тем не менее, автор сегодня, точно так же, как и тогда, убежден в том, что честные усилия по достижению компромисса принесли бы успех, и что свободное и естественное объединение Великобритании и Германии пошло бы на пользу Европе и миру».

2. Роберт Бутби, английский представитель в Страсбурге, в книге «*Европа перед решением»:*

«Поэтому наше удивление было велико, когда Чемберлен 31 марта поставил нас в известность о нашем безусловном и одностороннем обещании гарантий Польше. Я придерживался тогда и еще сегодня придерживаюсь той точки зрения, что это было актом безумия при отсутствии твердого союза с Россией, так как мы тем самым дали далеко идущее обещание, причем с самого начала было понятно, что мы не могли бы сдержать его. Ллойд Джордж сразу поставил вопрос, дал ли бы генеральный штаб свое согласие на то, чтобы мы взяли на себя обязанность защищать страну, которая была бы абсолютно недостижимой для нас. Он не получил ответа.

Польша пала жертвой молниеносной войны в течение трех недель. Мы не пошевелили даже пальцем – и не отправили ни одного самолета – в помощь полякам. Да и как мы должны были бы это сделать? Даже чувство неотложности положения нельзя было ощутить».

3. Питер Х. Николл, шотландский священник, в книге *«Ошибка Британии»:*

«Перед началом войны в Британии еще не господствовало настроение крестового похода против Гитлера, едва ли ощущался даже страх перед приближающейся войной. Общественность не видела, что европейская напряженность должна была вскоре окончиться разрывом. Даже те, кто порицал вторжение в Чехословакию, все же, не мог утверждать, что вследствие этого возникла угроза свободе Англии или какой-то другой большой державы. Напряжение летом 1939 года было гораздо слабее, чем годом раньше. Люди даже, кажется, забыли, что это был не Гитлер, а мистер Чемберлен, который обрек их и весь мир на катастрофу, причем несколькими самыми глупыми, самыми самонадеянными и наиболее вызывающими словами, которые когда-либо произносил государственный служащий. Эти слова были непосредственной причиной Второй мировой войны. Чемберлен сразу же после вступления немцев в Прагу сделал заявление, что Англия всеми находящимися в ее распоряжении средствами придет на помощь Польше, если на Польшу нападет Германия. Англия, мол, защитит неприкосновенность и независимость Польши против любого акта агрессии... Эта речь о гарантиях была самой роковой речью, которую когда-либо произносил какой-то премьер-министр. Говорил ли он теперь от имени кабинета или нет... он не думал об опросе народа, который должен был бы пожинать горькие плоды его необдуманных и глупых слов – и пожал.

Британское правительство должно было ясно понимать, что оно никогда не смогло бы исполнить свои обещания... Поляков можно было ввести в заблуждение, теперь они стали самоуверенными и вели себя по отношению к Германии вызывающе... Этот карт-бланш полякам говорил: Мне все равно, прав ты или нет: как только Германия атакует тебя, я ради твоей защиты объявлю ей войну! И глупые люди хотят называть это великолепным и благородным жестом! Это было беспринципное, ничего не стоящее обещание, причиной которого была только личная ненависть к Гитлеру... Читатель мог бы спросить себя, что подумали бы когда-то в Англии, если бы какая-нибудь другая великая держава стала вдруг диктовать ей, что она может или не может делать в отношении Ирландии или Португалии, или Канады или Индии! – Мы должны вспомнить о том, что искусственно созданная Польша 1919 года – диктатура – была вместе с отвратительным отделением Данцига создана с очевидной целью задушить Германию. Давайте спросим самих себя, какой на 94% британский город согласился бы с тем, чтобы он оставался под чужим правлением, и что чувствовала бы Англия, если бы она была каким-то коридором отделена от Шотландии.

Неблагоразумные люди в Англии и в других местах устали смотреть на то, как Гитлер настойчиво добивался реализации одной немецкой претензии за другой. Они стали раздраженными и пришли к простому выводу, что все эти претензии – это части хитроумного плана агрессии. Но справедливая претензия не становится ошибочной и эгоистичной вследствие того, что она третья или

четвертая, которую должен предъявлять один человек. Это исключительно некорректно, когда люди, которым достаточно повезло в том, что они не страдали от несправедливости и не были обязаны предъявлять какие-то претензии, хотят упрекать Гитлера в стесненном положении Германии. Когда был поставлен вопрос о Данциге и «коридоре», их нетерпение одолело их и победило всякое чувство справедливости. Они незамедлительно решили, что эти дальнейшие претензии не представляли собой ничего иного, нежели 'агрессию' и – на основании этого странного вывода – посчитали, что и более ранние претензии Гитлера были якобы точно такой же чистой 'агрессией' и захватом чужих земель. В те дни часто утверждалось, что у нас не было спора с Германией из-за ее внутреннего политического устройства; внутреннее устройство каждого государства, мол, касалось только самого этого государства. Но если кто-то настаивал на информации, какую именно несправедливость внешнеполитического характера причинила Германия нам или какой-то другой стране, все же, тогда обвинители проворно уклонялись, переходя к темам тоталитарной системы и политики по отношению к евреям, и объявляли эти проблемы достаточной причиной для войны.

Ни верой в международные отношения, сторонниками которой мы себя объявляем, ни общими причинами нельзя обосновать вступление во Вторую мировую войну. Только та серьезная опасность, к которой, наконец, привела Англию упрямая решимость ее правительства уничтожить Третий Рейх, могла пробудить готовность нации к войне и заглушить все другие соображения».

4. Генерал-майор Джон Фредерик Чарльз Фуллер, видный английский военный ученый и писатель, в книге «*Вторая мировая война*»:

«Чтобы выиграть время и скрыть истинное положение вещей, британские государственные деятели начали активную пропаганду за разоружение. Они заявляли, что новая война разрушит цивилизацию, и единственное средство предотвратить печальный исход – коллективная безопасность. К тому времени, когда Гитлер пришел к власти, британский народ был настолько загипнотизирован этой пропагандой, что, если бы какое-нибудь британское правительство предложило перевооружение, его устранили бы от власти. Пацифистская пропаганда была настолько сильной, что, когда в сентябре 1939 года разразилась война, правительство побоялось провозгласить свои истинные военные цели, а именно – поскольку германская политика силы, германский образ жизни, германская финансовая система, германские методы торговли были противоположны британским и поскольку их дальнейшее существование привело бы к германской гегемонии в Европе – нужно было положить конец их дальнейшему развитию, ибо от этого зависело самосохранение Британии как великой державы. Величие Британии было создано и сохранялось поддержанием равновесия сил, ее будущая безопасность зависела от восстановления

равновесия. Поэтому цель правительства в войне заключалась не в уничтожении Германии, а в таком ослаблении ее, чтобы можно было восстановить равновесие.

Джон Фуллер

3 сентября 1939 года, в день объявления войны, вместо изложенных целей была провозглашена другая цель войны – моральная. Конфликт принял характер крестового похода, стал идеологической, а не политической войной, то есть войной, в которой стремились уничтожить Гитлера и гитлеризм, так же как Святой Георгий уничтожил дракона. Заявления представителей всех партий в палате общин сделали это совершенно ясным. Вот некоторые высказывания. Премьер-министр Чемберлен: 'Я верю, что доживу до того дня, когда гитлеризм будет уничтожен и восстановлена освобожденная Европа'. Мистер Гринвуд (Лейбористская партия): 'В результате этой титанической, беспрецедентной в истории человечества борьбы нацизм будет навсегда уничтожен'. Мистер Синклер (Либеральная партия): '… пусть мир знает, что британский народ полон, как сказал премьер-министр, непреклонной решимости положить навсегда конец господству нацистов и построить мир, основывающийся на справедливости и свободе'. Наконец, Уинстон Черчилль (юнионисты): 'Речь идет не о войне из-за Польши или из-за Данцига. Мы сражаемся за то, чтобы спасти мир от чумы нацистской тирании, защищаем все то, что есть святого у людей'.

Таким образом, вместо мобилизации народа на восстановление равновесия сил народ был ослеплен ненавистью к 'злу', и для него война стала борьбой между силами добра и зла.[23] Эта эмоциональная цель, как мы увидим, не только придала войне тотальный характер, но и привела, в конце концов, к такому ее исходу, который Британия старалась на протяжении четырехсот лет

предотвратить, то есть к установлению в Европе гегемонии иностранной державы. Судьба захотела, чтобы этой державой стала Россия».

5. Сэр Бэзил Лиддел Гарт, выдающийся английский военный ученый и писатель, в своей работе *«Почему мы все же не извлекаем уроки из истории?*

«Аморально давать такое обещание, которое впоследствии нельзя исполнить на практике – в том смысле, в котором получивший обещание этого ожидает. По этой причине я в 1939 году поставил под сомнение мораль и осуществимость польских гарантий. Если бы поляки осознавали военную неспособность Англии и Франции спасти их от поражения и от того, что такое поражение означало бы индивидуально и коллективно для них, тогда невероятно, чтобы они так упрямо сопротивлялись против изначальных претензий Германии – на Данциг и проход через «коридор». Так как для меня было ясно, что в случае конфликта они должны были потерять эти населенные пункты и еще гораздо больше, то мне представлялось ошибочным с нашей стороны давать обещание, которое могло бы питать иллюзорные надежды.

Лиддел Гарт

Также мне казалось, что все такие обещания были самым надежным способом, чтобы вызвать войну – из-за неизбежного вызова, который состоял в самой выдаче гарантий в такой момент напряженности, гарантий для региона, с которым мы до сих пор обращались как с тем, что находится вне круга наших интересов; из-за очевидного искушения для такого по-военному мыслящего народа, как немцы, показать, какими наивными и неосуществимыми были наши гарантии; и из-за естественного последствия сделать более жесткой позицию такого народа, как поляки, который всегда проявлял совершенно особенное упрямство там, где в каком-то спорном вопросе нужно было бы путем переговоров найти разумный компромисс...

И все же лейтмотивом почти всех ключевых ораторов на парламентских дебатах о гарантиях Польше в апреле 1939 года было подчеркивать, что они, мол, поддержали эти гарантии, веря в то, что эти гарантии будут средством для сохранения мира. С исторической точки зрения это добровольное признание своего собственного состояния галлюцинации было самым ясным доказательством того, что им не хватало элементов для практического руководства государством, и что они не были подходящими людьми для того, чтобы определять судьбу большого народа.

Единственным выдающимся исключением из этого правила был Дэвид Ллойд Джордж, лишь один политик, кто разъяснял практические трудности и то опасное безумие, которое означало предлагать такие обязательства, не заручившись прежде участием России.

Из-за иронии истории он в это критическое мгновение один раз оказался в согласии с представлениями военных учреждений – да, собственно, каждого, кто обладал хотя бы самым небольшим пониманием практического положения дел. Он был также единственным государственным деятелем, мыслящим в соответствии с традициями британского государственного управления...

Если кто-то скажет мне, что мы в апреле 1939 года внезапно осознали опасность, которую представляла собой нацистская система для всего цивилизованного мира, то я могу только печально улыбнуться. То, что я наблюдал и делал об этом заметки для истории в течение месяцев, которые последовали после Мюнхена, было растущей злобой из-за унижения, которое мы там вынуждены были перенести, и растущим страхом перед опасностью для наших интересов – связь, которая постоянно получала дополнительную движущую силу как под давлением расширяющихся газов, после того, как произошли события марта 1939.

Зимой 1939-1940 очень часто можно было услышать замечание, что неизвестно, чего следовало бы бояться больше – 'протекции' Германии или 'поддержки' Англии».

И он же в *«Истинных причинах войны»*:

«Для целей Нюрнбергских процессов достаточно было необоснованного утверждения, будто бы причиной войны со всеми ее последствиями была лишь агрессия Гитлера. Но это объяснение слишком упрощенное. Оно также не соответствует фактам, так как Гитлер хотел явно не мировой войны...

Внезапный разворот Англии в марте 1939 года сделал войну неизбежной. Он создал ситуацию, которую можно сравнить с перегретым котлом, в котором давление возросло до точки опасности, и после этого защитный клапан этого котла был внезапно закрыт. Вина лежит на тех, кто позволил так сильно разогреть котел, и вызвал таким образом взрыв».

6. А. Рейвен Томсон, Лондон, в журнале *«Nation Europa»*, номер 10/II:

«Сегодня джентльмены из руководящего слоя Англии начинают понимать, насколько ошибочно было атаковать Германию под американским и еврейским давлением. Выражаясь своим небрежным спортивным языком, многие из них теперь признают: 'Мы поставили не на ту лошадь'. Теперь они думают, что если бы Британия уже непременно должна была вести войну, то все же лучше бы она вела ее на стороне Германии, а не СССР. Даже Черчилль облек это понимание в показавшиеся ему подходящими слова: 'Мы зарезали не ту свинью'.

В 1939 году эта мудрость еще не была всеобщим достоянием властителей; тогда они беспрепятственно поддались ветру еврейского крика ненависти и 'пацифистского' подстрекательства к войне. Немногие оставшиеся благоразумными, такие как Невилл Чемберлен, лорд Лондондерри и лорд Рансимен пали, когда после занятия Праги пропаганда превратилась в настоящий буйный поток; они, находясь под влиянием немецких кругов сопротивления, одобрили роковые и абсолютно безрезультатные для Польши гарантийные обещания, которые сделали войну неизбежной...

Оставшиеся благоразумными круги английского народа, которым было ясно, что война привела бы к уничтожению Германии, но также и к сдаче всей Европы Советскому Союзу, под руководством сэра Освальда Мосли неустрашимо противились военной истерии. Огромные народные собрания и демонстрации под открытым небом слушали с восторженным одобрением страстные призывы руководителя Британского союза. Это факт, что Мосли за два месяца до начала войны устроил самый большой политический митинг, который когда-либо видела Англия. Масштаб этой сильной демонстрации за мир очевиден из того, что особые поезда должны были привозить рабочих из оплотов движения Союза в восточном Лондоне в зал. Больше чем 30 000 человек поддерживали в шумном воодушевлении, в буре громкого одобрения, призыв Мосли к миру с Германией, и не прозвучал ни один голос против. Имя Черчилля, основного поджигателя войны, утонуло в возмущенных криках массы, так что его сын Рэндольф покинул зал, дрожа от гнева.

Когда несколькими неделями позже поджигатели войны достигли своей цели вопреки этой борьбе за мир и безопасность Европы, Мосли доказал, из какого он теста. Он все еще неустрашимо бросался на борьбу с тем безумием, которое разжигалось всеми средствами пропаганды. Открыто и решительно, не страшась риска для самого себя, он атаковал власть Черчилля и поджигателей войны – совсем не так, как те заговорщики 20 июля в Германии, которые тайком прокрадывались и занимались подрывной деятельностью, и которые только тогда рискнули выступить открыто, когда поражение Гитлера казалось неизбежным».

Примечания

[22] Гарантии Польше вызвали, как минимум, одно «объявление войны», но еще и Румынии пришлось испытать то, что Англия уже в ноябре 1939 года просила ее, чтобы она, ради бога, не спрашивала о действенности гарантий, если увидит русское вторжение в Бессарабию. Когда Россия в июне 1940 года воспользовалась английской слабостью и, вопреки гарантиям, действительно поглотила Бессарабию и Северную Буковину, Румыния просто осталась без какой-либо помощи и ничего не могла сделать.

[23] Эта позиция пережила десятилетия до сегодняшнего дня. Кто, например, не знает многочисленные театральные спектакли, кинофильмы и телефильмы, в которых «злых нацистов» еще сегодня разбивают «добрые американцы» (или британцы и т.д.)? Тем не менее, такая символика не ограничена только темой «нацисты против союзников»; она намного шире. Ясным примером этого, который можно назвать символическим для всей этой концепции, представляется ставший за прошедшее время классикой телевизионный «документальный фильм» «*Холокост*», в котором еврейская семья носит фамилию Вайс («белый»), а злых немцев зовут «Шварц» («черный»). Но как говорим мы здесь в Scriptorium, история как раз отнюдь не «черно-белая»! [Примечание Scriptorium]

9. Десять видных деятелей об ответственности за войну (часть 2)

Однако, мы хотим дать также высказаться нескольким знаменитым «нейтралам» об их точке зрения, и начнем мы не с кого-то другого, а со знаменитого шведского ученого и исследователя

7. Свен Гедин в его книге *«Америка в борьбе континентов»*:

Гитлер и Гинденбург

«Когда, однако, эта большая перемена наступила в немецкой судьбе, демократы снова напали на Германию; они не понимали, что они только сами и вызвали эту перемену своей близорукостью. Они не сдерживали обещания и обвиняли новое немецкое государственное руководство в нарушении договора, так как всегда легче свалить вину на других, чем самому признаться в ней. От всех предложений для обеспечения мира, которые делала Германия, отказывались или оставляли их без внимания, до тех пор, пока Германия не устала стремиться к основанной на доверии работе с другими державами. Она сама начала стряхивать с себя оковы и создавать себе вооружение, которое было равным тому, которым давно располагали ее соседи, никогда не выполнявшие своих обязательств по разоружению.

Всем торжественным заверениям фюрера, что он хочет мира вопреки восстановлению вооруженных сил, не верили. Адольф Гитлер 21 мая 1935 года сказал в рейхстаге: 'Сначала любая война пожирает самых лучших из лучших... Здоровая социальная политика может благодаря мерам по стимулированию рождаемости детей подарить нации через немного лет больше детей собственного народа, чем в результате войны можно было бы завоевать и покорить чужих людей. Нет! Национал-социалистическая Германия хочет мира из самого глубокого мировоззренческого убеждения'. Никто не сможет отрицать, что это – настоящая и убедительная мирная программа.

Если бы победители мировой войны тогда, в 1935 году, приняли всерьез предложения Адольфа Гитлера и его провозглашенные в публичных речах предложения, или, по крайней мере, согласились бы вести переговоры с ним о том, тогда новой мировой войны можно было бы избежать. Целое поколение мужчин в лучшем возрасте, бесчисленные невиновные гражданские лица были бы спасены, и сотни миллионов в мире могли бы использованы с лучшей целью, чем для попытки разрушить западную культуру на необозримое время. Но они не хотели прислушиваться к голосам мира, предпочитали похоронный звон колоколов, роковой звук которых снова и снова объявлял большим народам безнадежное 'слишком поздно', тем же народам, которые также теперь, как в Первой мировой войне – как будто бы они были заколдованы злыми силами – охотно жертвовали всем ради одной цели: уничтожения Германии, *Germaniam esse delendam («Германия должна быть разрушена»).*

Настоящая причина этого несчастного развития состоит в том, что наследники Версальского договора так никогда и не осознали, что захват власти Адольфом Гитлером и НСДАП был чем-то коренным образом отличающимся от одной из привычных смен правительства. Не какая-то сильная партия сменила более слабую, а пришло революционное движение с тотальным притязанием на власть. Родившись из опыта того, что Германия для своего повторного выздоровления никогда не могла бы рассчитывать на помощь извне, а только на свою собственную волю, правительство Адольфа Гитлера пришло на место

слабого, не имеющего внутреннего согласия и разорванного на 32 партии парламента, и такого же слабого правительства, которое зависело от этого шаткого парламента и не имело корней в самом народе.

Если бы осознали эту все переворачивающую новизну и приложили бы усилия, чтобы начать переговоры с национал-социалистическим правительством, тогда это правительство определенно было бы готово к этому; различные предложения Адольфа Гитлера доказывают это. Гитлер в течение этих лет был настолько занят реализацией своих идей во внутриполитической области, объединением всего народа, что он также определенно был бы готов сделать примирение с немецким народом, к которому также стремились другие, основой своей внешней политики.

Все предложения Адольфа Гитлера высокомерно отвергались и с самого начала рассматривались как нечестные. Их всегда рассматривали как угрозы самому себе, но никогда как попытку долго униженного народа снова войти в качестве равноправного члена в круг других больших наций. Были недовольны некоторыми мероприятиями немецкого правительства и не замечали намерение, большое и хорошее в новой Германии. Вместо того, чтобы только заниматься бесплодной критикой, которая не приносила пользы никому, лучше следовало бы попробовать примирение, к которому стремилась сама Германия, тогда многое также во внутренней жизни Германии было бы решено.

И Вторая мировая война началась вовсе не 1 сентября 1939 года в тот момент, когда немецкие войска перешли польскую границу. Вторая мировая война родилась из Первой мировой войны, самое позднее в тот час, когда представители 32 наций в Зеркальном зале Версаля поставили свою подпись под документом, который называли мирным договором, хотя на самом деле он им не был.

До 1 сентября 1939 года произошли следующие события: немецко-польский договор от 26 января 1934, Мюнхенское соглашение в сентябре 1938, британско-французское обещание гарантий Польше, которое позволило этой ослепленной стране рискнуть проигнорировать великодушное предложение Гитлера от 29 августа 1939 года о мирном решении немецко-польских спорных вопросов. Это предложение было так важно и его отклонение было настолько непонятно, что я позволю себе привести здесь его 16 пунктов [в сокращении, но с сохранением содержания – автор]:

1. Вольный город Данциг на основании своего чисто немецкого характера, а также единодушной воли его населения немедленно возвращается в Германскую империю.

2. Область так называемого «коридора» ... сама примет решение об ее принадлежности к Германии или к Польше.

3. С этой целью эта область проведет голосование. Право на участие в голосовании имеют все немцы, которые проживали 1 января 1918 в этой области или родились там до этого дня, а также все проживающие в этот день в этой области или родившиеся там до этого дня поляки, кашубы и так далее... Для обеспечения объективного голосования эта область, подобно Саарской области, будет подчинена международной комиссии, которая будет немедленно образована четырьмя великими державами: Италией, Советским Союзом, Францией, Англией...

4. Исключенным из этой области остается польский порт Гдинген (Гдыня), который является польской государственной территорией...

5. Чтобы обеспечить необходимое время для обширных работ для проведения справедливого голосования, оно произойдет не раньше, чем через 12 месяцев.

6. Чтобы в течение этого времени неограниченно гарантировать Германии ее связь с Восточной Пруссией, а Польше – ее связь с морем, будут определены автомобильные дороги и железные дороги, которые сделают возможным свободное транзитное сообщение...

7. Принадлежность области решит простое большинство поданных голосов.

8. Чтобы после произошедшего голосования – вне зависимости от его результатов – гарантировать Германии надежность свободного сообщения с ее провинцией Данциг-Восточная Пруссия, а Польше гарантировать ее связь с морем, в случае если область плебисцита отойдет Польше, Германии будет предоставлена экстерриториальная транспортная зона... для сооружения имперского автобана, а также четырехколейной железнодорожной линии. Строительство автомобильных дорог и железной дороги будет проводиться так, что польские коммуникационные дороги... будут пересекать их под ними или над ними... Если результаты голосования будут в пользу Германии, Польша получит для свободного и неограниченного сообщения с Гдингеном такие же права экстерриториального автомобильного или железнодорожного сообщения, как они были бы предоставлены Германии.

9. В случае возврата «коридора» Германской империи она объявляет о своей готовности провести обмен населением с Польшей в том масштабе, в котором «коридор» подходит для этого.

10. Желаемые Польшей привилегии в порту Данцига будут договорены на паритетных началах с такими же правами Германии в порту Гдингена.

11. Чтобы устранить в этой области какое-либо чувство угрозы с обеих сторон, Данциг и Гдинген приобретут характер чистых торговых городов, т.е. в них не будет военных объектов и военных укреплений.

12. Полуостров Гела (Хельская коса), который в соответствии с результатами голосования отойдет либо к Польше, либо к Германии, в любом случае тоже должен быть демилитаризован.

13. Поскольку у правительства Германской империи имеются серьезные претензии по поводу обращения с немецкими меньшинствами в Польше, и поскольку правительство Польши, в свою очередь, также считает, что оно имеет основания для жалоб на Германию, обе стороны соглашаются с тем, чтобы представить эти жалобы на рассмотрение международной следственной комиссии…

14. Чтобы у остающихся в Польше немцев, а также у остающихся в Германии поляков не было чувства международного бесправия, а также чтобы дать им, в первую очередь, уверенность в том, что их не будут привлекать к действиям или к службам, которые несовместимы с их национальными чувствами, Германия и Польша договариваются, что будут гарантировать права обоюдных меньшинств самыми всеохватывающими и обязательными соглашениями...

15. В случае достижения согласия на основании этих предложений Германия и Польша заявляют о своей готовности отдать приказ о немедленной демобилизации своих вооруженных сил и провести эту демобилизацию.

16. О необходимых для реализации вышеупомянутых соглашений последующих мероприятий Германия и Польша будут договариваться между собой.

В дипломатических досье новейшей истории едва ли можно найти документ, который был бы равен этому предложению в сдержанности, в любезности и в понимании потребностей другой страны.[24]

То, что Польша, несмотря на это, не посчитала его достойным даже подтверждения о получении, можно объяснить только ставшим к нашему времени уже известным фактом, что она полагалась не только на своих европейских друзей Великобританию и Францию, а, прежде всего, также на поддержку Соединенных Штатов. Франклин Рузвельт через своих послов в Варшаве и Париже пообещал Польше такую поддержку.

В Лондоне утверждали, будто бы немецкое предложение было отправлено настолько поздно, что варшавское правительство уже просто вовсе не могло ответить на него. Немецкое вторжение в Польше произошло якобы настолько быстро, что все это предложение, вероятно, не было задумано всерьез.

Это утверждение ложное. Лондонская «*Daily Telegraph*», газета, близкая к Форин офису, опубликовала в вечернем выпуске от 31 августа 1939 сообщение о совещаниях в английском кабинете. В статье упоминалось, что сэр Невилл Хендерсон, британский посол в Берлине, получил от немецкого имперского министра иностранных дел немецкие предложения о мирном урегулировании немецко-польского конфликта. Хендерсон тут же передал их в Лондон, так как британское правительство в своей ноте немецкому правительству от 28 августа 1939 года заявило о своей готовности взять на себя посредничество. Лондонский кабинет министров затем передал немецкий меморандум в Варшаву, а польское правительство после его получения отдало приказ о всеобщей мобилизации.

В Лондоне это сообщение «*Daily Telegraph*» вызвало большое смущение, так как там – с согласия Рузвельта – по образцу 1914 года решили обвинить в начале войны Германию. В британской Синей книге о начале войны и в воспоминаниях сэра Невилла Хендерсона «*The Failure of a Mission*» было упомянуто это решение. Неумышленную правдивость «*Daily Telegraph*» попытались скрыть тем, что упомянутый вечерний выпуск газеты был конфискован, и редакцию заставили напечатать второй поздний выпуск, в сообщении которого о совещании кабинета была удалена такая неудобная для британского правительства фраза о польской всеобщей мобилизации *уже после* получения немецкого предложения. Однако Форин офис не смог воспрепятствовать тому, чтобы первый выпуск «*Daily Telegraph*» уже попал в руки нескольких людей, которые интересовались истинными обстоятельствами.

Неслыханно быстрый ход немецкой кампании против Польши помнят все. Обещанная помощь войсками и оружием со стороны тех держав, которые воодушевляли Польшу на сопротивление против Германии, так никогда и не поступила. Польшу предали Англия, Франция и Америка Рузвельта».

8. Пер Энгдаль, руководитель шведского движения обновления, в журнале *«Nation Europa»*, номер 3/I:

«Снова и снова пытались обвинить в войне один только немецкий народ, но при трезвом исследовании материала такое утверждение не может выдержать критики.

Так утверждают, например, что немецкий меморандум Польше на последней неделе августа перед началом войны нельзя было принимать всерьез. И обосновывают это утверждение указанием, что Риббентроп при посещении британского посла, в среду в 8.30 вечера, не захотел сообщить текст меморандума. Но при этом умалчивают, что тот же текст был двумя часами позже передан по телефону из штаб-квартиры Геринга секретарю британского посольства, и что британское министерство иностранных дел в Лондоне уже располагало этим текстом в четверг в два часа ночи.[25] Далее умалчивают о том, что польское

правительство, которое получило текст из Лондона примерно в шесть часов утра, в тот же четверг запретило польскому послу в Берлине как-либо обсуждать этот меморандум или вообще показывать, что он узнал о его содержании».

9. Комиссар Лиги наций по вопросам Данцига, швейцарец Карл Якоб Буркхардт,

«... видел опасность для мира во всем мире не в столкновении мировоззрений. Они были, по его представлению, только занавесом, за которым происходил конфликт между вполне материальными интересами власти. Таким образом, антагонизм мира по отношению к снова усиливающейся мощи Германии был для него в меньшей степени следствием антипатии к национал-социализму, чем скорее страха перед мешающим европейскому балансу сил перевесом империи. Если бы немецкие социал-демократы предвосхитили политику Гитлера, то во всех западных странах заметили бы волну антимарксизма». (По книге Людвига фон Крозига «*Это произошло в Германии»).*

10. И последним мы хотели бы послушать **француза, профессора доктора Мориса Бардеша**, автора книги «*Нюрнберг или Европа»:*

«Дипломатия прежних времен, вероятно, стерпела бы раздел Польши (ведь это было же не в первый раз), и мировой войны можно было бы избежать. Не обошлись ли процессы аннексии Абиссинии, ликвидация Чехословакии для человечества намного дешевле, чем начало мировой войны? Было ли это несправедливо? Но ампутация одной четверти Германии в пользу славянского империализма, ужасное изгнание миллионов людей, с которыми уже четыре года обращаются как со скотом, разве это справедливо? Государственные деятели прежних времен знали, что нужно делать уступки неписаным законам жизни. Подвергались ли мы из-за раздела Польши смертельной опасности? Не безгранично ли больше та опасность, которую демократические государственные деятели вызвали для нас сегодня своими собственными руками? Неужели наше сегодняшнее положение не бесконечно более драматично? Кто не скажет сегодня, что Европа в августе 1939 года было прекрасной?»

Примечания

[24] Я считаю важным то, что первое предложение Адольфа Гитлера от 21 марта 1939 года было еще существенно благоприятнее и точно соответствовало предложениям, которые маршал Пилсудский сам в 1918 году сделал в Версале. Однако они были в свое время торпедированы польскими шовинистами и французами.

[25] Беседа между Риббентропом и Хендерсоном в действительности произошла лишь на четыре часа позже, все же, это ничего не изменяет в том факте, что

у английского правительства это предложение было уже рано в четверг. В довершение всего господин советник германского посольства Тео Кордт со своей стороны посчитал себя обязанным принести этот документ вечером в четверг (31 августа) на одну из своих тайных бесед с Ванситартом. Было достаточно времени, чтобы оказать давление на Польшу, чтобы та пошла на переговоры на основе этих предложений. – Немецкое правительство смогло расшифровать телеграмму, в которой Польша уже в четверг к полудню поручила своему послу, чтобы тот не вел никаких обсуждений и не принимал также никаких предложений.

10. Туз Англии – ошибочный расчет Гитлера

Но давайте теперь вернемся к Гитлеру!

22 августа 1939 года глава германского государства собрал своих генералов в Берхтесгадене и объявил им, что он теперь твердо решил урегулировать вопрос Данцигского коридора так или иначе, и даже вопреки английским обещаниям помощи Польше. Гитлер подробно обосновал, что с честью Великой Германии и ее будущего больше несовместимо то, что поляки и западные державы противились предложенному им великодушному и полюбовному решению проблемы «коридора».

1. Он полагал, что Германия достаточно сильна, чтобы разбить Польшу, а также выстоять в вероятной борьбе против западных держав;

2. Он был убежден, что западные державы, принимая во внимание силу Германии, вообще не решатся вести войну, а, как и до сих пор, хотят только снова угрожать;

3. Он указывал на преимущества, которые стали бы результатом предстоящего подписания немецко-русского пакта.

Каждому понимающему человеку должно быть ясно, что Гитлер тщательно проверил все «за» и «против» перед этим важным решением и точно взвесил, прежде всего, соотношение сил. Где же была та большая ошибка, жертвой которой он пал в отношении вмешательства западных держав и вместе с тем в отношении самого исхода войны?

1. Он не заметил самую большую армию, которая находилась в распоряжении у врага. – Это были обязывающие обещания заговорщиков, друзей Англии, врагов Гитлера. Англия ждала обещанных государственных переворотов и не пошевелила пальцем для помощи Польше.

2. Его самая большая «вспомогательная армия», с которой он до тех пор умел так успешно действовать в дипломатической борьбе держав, больше не существовала, а он об этом не знал. – Это было симулируемое умной пропагандой превосходство военного потенциала, о действительном состоянии которого немецкие друзья немедленно сообщили англичанам, указав им, что они теперь больше не должны были бояться этого предполагаемого превосходства.

Для благоразумного немца не может быть никаких сомнений в том, что Англия не решилась бы на борьбу, если бы она не была уверена в помощи такого могущественного противника своего самого большого врага внутри его собственных позиций. Конфликт Германии и Польши был бы урегулирован без войны, так, как это и планировал Гитлер, и теперь для Германии больше не существовало бы действительно нерешенных вопросов. Великая Германия была бы неприступна, и даже большевизму пришлось бы остановить свою экспансионистскую деятельность или же вести изначально бесперспективную войну.

Гитлер только из-за этой предоставленной заговорщиками врагу помощи проиграл соревнование за власть в Европе. Какое огромное значение придавала Англия знанию о существовании заговора против Гитлера и намерениям государственного переворота, видно из следующего рассуждения. Английское правительство в 1939 году много месяцев «пыталось» добиться от России заключения договора о помощи. Английская Палата общин была очень взволнована тем, что переговоры длились так долго и не приносили никаких результатов, и она неоднократно пыталась заставить ускорить процесс и получить конкретную информацию. Английское правительство снова и снова отвечало уклончиво. Также для русских процесс переговоров слишком затянулся, так что русский политик Андрей Жданов 29 июня в длинной статье пришел к правильному заключению, что англичане вовсе не хотели этого договора всерьез.

Жданов

Статья заканчивалась словами: «Все это говорит о том, что англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств.

Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдет, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру».

Риббентроп

Гитлера и его министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа подвергали «уничтожающей» критике именно потому, что они – как следует из речи Гитлера перед генералами 22 августа 1939 года – не приняли в расчет вмешательство Англии, т.е. абсолютно неправильно оценили международное положение. Однако, на самом деле реальность была совсем иной. Господин фон Риббентроп еще 2 января 1938 года сообщал Гитлеру из Лондона: «Если Англия с ее союзами будет сильнее Германии и ее друзей, тогда она, по-моему, обязательно рано или поздно нанесет удар. Если же, напротив, Германии удастся сформировать свою политику союзов таким образом, что немецкое положение будет сильнее английского или, вероятно, равноценно ему, то возможно, что Англия предпочтет пойти на компромисс... Каждый день в будущем, неважно, какую тактику и промежуточные соглашения с нами они бы ни пробовали применять, когда наши политические соображения не определялись бы принципиально мыслью об Англии как о нашем самом опасном противнике, был бы выигрышем для наших врагов. Я с давних пор трудился ради дружбы с Англией, и я ничему не радовался бы больше, если бы эту дружбу можно было бы установить. Когда я просил фюрера отправить меня в Лондон, я был настроен скептически, выйдет ли что-нибудь из этого, но, принимая во

внимание Эдуарда VIII, эта последняя попытка казалась необходимой. Сегодня я больше не верю во взаимопонимание. Англия не хочет поблизости от себя могущественной Германии, которая будет постоянной угрозой ее острову. Она будет бороться за это!»

Я предоставлю читателю судить о том, мог ли бы сам Бисмарк дать лучшую оценку ситуации в то время, когда Риббентроп еще не был министром иностранных дел и еще не мог знать все то, что произошло до 22 августа 1939, еще более обостряя положение. Все же, эта правда не смогла спасти его жизнь.

Ллойд Джордж

Гитлер и его министр иностранных дел 22 августа при оценке взаимной расстановки сил правильно оценили все – кроме того факта, что они не включили в свои расчеты нового союзника Англии, так как он был скрыт под шапкой-невидимкой измены.

То, что они анализировали ситуацию правильно и имели право верить, что Англия не вмешается, следует из поведения одного из самых значительных английских политиков, а именно Дэвида Ллойда Джорджа. Он, как известно, прогнозировал, что из-за «коридора» разразится следующая мировая война, и как-то сказал своей дочери: «Да, конечно, «Хайль Гитлер», это я тоже говорю, потому что он действительно великий человек». Было понятно, что его больше не посвящали в самые глубокие английские тайны. Он уже 19 мая 1939 года сказал в Палате общин: «Без России наши гарантии Польше, Румынии и Греции бессмысленны».

Когда Польша была разбита, он в конце сентября пришел к политику Роберту Бутби (нынешнему представителю Англии в Страсбурге), который никогда

прежде не видел «его таким обеспокоенным и испуганным», и сказал с тяжелым вздохом: «Мне хотелось бы, чтобы я знал об истинном положении вещей. Но меня не посвящают». Накануне он сказал большему кругу: «Мы никогда не должны были давать гарантии Польше без России. Так как мы сделали это, то нам сразу же после этого нужно было заручиться поддержкой России, чего бы это ни стоило. … В таком случае нам не нужно было бы объявлять войну». Очень тревожась за судьбу Англии, он даже предлагал переговоры с Гитлером: «Но при определенных обстоятельствах было бы мудро не только с политической, но и со стратегической точки зрения начать переговоры, пусть даже только ради выигрыша времени».

Когда он после этого утешает своего собеседника тем, что, в конце концов, Амьенский мир (1802) также не предотвратил падения Наполеона, то это драматично доказывает тот факт, что он – англичанин до мозга костей – думал только об интересах своего отечества, в данном случае о выигрыше времени, а не о каких-то моральных сомнениях, всегда верный известному английскому принципу: «Моя страна – права она или не права». С него могли бы брать пример наши внешние политики оппозиции, которые – якобы в интересах мира во всем мире и человечности – действовали против интересов своего отечества.

Итак, Гитлер действительно был прав, когда он 22 августа предполагал, что англичане не будут вмешиваться, тем более, что даже в Англии неоднократно звучали голоса, которые в случае неудачи переговоров называли необходимым последствием отставку правительства. Также здесь нужно искать причину того, что Гитлер на следующий день после подписания своего договора с Россией ждал сообщений об отставке английского и французского кабинетов министров.

Но напрасно. Так как английское правительство вовсе не утратило внешнего спокойствия. Несмотря на отпадение России ввиду подписания ею пакта с Германией, английское правительство 25 августа 1939 года «хладнокровно» заключило свой договор о помощи с Польшей[26] и объявило войну Германии.

Русская помощь была бы тогда для нее как раз слишком дорога; помощь немецких «друзей» была дешевле. Уже в июне господа братья Кордт выдали господину Ванситарту в Лондоне информацию о том, что Гитлер планирует заключение договора со Сталиным и высказался в том духе, что он не позволит довести дело с Польшей до войны, если раньше англичане заключат договор с русскими.

Примечания

[26] Англичан нельзя было удержать от этого пакта о помощи также тем, что они были очень сердиты на поляков, так как те во время распада Чехии забрали

себе область Заользье и в ходе англо-русских переговоров отказывали англичанам в праве прохождения для русских. В дальнейшем они очень помешали политической игре Англии своим открытым шовинизмом.

11. Значение сопротивления с точки зрения англичан

Однако, как «основательный» немец я хочу привести еще несколько доказательств того, что англичане придавали очень важное значение работе сопротивления.

1. Лондонский ежеквартальный журнал ***«Contacts»*** писал:

«Существование немецкого заговора было хорошо известно во время объявления войны; и тогда этот заговор должен был играть в рассуждениях английского правительства значительную роль».

2. Черчилль пишет:

«Ян Колвин, сын известного автора передовиц газеты «*News Chronicle*», действовавший в Берлине, углубился в немецкую политику и установил контакты очень секретного характера с несколькими немецкими генералами, но также и с независимыми, обладающими сильным характером и способными немцами. Неоднократно меня посещали важные люди из Германии, которые из-за своей горькой нужды раскрывали мне душу... Обо всех фактах, которые я из какого-либо источника узнавал... я время от времени сообщал правительству.»

3. Бывший южноафриканский министр обороны Освальд Пироу незадолго до начала войны прибыл в Англию, чтобы во взаимодействии с Чемберленом и Гитлером, с которым он был в дружбе, способствовать немецко-английскому компромиссу. Но при этом он столкнулся в Англии с различными группами, которые рассматривали «Мюнхен» как английское поражение и были против любого соглашения. О пережитом им при поиске причин этого недоброжелательного отношения он писал так:

«В то время как мое задание в Берлине таким образом принимало более четкие формы, я использовал свое свободное время, чтобы узнать о препятствиях, которые мешали немецко-английскому соглашению.

Я упоминал евреев в этом контексте.

Их ближайшим союзником был Уинстон Черчилль, который все еще жил в атмосфере Первой мировой войны и который, очевидно, надеялся своей германофобской позицией добиться нового взлета в политике. Я во время одного

более раннего визита в Лондон беседовал с ним о ситуации в Европе. Его отношения с Чемберленом были настолько плохими, что я на этот раз избегал любой встречи с ним.

На третьем месте нужно упомянуть вождя рабочего класса майора Клемента Эттли. Он и его Лейбористская партия были очень близки к коммунизму, и еврейская пропаганда использовала их всюду, где это ей было удобно.

Четвертую группу, которая выступала против немецко-английского соглашения, нужно было воспринимать более серьезно, чем вышеупомянутых политиков. Это были шовинисты всех партий и классов, которые видели в Мюнхене самое большое унижение Англии, с тех пор как голландцы со своими военными кораблями поднялись вверх по Темзе. Многие среди этих людей были в армии и в Форин офисе.

Я установил контакт с ними и мог услышать от них такие вещи, которые я рассматривал тогда лишь как пустые сокровенные мечты рассказчиков. Так, например, мне сообщили, что если бы между Германией и Англией разразилась война, то можно было бы рассчитывать на восстание против Гитлера. В нем участвовали бы ключевые политики и даже высокопоставленные офицеры. Когда я в ответ на эти пророчества улыбался, меня заверили, что упомянутые люди уже установили контакт в Лондоне! Я думал, что знаю кое-что о немецкой чести и солдатской верности военной присяге, решительно отвергал эти утверждения. Сегодня, однако, мне кажется, что эти англичане были правы в своих рассказах о немецкой измене еще перед началом войны!

Факторы против мирной политики Чемберлена были таковы: чрезмерно ожесточенная пропаганда мирового еврейства, политический эгоизм Черчилля и горстки его верных соратников, которые тогда едва ли выходили за рамки его семейного круга, полукоммунистические происки Лейбористской партии и воодушевленное благодаря *немецким предателям* подстрекательство к войне шовинистов. В ноябре 1938 года, когда я вел переговоры с Чемберленом, этой странной коалиции еще не удалось поколебать его политическую партию, как этому суждено было произойти позже...»

4. Французский министр иностранных дел **Бонне** пишет в своей книге «*Перед катастрофой»:*

«Нужно признать, что многочисленная информация из-за границы могла привести к представлению, будто бы дела у нашего противника шли уже очень плохо. Я получал такие сообщения непосредственно или через наших послов.

Кроме давно известных историй о бастующих немецких рабочих и о солдатах, которые отказывались воевать, к нам снова и снова приходили с надеждой на предстоящее покушение, которое якобы было уже подготовлено и должно было свергнуть национал-социализм. Так же, как и в 1938 году, на последней

неделе перед войной нам об этом рассказывали постоянно. Если обобщить все, то слова звучали так: 'Продержитесь, и немецкие генералы свергнут Гитлера! Гальдер уже вышел в отставку'. 31 августа наше Второе бюро (военная разведка) резюмировало сообщения, которые как раз поступили к тому времени, следующим образом: 'У Гитлера в Берхтесгадене произошел нервный срыв, и доктора Бунка из Мюнхена позвали к его постели. Гитлер пришел в себя, но все же врач еще остается рядом с ним. Немецкий генеральный штаб надеется, что воспользуется нервным состоянием Гитлера, чтобы осуществить военный государственный переворот...' Между тем, Великобритания и Франция 3 сентября 1939 года объявили Германии войну. Путь для 'военного государственного переворота', о котором сообщали нам в *такой обязывающей манере,* был свободен. Этот слух, впрочем, распространяли также в течение первых дней войны. Так 5 сентября меня посетил один из моих старых коллег из Государственного совета, который на протяжении трех месяцев во взаимном согласии со мной организовывал полуофициальную службу информации, концентрирующуюся на гитлеровской Германии. Он сказал мне: 'Нам известно, что против Гитлера готовится заговор. Не пройдет и месяц, как он и его режим падут'. Он узнал об этом от одного немецкого политика, который уже давно жил как беженец за границей, сбежав от национал-социалистов, и, по-видимому, был достойным доверия человеком».

5. Какую большую роль планы государственного переворота играли также при принятии решений польским руководством, доказывает следующее место из уже упомянутой книги шведа **Далеруса** «*Последняя попытка*»:

Далерус с секретарем британского посольства Форбсом приехал к польскому послу Липскому, чтобы представить тому немецкие предложения. «На обратном пути Форбс рассказал мне кое-что, что меня испугало. В то время как я диктовал секретарю, Липский сообщил Форбсу, что у него нет никакой причины интересоваться нотами или предложениями немецкой стороны. Он, мол, хорошо знает положение в Германии после его деятельности там в качестве посла на протяжении пяти с половиной лет, и поддерживает тесные связи с Герингом и другими людьми из авторитетных кругов. Липский заявил, что он убежден в том, что в случае войны в Германии вспыхнут беспорядки, и польские войска успешно дойдут до Берлина».

То, что заговорщики имели ясное представление об этих последствиях своей связи с заграницей, следует из различных подтвержденных данных, в частности, из книги американца Аллена Даллеса «*Заговор в Германии.* Он пишет, что Гальдер полагал, что внутренние беспорядки прямо-таки вызвали бы нападение извне. Такие люди как Бек, Гальдер, Канарис, Вайцзеккер, Кордт и т.д. должны были полностью понимать последствия своего поведения. Им никак нельзя приписать доверчивость и благородное желание Кримхильды, которая верила, что защитит своего Зигфрида, выдав Хагену его единственное уязвимое место.

Но эти господа были точно теми же, кто продолжал свою враждебную деятельность ежедневно с 1938 до 20 июля 1944 года, пока их честолюбивая ненависть, как показалось, не была удовлетворена покушением на Гитлера – в точном соответствии с мудрыми словами Талейрана, что преступление – это вспомогательное средство политических глупцов.

И теперь я прихожу к выводу, что, если оглянуться назад, то у событий 20 июля 1944 есть, по крайней мере, то преимущество, что они доказывают немецкому народу, какая именно «клика» была виновна в том, что Великая Германия не осталась той Великой Германией, которой она была 1 сентября 1939 года, а именно гордым и могущественным отечеством всех немцев и единственной защитой Запада. И ирония мировой истории в том, что теперь могущественные нации-победители беспокоятся о вкладе жалкого обломка этой некогда Великой Германии в оборону НАТО.

Если эти умные и благородные господа еще живы, они озадаченно соглашаются с многозначительными словами придворного поэта заговорщиков Эрнста Вихерта: «Мы, которые считали себя 'лучшими немцами', не желали ничего более страстно, чем окончательного падения тираний, мы даже молились за победу союзников, в то время как их бомбы разрушали наши города, так как мы надеялись, что это – последняя война, и что демократическая идея справедливого и длительного мира победит».

12. Покушение 20 июля 1944 года: выстрел в ногу самим себе – и в ногу Германии

Проведение собственно акции 20 июля 1944 было – хотя красный генерал Курт фон Хаммерштейн (Хаммерштайн-Экворд) незадолго до своей смерти говорил, «страстно заклиная», господину фон Хасселю: «Только не делайте никакого Капповского путча. Скажите это господину Гёрделеру» – настолько скверно организовано, что можно только покачать головой.

Представьте себе: Германия ведет борьбу против противников, обладающих огромным численным превосходством, и тут несколько сумасшедших говорят: Мы застрелим высшего главу государства, дадим нескольким дивизиям приказ двинуться на Берлин, и тогда все будет в порядке. А что произойдет, если глава государства *не будет мертв* и дивизии не двинутся, это вовсе не должно нас заботить, так как он должен быть мертв, ибо мы так хотим этого.

Так как он, однако, не был мертв, то, по крайней мере, они несколько часов лгали, уверяя, что он мертв, снова не учитывая простого понимания того, что также у этой лжи были очень короткие ноги. И эта клика хотела сменить того самого Адольфа Гитлера, который, если применить ее же жаргон, по меньшей мере, в своей «дьявольской хитрости» был гением. То, что он 1 сентября 1939

года и в дни Дюнкерка принял ошибочные решения, произошло как раз вовсе не от его политической близорукости, а от непреодолимого давления кристально чистой, происходящей из немецкого характера дальнозоркости. Ввиду отсутствия достаточных демократических свобод я не могу обосновать это здесь более детально, но время докажет правильность моих утверждений. В доказательство дилетантской организации путча я приведу два вывода из круга самих заговорщиков:

Эмиль Хенк пишет в своей статье о 20 июля 1944: «Итак, заговор основывался на одной решающей предпосылке: на смерти Гитлера. Он слишком мало принимал в расчет то, что покушение могло потерпеть неудачу. Заговор должен был бы обладать точно подготовленными планами для восстания, даже на тот случай, если бы Гитлер выжил.

Но заговор думал только о покушении. Он думал о военных акциях после смерти Гитлера, но он не думал о гражданской войне, которую этот заговор неизбежно должен был вызвать, если бы деспот был только тяжело ранен. С обоими альтернативными путями: покушение и гражданская война, они должны были вступить в тот роковой день. Решение было очень простым: только гражданская война могла в крайнем случае спасти их и спасти Германию.

Другими словами: путч стоял лишь на военных ногах. Массовое восстание, которое должно было произойти после военной акции, не произошло. Сигнал, которым политическая элита должна была призвать к борьбе, ко всеобщей забастовке, к вооруженным акциям, этот сигнал не вспыхнул.

Ясно: элиты начинают революции. Все равно, какие именно элиты. Их заданием является создать изменяющую все начальную ситуацию и повести массы к свержению власти.

И то, и другое не было достаточно подготовлено, и для того и другого отсутствовала решающая духовная ясность. Не хватало также тактических способностей. Офицеры не решились на гражданскую войну. Это было почти случайностью, что Штауффенберг смог пойти на риск покушения. Для этого было нужно убийственное мужество и ледяное хладнокровие. Но все зависело от одного единственного человека! Если он не справился бы, то и переворот всемирно-исторического значения тоже провалился бы. Какой исторический парадокс!»

Ганс Бернд Гизевиус высказался короче: «На следующее утро после 20 июля – начинается трагедия 20 июля. Так как ни неудачное покушение, ни провалившийся путч не могут восприниматься как трагедия, зато как трагедия могут восприниматься слишком малая активность, слишком большая некомпетентность, слишком большая небрежность, слишком большая нерешительность,

слишком большая слепая вера в слепое послушание. В этот день совсем ничего не происходит. Все застревает на полпути. Эти офицеры видят, как все приближается, видят близящееся военное поражение, даже свою собственную катастрофу. Они понимают, что «так» больше продолжаться не может. Они с трудом приходят к решению, что они должны действовать. Они разгоняются для прыжка. Но затем одни недопрыгивают, другие делают паузу посреди финального рывка. Еще одни поворачивают назад уже на трамплине, а оставшиеся задним числом логически доказывают, что на этот прыжок вообще не следовало бы решаться».

Генри Бернхард, секретарь Штреземана, непричастный к заговору, но специалист-единомышленник в 'Finis Germaniae': «Насколько можно точно сказать, вся эта акция 20 июля 1944 года была начата с прямо-таки редкой неумелостью. И если это правильно, что между планированием всего этого и исполнением лежат почти 2 года, тогда это еще большее доказательство недостаточной зрелости и отсутствия разумной предусмотрительности... Из множества бесед, которые были у меня с друзьями, знакомыми и журналистами... подтверждается впечатление, что эти люди частично были дилетантами в политике, которые ни в коем случае не были рождены 'заговорщиками' или не были пригодны к этому».

О моральной стороне я процитирую из одного неизвестного источника: «Это началось уже с того, что во всем кругу заговорщиков ни нашлось никого кроме Штауффенберга, кто готов был бы осуществить покушение. Представьте себе на минутку, что от этого покушения, по мнению заговорщиков, зависела судьба 80-миллионной нации. Затем представьте себе, что тысячи немецких солдат очень сознательно рисковали жизнью в бою, чтобы потопить вражеский корабль как боевой пловец, подбить танк как одиночный борец или поразить тактически важную точечную цель как боевой летчик, и что миллионы на всех фронтах пали в бою за отдельный дом, за участок траншеи, за огневую позицию батареи и т.д. И тогда сравните со всем этим дух этих заговорщиков 20 июля, речь у которых шла не о доме, не о танке или линкоре, а якобы о судьбе нации. И для этой цели нашелся только один человек – Штауффенберг – кто готов был решиться на покушение».

Друг полковника Штауффенберга, который был тяжело ранен при покушении, писал: «Штауффенберг часто бывал у Гитлера для доклада и был с ним один на один. Почему же он просто не застрелил его, а принес бомбу, чтобы после этого уйти и отправить вместе с Гитлером на небо меня и других его друзей, которые оставались там, ни о чем не подозревая?»

Отдельную главу составляют опустошительные воздействия деятельности заговорщиков на военную ситуацию, воздействия, которые так горячо оспариваются. Даже если военно-историческое исследования только еще должны

представить в будущем свои результаты, то, все же, уже теперь можно сказать, что, наряду с численным перевесом противника и собственными ошибками, которые, однако, лежат меньше в военной, чем в экономической и прочих областях, доля измены в вине за поражение была решающей. В частности, я укажу на следующее:

1. Заговорщики в течение долгих лет не только сами использовали основную часть своей деятельности для подготовки путча, но и подключили к этим целям также много других офицеров и солдат, частично с их ведома, частично нет. Они брали отпуска, больничные, или представляли себя непригодными к строевой службе. Они представляли лживые сообщения и утаивали настоящие, чтобы дезинформировать руководство. Об этом говорит хорошо знавший о деятельности заговорщиков американский разведчик Даллес: «Но определенные люди, у которых были ключевые позиции в Абвере, намеренно фальсифицировали секретные сообщения, чтобы дезориентировать Гитлера, они препятствовали некоторым из самых важных и самых частых планов Гитлера».

2. С помощью влияния на настроение самых широких масс они парализовали боеготовность многочисленных солдат и готовность к труду рабочих военной промышленности и, прежде всего, гражданского населения. Я цитирую господина Й. Эккерта, который провозгласил следующее: «Мы никогда не узнаем, какое огромное множество больших и малых акций саботажа совершались на фабриках, в цехах, на путях сообщения и на объектах транспорта, на военных объектах и т.д. немцами – противниками нацизма и войны. Мы никогда точно не узнаем, что еще, большое или малое, втайне делалось даже в военных учреждениях с целью сокращения войны. Мы можем предположить, что наши вчерашние военные противники знают об этом больше, чем мы сами».

3. Известно, что успех вторжения в Нормандию сыграл решающую роль в поражении Германии. Английский военный писатель Лиддел Гарт пишет об этом: «Три дня спустя, 20 июля, последовала попытка убить Гитлера в его штаб-квартире в Восточной Пруссии. Бомба заговорщиков не поразила их главную цель. Но ее воздействие на битву на западе в ее критической фазе было ужасным». Лиддел Гарт цитирует в своей книге как свидетеля этого генерала Гюнтера Блюментрита, начальника генерального штаба фельдмаршала Ганса Гюнтера фон Клюге, главнокомандующего немецких войск на Западе: «Все это имело очень дурное влияние на те перспективы, которые еще остались у нас, чтобы предотвратить прорыв союзников. В эти кризисные дни фон Клюге только частично обращал свое внимание на процессы на фронте, так как в то же время он озабоченно оглядывался через плечо назад на штаб-квартиру Гитлера... Он был не единственным генералом, который находился в этом состоянии озабоченности из-за заговора с целью покушения на Гитлера. Страх проникал и парализовал более высокие командные инстанции в течение следующих недель и месяцев. Влияние 20 июля на генералов – это тема, которой

можно было бы посвятить целую книгу». Это говорил тот, кто сам принадлежал к заговорщикам!

Блюментрит

Генерал Ганс Шпайдель, начальник генерального штаба группы армий «В» (под командованием Роммеля) описывает в своей книге «*Вторжение 44»,* чем занимались господа перед вторжением: «... После подготовительных совещаний начальника генерального штаба группы армий «В» в присутствии обоих шефов генеральных штабов 15 мая 1944 года в загородном доме в Марей-Марли близ Сен-Жермена произошел подробный обмен мнениями Штюльпнагеля и Роммеля о необходимых мероприятиях для окончания войны на Западе. После обзора политических и военных событий были детально определены теоретические и практические мероприятия для падения национал-социалистического режима. Оба командующих неоднократно и убедительно также сообщали главнокомандующему немецких войск на Западе Герду фон Рундштедту о своих политических и военных заботах и были им услышаны. Генерал-квартирмейстер сухопутных войск, генерал артиллерии Эдуард Вагнер [один из ответственных за нехватку зимнего обмундирования на Восточном фронте в 1941-1942 годах] прибыл в мае на командный пункт группы армий, чтобы координировать необходимые мероприятия на Западе с подготовкой Верховного главнокомандования сухопутных войск. Он сообщил Роммелю об активных оппозиционных силах в Верховном главнокомандовании сухопутных войск, о 'календарной' подготовке к восстанию и впервые о предшествующих попытках покушения на Гитлера. Фельдмаршал возражал против покушения, так как он не хотел превращать Гитлера в мученика...

Далее обсуждались возможности договориться с западными союзниками; через Ватикан, через британского посла в Мадриде сэра Сэмюэля Хора, и через

швейцарские связи. Осторожное зондирование противоположной стороны через Рим, Мадрид и Лиссабон уже начались, но пока оставались безрезультатными...

Финкх

На втором совещании была установлена более тесная связь между лагерями сопротивления и определена коммуникационная линия с командным пунктом Роммеля, которая оправдала себя и оставалась незамеченной...

По поручению генерал-квартирмейстера генерала артиллерии Вагнера, новый главный квартирмейстер на Западе, полковник генерального штаба [Эберхард] Финкх прибыл на командный пункт группы армий и доложил о подготовке к устранению Гитлера и о запланированном государственном перевороте ради спасения родины. Он сообщил о неудачах прежних покушений и о подготовке нового покушения, которое должно было быть осуществлено в Берхтесгадене. Роммель снова попросил передать заговорщикам свое мнение, что он считает убийство Гитлера в результате покушения нецелесообразным по известным причинам и выступает за его арест и осуждение немецким судом. Он поручил полковнику Финкху подготовить с генерал-квартирмейстером крайне необходимую координацию всех мероприятий в штаб-квартире и на родине и как можно скорее доложить ему об этом. По его мнению, этот решающий вопрос одновременно обдумывался в слишком многих местах...

... В эти угрожающие бедой вечерние часы фронты у Кана и Сен-Ло находились в состоянии кризиса обороны, главнокомандующий и начальник штаба звонили, просили резервы и требовали ясности о событиях в штаб-квартире фюрера и в Берлине, о которых они узнали по радио. Начальник генерального штаба группы армий должен был отвечать на этот вопрос и принимать необходимые решения один, чтобы фронт можно было удержать!

... Также из политических соображений фельдмаршалу казалось целесообразным иметь под рукой надежные танковые части для возможных будущих событий».

Согласно его книге *«Заговор в Германии»,* Даллес уже в апреле 1944 года на основании сообщений заговорщиков мог передать радиограмму в Вашингтон, что немецкие генералы, командующие войсками на Западе, готовы отказаться от сопротивления и облегчить высадку войск союзников. Якобы даже делались приготовления, чтобы обеспечить безопасный прием парашютно-десантных войск союзников в самых важных местах в Германии. В начале мая 1944 года Даллес получил от Гизевиуса план из Берлина, согласно которому генералы были готовы открыть путь американским и британским войскам.

На ту же тему журнал *«Nation Europa»* приводит еще следующие сведения: «Для отражения вторжения в распоряжении у Роммеля было 500 000 солдат. В то же время главнокомандующий Резервной армии удерживал в казармах в глубоком тылу более 600 000 годных к строевой службе человек, чтобы гарантировать свержение.

Для отражения масс прорвавшихся советских танков в решающем для хода войны сражении в центре России у немецких войск не было достаточного количества противотанковых средств. Все произведенные противотанковые гранатометы «Панцерфауст» саботажники направили в Грецию, где были партизаны, но не было никаких танков.

В момент начала вторжения ответственный главнокомандующий вопреки наивысшей боевой готовности и строгому запрету отпусков был не на фронте, где его личное участие могло бы изменить судьбу сражения, а в Херлингене около Ульма».

4. Покушение оказало воистину страшное воздействие с психологической точки зрения. С одной стороны, оно показало враждебным народам, которые и не подозревали о планах государственного переворота, «слабую» точку врага, что имело большое значение. Это должно было, естественно, укреплять уверенность этих народов в победе, и, напротив, ослабить нашу собственную уверенность, тем более, что как раз в те самые недели на Восточном фронте происходил большой кризис. Этот кризис я рассмотрю в связи с деятельностью господина генерал-майора фон Трескова.

5. Просоветская шпионская организация «*Красная капелла*» («Красный оркестр») состояла в основном из коммунистических противников Гитлера, все же, ее членов еще долго причисляли к «героям сопротивления»,[27] пока борьба против прежде союзной России не стала модной. «Красная капелла» передавала Советам следующие сведения:

- Количество самолетов в немецких ВВС (Люфтваффе) в начале немецко-русской войны;
- Цифры ежемесячного производства самолетов в немецкой авиапромышленности;
- Цифры о ситуации с горючим в Германии;
- Подготовка к наступлению на нефтяные месторождения Майкопа;
- Места концентрации химических боевых отравляющих веществ в Германии;
- Перемещение немецких парашютно-десантных частей с Крита на Восток;
- Проблемы с производством локомотивов и производством специальных клапанов;
- Цифры ежемесячного производства самолетов в Шарлеруа;
- Места расположения судоремонтных объектов в Амстердаме;
- Производство вооружения в Амстердаме и Роттердаме;
- Передвижения войск на бельгийском и французском побережье;
- Производство железа и стали в Бельгии;
- Планы авиазавода на участке Дрезден-Берлин;
- Разработка немецкой винтовочной гранаты;
- Базирование немецкого морского флота;
- Таблицы о ежемесячном производстве вооружения;
- Потери от бомбардировок и потери на Востоке.

Наконец, в результате ловкой радиоигры удалось проинформировать американцев, что Германия расшифровала «каирский код». Последствием этого был чрезвычайно большой ущерб для африканского фронта Роммеля.

6. Для полноты картины я упомяну здесь еще изменническую деятельность супершпиона доктора Рихарда Зорге в Японии. Он работал в первую очередь как убежденный коммунист для Советского Союза, однако оказалось, что в этой его деятельности ему очень помогла дружба и безграничное легкомыслие Ойгена Отта, немецкого посла в Токио. Если теперь известно, что Отт раньше был правой рукой Курта фон Шлейхера, то это кое-что объясняет, вероятно.

Отт

Зорге

Фон Тресков

О Зорге немецкий журнал «*Der Spiegel*» 13 июня 1951 года писал:

«Если Сталин посмертно не наградит его самым ценным орденом, то он настоящий скряга, так как: когда немецкие армии наступали в западной России, т.е. большие русские соединения были разбиты и были уничтожены, вопрос сибирских резервов стал жизненно важным. Но Красная армия не могла обнажить свой сибирский фланг, пока японская армия стояла там готовая к нападению. Зорге смог добыть достоверную информацию, что японцы не нападут. Поэтому сибирские войска могли быть переброшены на запад и появились там как раз своевременно для успешной обороны Москвы. После окружений под Минском и Орлом русские были крайне озабочены тем, что японцы могут полностью аннулировать заключенный пакт о ненападении и ударить оказавшимся в тяжелом положении красным войскам в сибирский фланг. В августе 1941 года Зорге сообщил, что у японского флота был запас горючего на два года, а у сухопутных войск только на полгода. Среди бесчисленной экономической и военной информации, которую Зорге передал русской военной разведке за десять лет, было также сообщение от 20 мая 1941 о том, что 170-190 дивизий были готовы начать вторжение 20 июня с главным направлением удара на Москву».

7. Генерал-майор Хеннинг фон Тресков был одним из основных действующих персонажей в заговоре против Гитлера. Он был начальником генерального штаба группы армий «Центр». Сначала он стремился в определенный момент привлечь к заговору против Гитлера не только всех офицеров из своего окружения, но и как можно больше соответствующих командующих этой группы армий. Неоднократно он пытался заманить Гитлера на совещание в штаб-квартиру группы. Когда это ему удалось, он вручил одному из ни о чем не подозревающих провожатых Гитлера замаскированный пакет с фугасной бомбой,

которая должна была взорваться во время полета. Но самолет благополучно приземлился в штаб-квартире, так как бомба не взорвалась. Затем последовало еще несколько попыток.

Фон Тресков смог под предлогом полного переутомления получить отпуск на несколько месяцев, уехал в Берлин, и все это время в квартире своей сестры готовил все поддельные планы для мнимых учений «Валькирия», которые должны были замаскировать переворот 20 июля. Он якобы застрелился 21 июля, но эта версия оспаривается.

Англичанин Ян Колвин сообщает в своей книге «*Chief of Intelligence*», что важные подробности плана операции «Морской лев» (высадка в Англии) были немедленно преданы Черчиллю. Он дает понять, что виновником этого мог быть адмирал Канарис. Но так как фон Тресков поддерживал самые тесные отношения с Канарисом и Остером, и служил в важном отделе специального штаба, занимавшегося разработкой планов, можно предположить, что и у него была своя доля соучастия в измене.

Мальте Плеттенберг, автор выдержанной в очень деловом духе и все же производящей сильное впечатление книги *«Гудериан, подоплека немецкой судьбы с 1918 по 1945»,* пишет: «Исследование еще займется подробно причинами крушения группы армии «Центр», начальником штаба которой был фон Тресков, душа заговора военных. Масштаб этой катастрофы гораздо больше, чем у сталинградской трагедии: личный состав одной группы армий, вооружение для двух групп армий просто исчезли. Потери этого вооружения больше никогда не удалось скомпенсировать».

Фронт 22 июня 1944 года проходил еще от Рогачева через Оршу до Витебска, а 3 июля он уже находился в Восточной Пруссии. Неудивительно, что Гитлер воскликнул: «Как можно было потерять такой фронт! Все это развитие кажется мне загадочным».

Примечания

[27] Участвовавших в этих предательских действиях женщин «Красной капеллы» еще 20 июля 1952 года расхваливал специальный номер правительственного органа *«Das Parlament»*.

13. Мораль народа и солдат

Какие выводы можно сделать из этих фактов? Могут ли эти люди, которые имели наглость так опрометчиво вмешаться в борьбу за судьбу Германии, пре-

тендовать на то, чтобы их оценивали так, как хотели бы они сами и их потомки? Нет – и даже в том случае нет, если признать за ними их самые лучшие намерения. Можно ли было бы простить, например, если бы какой-то дилетант начал обезвреживать упавшую в центре города неразорвавшуюся бомбу вместо того, чтобы предоставить это дело специалисту?

Уже одно то, что они не устрашились последствий своих действий, а вопреки самым большим трудностям и многим безуспешным попыткам снова и снова готовили планы покушения, доказывает их безграничную ненависть, которая душила весь их разум и каждое движение совести и заставляла их для этической мотивировки своих действий придумывать самые странные отговорки.

Бонхёффер

Это в большинстве своем как раз были люди, главный душевный и эмоциональный интерес которых лежал вне Германии. Исключительно хорошо компетентный в проблематике немецкого движения сопротивления американец Даллес также констатировал это в своей книге *«Заговор в Германии»*: «Интересно отметить то, что ключевые роли в заговоре играли люди, у которых были родственные или культурные отношения с англосаксонским миром».

У других это были связи с международной церковью, из-за которых интересы отечества отходили на задний план. Казненный священник Дитрих Бонхёффер говорил в 1941 году на тайной церковной конференции в Женеве: «Я молюсь за поражение моего отечества. Только поражением мы можем искупить вину за те страшные преступления, которые мы совершили против Европы и мира».

Но я задам заговорщикам и защитникам 20 июля такой вопрос: Кто искупит вину за войну, за разрушения от бомбежек, за изгнание немцев из Восточной Европы, из их исконно немецких областей, за многомиллионные жестокости

большевиков, за сдачу Восточной Европы большевикам, за экономические бедствия и за угрозу большевизма всей Западной Европе и Америке? И кто должен будет проливать кровь для ликвидации большевизма, без которой в Европе никогда не наступит спокойствие? Какую борьбу оставшиеся в живых заговорщики 20 июля и наследники казненных вели или еще ведут против этих преступлений? – Никакую! Вместо этого они ведут непрерывную борьбу против правды, и, в первую очередь, борьбу против настоящей Германии, которую они хотели бы подавить псевдодемократическими средствами.

Нарушение присяги обосновывается ими смехотворным утверждением, будто бы Адольф Гитлер со своей стороны нарушил *свою присягу* перед нацией. Не говоря уже о том, что «присягу дает только тот, кто клянется, делает это без принуждения и свободно перед лицом Бога, но без колебаний твердо придерживается того, в чем он поклялся», мне абсолютно непонятно, в чем именно Адольф Гитлер не сдержал свою клятву. У тех, кто ссылается на это мнимое нарушение присяги, нет самого незначительного доказательства этого нарушения, а есть только общепринятые утверждения. Но заговорщики нарушили присягу уже тогда, когда Адольф Гитлер еще совсем не мог совершить те действия, которые можно было бы ложно обозначить как нарушение присяги.

Еще один мотив, который приводится для оправдания покушения, – это мнимая бесперспективность военной ситуации (в 1944 году). Не говоря уже о том, что этот мотив привнесен лишь постфактум, так как доподлинно известно, что заговорщики занимались своей деятельностью уже непрерывно с 1933 по 1944 год, но путчисты на своих должностях вообще не могли оценивать реальные перспективы войны. Ведь как у них не было широкого общего представления высшего руководства, не говоря уже о том, что они не могли знать его намерения. Еще более смешным представляется утверждение заговорщиков, что они были якобы обязаны избавить немецкий народ от диктатора. Даже в 1944 году подавляющее большинство немецкого народа еще не видело в Адольфе Гитлере человека, под руководством которого народ страдал, и от которого он хотел бы избавиться.

Я приведу здесь важное место из одной книги, которое в полной ясности и правильно оценивает эту проблему:[28]

«20 июля доказало, что у идеи государственной измены не было почвы и корней в массах народа и в миллионах солдат. Мы с ужасом обнаружили тот факт, что существовала фронда, которую можно было назвать почти сословной, без какой-либо конструктивной политической силы в том слое общества, в котором никто не предположил бы ее существование или не считал бы это возможным. Мы приветствовали провал попытки путча, в частности и потому, что его успех уже через сутки неизбежно столкнул бы нас в самую кровавую гражданскую войну на фронте и в тылу, и вместе с тем в немедленную катастрофу. Не подлежало сомнению, что масса рабочих и солдат вопреки всем их тяжелым

опасениям и страданиям отнеслась бы к правительству такого путча с отчаянной злобой и отказала бы ему в послушании. Эта масса увидела бы в этом покушении смертельно опасное, полностью развившееся из сословных предубеждений и сословных интересов предательство их собственных надежд. То, что лишило путчистов даже последнего грамма понимания, было в целом проявившееся личное намерение участников не пожертвовать своей жизнью ради наивысшей необходимости, как они утверждали, в интересах страны, а, прежде всего, лично выжить ради амбиций, ради страстно желаемой ими власти.

Путчисты, как выяснилось потом, ради своих целей держали значительные соединения войск в их местах дислокации внутри Германии и тем самым лишили фронт резервов как раз в самой критической ситуации. Масштаб этого незаконного присвоения военных сил не был известен в деталях. Однако, он, кажется, был достаточно значителен, раз уж Гиммлер силами этих войск смог сначала вообще закрыть брешь на Восточном фронте. Так возникло теперь, во всяком случае, смертельно опасное подозрение, что путчисты были умышленно заинтересованы в военной катастрофе Восточного фронта как в предпосылке крушения режима и поэтому намеренно увеличивали роковые последствия стратегического ошибочного руководства вместо того, чтобы локализовать их. Итак, у нас были все причины, чтобы приписать им также непосредственную ответственность за роковые процессы на фронте. Эти процессы угрожали успеху нашей общей концепции, они ставили под сомнение выигрыш времени, в котором мы так нуждались. Но неудача путча, возможно, дала нам последний шанс справиться с этой опасностью.

Ситуация вовсе не выглядела так, будто бы Гестапо само по себе было становым хребтом внутренней стабильности. Такое понимание в сравнении с фактической ситуацией было иллюзией тех немногих, которые вообще находились в серьезной оппозиции. Народ и войска боролись так ожесточенно и стойко, потому что они были проникнуты сознанием того, что в этой борьбе речь шла буквально о последних вопросах как национального, так и их личного существования и свободы. Дезертиров на передовой, в особенности, на Восточном фронте, практически не было. Также в военной промышленности дома почти не было саботажников у станков. И это все несмотря на то, что когда-то в Германии было сильное коммунистическое движение. Теперь этот народ как никогда защищал свои собственные интересы под огнем и по своей воле прилагал все свои моральные силы, чтобы спасти их. Ни Гестапо, ни дисциплина войск не сохранили бы свое значение и не смогли бы выдержать огромное давление, если бы моральная ситуация была другой.

То, что она была такой, зависело в первую очередь от провозглашенных союзниками целей войны, которые нашли свою недвусмысленную формулировку в плане Моргентау. Эта формулировка показалась самой большой части народа настолько непонятно абсурдной, что в нее почти не верили как в факт,

в особенности потому, что она пришла с Запада, а Запад тогда вообще еще не считали способным на такую чудовищность. Геббельс должен был приложить все силы, чтобы убедить народ в достоверности этого плана. Немцы считали его попыткой напугать их. В этом раздоре между недоверчивостью и гневом их моральная решимость переросла в отчаяние и ожесточенную твердость. Если бы путчистам и удался июльский путч, то они все равно потерпели бы неудачу из-за этого душевного состояния немецких масс, вызванного такой политикой союзников.

Если Гитлер снова и снова объяснял, что есть только победа или уничтожение, то у немецкого народа вследствие представленной союзниками созвучной альтернативы не было никакого другого пути, кроме пути борьбы до самого конца.

У нас как офицеров войск – а это было почти интеллигентное большинство всего поколения – было обоснованное суждение, что мораль солдата никогда не могла бы проиграть войну, если только удалось оказать солдату помощь оружием и военной техникой. Мы в тылу сами видели несравнимые усилия трудящихся, которые, неся неисчислимые жертвы, прилагали все силы, чтобы сделать эту помощь возможной. Мы видели, как в шахтеры Ахенского шахтерского района уже в непосредственном районе боевых действий спускались в шахты и поднимали на поверхность уголь даже под полем сражения. Эти настоящие подвиги происходили на таком уровне, на который давно уже больше не распространялась компетенция Гестапо. Мы сами видели, как шахтеры Рура с дубинками остановили бегство деморализованного тылового района из Франции и погнали мародеров обратно на фронт, вместе с их барахлом. Мы видели, как они ошибочно тоже приняли за мародеров остатки понесшей большие потери дивизии «Гитлерюгенд», той самой, которая с таким ожесточением удерживала Авранш, когда эти части были отведены в тыл для отдыха и пополнения. Тогда шахтеры также задержали их и хотели обращаться с ними так же презрительно, как с дезертирами. Мы в Силезии на своем опыте убедились в том, как наши рабочие на военных заводах беспрерывно продолжали работать уже в зоне обстрела советской артиллерии и пехоты, изготовляя танки «Тигр», и не покидали место работы даже тогда, когда мы были вынуждены оставить наши позиции. Они остались, потому что знали, что мы возвратимся и отобьем их. Мы знали все это. Мы знали, что мы все вместе можем полагаться друг на друга, если только секретные планы руководства реализуются. Это было целью».

Тот же источник о «шансах, которые разрушило 20 июля»:

«...Тут разговор зашел также о вопросе, не был ли возможен компромисс с западными державами к более ранней дате. Упомянутый человек из самого внутреннего круга сказал, подчеркивая, что это также была точка зрения Геб-

бельса, что именно 20 июля роковым образом как раз и выбило эту возможность из рук Гитлера и любого возможного законного правительства его преемников.

Факт 20 июля должен был подкрепить вражеские спекуляции о внутренней слабости Германии и вместе с тем усилить решимость врага с помощью максимального военного давления углубить ставший отныне видимым внутренний раскол немецкого военного руководства.

С другой стороны, после этих событий немецкое правительство не могло ожидать, что немецкий народ примет то решение, которое само правительство в интересах самым тяжелым образом скомпрометированной этой попыткой путча немецкой позиции вынуждено было заклеймить как изменническую акцию. До этого дня Гитлер вполне оставлял открытой такую возможность на внутренних обсуждениях с Гиммлером или Геббельсом. Но после этого он самым категорическим образом отверг ее и заявил, что есть только один выбор, продержаться до появления новых видов оружия или до распада враждебной коалиции и, следовательно, победить или погибнуть.

Так как этот человек также пользовался особенным доверием Гиммлера в политических вопросах, он тогда, без сомнения, рассказывал о более интимных, причем основанных на опыте отдельных людей обстоятельствах дела.

Кроме того, он считал, что такой возможности компромисса также на стороне западных держав противостояла бы реальная необходимость безусловной оглядки на Советы. Нашей бедой было то, что мы должны были бы встать на колени перед японцами. С одной стороны, это обстоятельство делало для Гитлера невозможным вероятное одностороннее перемирие с западными державами, так как он в этом случае должен был бы бросить на произвол судьбы японского союзника, к чему он никогда не был готов. С другой стороны, Советы несомненно ответили бы на одностороннее перемирие западных держав с Германией поддержкой Японии против Англии и США, так что западные державы должны были бы, вероятно, заплатить за этот компромисс на европейском фронте проигранной войной на Дальнем Востоке. Следовательно, ключ к успеху для нас мог лежать только в том, что мы должны были сражаться так долго, пока мы не принудили бы, по меньшей мере, решающим новым оружием одного или другого из наших противников к прекращению борьбы против нас. Или же мы из теперь постоянно усиливающегося внутреннего противоречия интересов союзников должны были попытаться политическим путем добиться уважения нашего национального и территориального существования. Этой самой последней возможности должно было служить продолжение борьбы из так называемых Альпийской крепости и крепости Северного моря и, наконец, из крепости Норвегия. Там еще стояли свыше сорока боеспособных дивизий, которые мы больше не смогли своевременно отвести, чтобы использовать их в

решающих сражениях против советских войск. Там у нас были базы для операций с использованием новых подводных лодок, самолетов и ракет. Там у нас были базы для производства самого важного оружия, о котором мы только знали, что это было V-оружие («оружие возмездия») с небывалой дальностью действия и должно было получить новое и очень мощное взрывчатое вещество.

Эта последняя политически-оперативная идея из последних размышлений Гитлера и Геббельса исходила из принципиальной неотвратимости столкновения между капиталистическим Западом и большевистской восточной державой или, как минимум, из распада их нынешней коалиции и нашей последующей возможности ведения переговоров с японцами. Тогда самым решающим было бы то, что немецкий суверенитет все еще защищался бы где-нибудь и смог бы проявить себя.

Насколько важны в случае с немецким секретным оружием были его фактические свойства, миру к нашему времени уже довольно точно известно... Принципиально важен для оценки наших тогдашних надежд и ожиданий тот военно-технический уровень, которым обладали эти новшества в то время, до атомной бомбы. Реальное значение этого оружия в оценках западных держав и в глазах их военного руководства было также позже в достаточной степени подтверждено Черчиллем и Эйзенхауэром».

Примечания

[28] В первом издании «*Отвратительного червя немецкого раздора*» здесь – вероятно, для защиты автора процитированной книги – вместо указания источника было написано: «Имя автора и название публикации будут охотно сообщены в ответ на запрос». Так как с Фридрихом Ленцем больше, к сожалению, нельзя связаться, мы не смогли установить эти данные для наших читателей. Если кто-то из читателей смог бы узнать эту цитату и сообщить нам недостающие сведения, мы были бы очень благодарны за электронное письмо на наш адрес scriptorium@wintersonnenwende.com! [Примечание Scriptorium]

14. Оценки и мнения о покушении и о его участниках

Ниже представлены компетентные оценки известных людей.

1. Генерал-адмирал Герман Бём, во время войны главнокомандующий в Норвегии, в ежемесячнике *«Nation Europa»,* номер I/9, так оценивает события 20 июля:

«В остальном, я отвергаю поступок 20 июля, так как при объективном рассмотрении он исходил из абсолютно ошибочной оценки положения, как внешнеполитического, так и внутриполитического.

a) Во внешнеполитической области также при удавшемся покушении не нужно было ожидать от держав-победительниц никакого другого отношения. Уже в ноябре 1939 года Черчилль в обращении по радио сказал английскому народу: 'Эта война – это английская война, и ее целью является уничтожение Германии'. (источник: Свен Гедин,

«Америка в борьбе континентов»). Обратите внимание: не 'уничтожение национал-социализма', а 'уничтожение Германии'! Оттуда через Тегеран, Касабланку, Ялту, план Моргентау до Потсдама проходит только одна линия воли к уничтожению. Прочтите в мемуарах Черчилля о его беседе со Сталиным (август 1942) о намеренных бомбардировках немецкого гражданского населения, почитайте циничные речи Черчилля о заранее запланированном принудительном изгнании миллионов немцев с их родины! И смерть Гитлера в 1944 году ничего не изменила бы в намерениях победителей, в их методах ведения войны, и в нашей национальной судьбе.

b) С внутриполитической точки зрения заговорщики 20 июля совершенно неверно оценили менталитет подавляющего большинства немецкого народа в то время, прежде всего, менталитет молодых фронтовиков. Также при удавшемся покушении не нужно было ожидать ничего другого, кроме того, что мы ко всем прочим бедам получили бы еще самую кровопролитную братоубийственную войну. Теперь говорят, что крушение в 1944 году избавило бы нас от многих жертв. Мне кажется праздным делать прогнозы процессов, которые мог бы доказать только реальный ход событий. Так как, однако, такое утверждение встречается столь часто, я хотел бы назвать вероятным последствием то, что несомненно начавшаяся гражданская война с самыми тяжелыми кровавыми жертвами вызвала бы немедленное крушение фронтов и вследствие этого пленение и депортацию еще больших миллионов немецких солдат и гражданских лиц на восток, нежели это произошло в реальности.

В общем, я придерживаюсь того взгляда, что государственная измена 20 июля с точки зрения возможных и фактических последствий для немецкого народа *не находит* исторического оправдания».

2. Дитрих фон Хольтиц, последний комендант Парижа, пишет в своей книге «*Солдат среди солдат»:*

Фон Хольтиц

«Не были ли оправданы снова и снова выдвигаемые сомнения в том, могло ли бы устранение Гитлера вообще предотвратить бедствие проигранной войны? Не говорит ли против этого, собственно, опыт людей 20 июля, который был у них с враждебными зарубежными странами?

Велась ли война против Германии действительно только против Гитлера и его приспешников? Были ли наши города превращены в руины исключительно для того, чтобы принудить Гитлера к капитуляции? Должны ли были при 'Крестовом походе в Европу', как позже Эйзенхауэр назвал свои военные мемуары, быть уничтожены столь многие церкви и другие памятники истории и произведения искусства во Франции и Германии, если речь шла только о борьбе против национал-социализма?»

3. Отто Майснер в его книге «*Государственный секретарь при Эберте – Гинденбурге – Гитлере»:*

«На вопрос, вызвали бы успех покушения и насильственное устранение Гитлера благоприятную перемену немецкой судьбы, и избавило ли бы это наш народ от части жертв, которые он вынужден был принести после июля 1944 года, нельзя дать положительный ответ. Тогда партия и ее организации были еще сильны, и также после устранения Гитлера ими руководили бы такие беспощадные и фанатичные насильники как Гиммлер, Борман, Геббельс и т.д. Они решительно выступили бы против правительства Бека-Гёрделера и 'реакционной военной диктатуры' и, пожалуй, защищались бы столь же успешно. Государственный аппарат, полиция, пропаганда и пресса были в их руках.

Настроение в Вермахте не было единодушным; большинство фронтовых офицеров, в особенности более молодых, видели в попытке государственного переворота государственную измену, нарушение военной присяги и обязательной верности отечеству во время войны. Насчитывающие около 600 000 человек, хорошо обученные и превосходно вооруженные и снабженные элитные Войска СС стали бы ядром ожесточенного сопротивления против взбунтовавшейся армии в тылу. Партийная агитация в утверждении, что измена и нарушение присяги снова попытались ударить ножом в спину победоносно сражающейся армии, получила бы лозунг, пригодный для того, чтобы воодушевить фанатизм масс. Удачное покушение устранило бы диктатора Гитлера, но не диктатуру национал-социализма. Это сократило бы, вероятно, войну на несколько месяцев, но зато привело бы к новым тяжелым потерям и разрушениям из-за борьбы в тылу, на родине. И эти потери вряд ли были бы меньше тех жертв, которые пришлось принести в сражениях на фронте и в немецких городах после июля 1944 года.

Положение на фронтах и далее ухудшалось бы при наступившем теперь расколе немецкого народа; в самом благоприятном случае наши противники просто ждали бы, пока немцы не растерзали бы сами себя, и при этом не пошли бы ни на какие уступки в своем требовании безоговорочной капитуляции. Удача покушения и вызванная этим революция ничего не изменили бы в этом требовании, добиться выполнения которого обязались враги Германии. Тот взгляд, что удачный государственный переворот спас бы, по крайней мере, единство Германии и собственное немецкое правительство, достаточно проблематичен. Потому что тогда (летом 1944 года) союзники уже договорились о расчленении империи на самостоятельно управляемые победителями зоны».

3. Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн – согласно информации от Д. фон Хольтица – занимал в 1943 году следующую позицию:

Фон Манштейн

«Численное преимущество противника, против которого я должен был бороться с давних пор, увеличилось теперь с соотношения 1 к 3 до 1 к 20 в пользу врага. Ввиду этого смехотворна мысль о том, что можно просто захотеть поехать в штаб-квартиру фюрера, чтобы убить Гитлера, в то время как передо мной миллионы русских готовы к атаке, чтобы ворваться в Германию. Во главе группы армий я ответственен перед немецким народом, и как армейский командир ни на минуту не могу подумать о том, чтобы насильственным путем предпринять изменение в руководстве. Кроме того, я слишком хорошо знаю историю, чтобы не знать о том, какие гибельные последствия может повлечь за собой неповиновение на фронте. У меня нет права моим собственным неповиновением вызвать неуверенность у моих солдат. Генерал на фронте должен быть, в первую очередь, примером для своих подчиненных. Если бы такое изменение, которое необходимо во многих отношениях, да, я и сам бы его очень приветствовал, было запланировано, то его должны начать люди на родине, у которых есть возможность приблизиться к Гитлеру, и которые гораздо лучше могут представить себе общий вид политических последствий. Я сам должен быть рядом со своими солдатами, которых я должен вести и судьбу которых я разделю».

4. Генерал-полковник Хайнц Гудериан так высказывается в своих «*Воспоминаниях солдата»:*

«Внешнеполитические предпосылки успеха заговора также отсутствовали. Связи заговорщиков с видными политическими деятелями наших противников были слабыми. Ни один из видных политических деятелей лагеря противников не предпринял никаких действий, направленных на поддержку заговорщиков. Едва ли будет ошибочным предположение, что перспективы германского государства даже в случае удачи покушения были бы не лучшими, чем сегодня. Наши противники думали не только об устранении Гитлера и нацизма. …

Кто готовит совершение государственного переворота, тот учитывает, что в случае неудачи он будет обвинен в измене и поплатится жизнью. Но кто из казненных за участие в заговоре 20 июля 1944 года думал об этом? Вероятно, очень немногие. Во всяком случае, этот аргумент не признавался Гитлером. И вот получилось, что были осуждены офицеры, которые только накануне 20 июля узнали о том, что готовится государственный переворот, и не могли сразу сообщить об этом надлежащим органам, так как не осознали сразу же всей важности услышанного сообщения. Совершенно непричастные лица были втянуты в гибельный круговорот, потому что они пытались помочь товарищам. …

Конечно, еще не раз будет ставиться вопрос, что произошло бы, если бы покушение удалось. Никто этого не может сказать. Одно, кажется, несомненно: в то время большая часть германского народа еще верила в Адольфа Гитлера и поэтому решила бы, что заговорщики устранили единственного человека,

который, может быть, предотвратил бы полную военную катастрофу. Ненависть народа легла бы бременем в первую очередь на офицерский корпус, генералитет и генеральный штаб – и не только во время войны, но также и после нее. Ненависть и презрение народа перешли бы и на солдат, которые в разгар смертельной схватки с врагом, нарушая присягу, убивают главу государства, оставляя без капитана находящийся под угрозой государственный корабль. Нельзя сомневаться в том, что наши противники обращались бы с нами лучше, если бы удалось покушение, чем они обращаются с нами теперь, после нашего поражения.

Но вот могут спросить: а что все-таки произошло бы? Я хотел бы сказать только одно. Очень много пишут и говорят о сопротивлении гитлеровскому режиму. Но кто из оставшихся в живых, нынешних ораторов и писателей, имевших когда-то доступ к Гитлеру, хоть один раз пытался оказать ему сопротивление? Кто отважился хотя бы раз возразить Гитлеру, высказать ему свое мнение и настоять на нем с глазу на глаз с диктатором? Именно так следовало бы поступать. В течение тех месяцев, когда я приходил к Гитлеру на доклад и вел с ним многочисленные беседы на военные, технические и политические темы, я видел, что так поступали немногие, из которых, к сожалению, только некоторые находятся ныне в живых. Я совершенно отказываюсь назвать борцами сопротивления таких людей, которые только шушукались за кулисами о том, что они придерживались другого мнения, людей, которые пытались только подстрекать на активные действия других. Тот, кто придерживался иного мнения, чем Гитлер, обязан был сказать ему об этом совершенно открыто, если ему представлялся такой случай. Это нужно было делать в первую очередь тогда, когда это было совершенно необходимо, когда это еще имело смысл, а именно, в предвоенные годы. Кто ясно себе представлял, что политика Гитлера должна привести к войне, что необходимо предотвратить войну, что война станет несчастьем для нашего народа, тот должен был перед войной искать и найти случай сказать об этом Гитлеру и германскому народу со всей ясностью, если не в самой Германии, то из-за границы. Сделали ли это в свое время заговорщики?

Гудериан

Я видел германских солдат в двух тяжелых войнах. Во Второй мировой войне я имел честь быть их командиром. В боях они были преданными до самой смерти, верными своей присяге, несмотря на угрожающую катастрофу. Такими они должны и остаться. Только эта преданность, эта самоотверженность, этот неописуемый героизм помогут возродить сильный и здоровый народ, сильное и здоровое государство.

Дай бог, чтобы молодому поколению удалось на этой благородной основе мирным путем восстановить новую Германию; которую снова, как когда-то, уважали бы другие народы».

5. Но нам хотелось бы, чтобы и солдаты более низкого звания высказали свою точку зрения. Обер-лейтенант Войск СС, который начал службу на фронте со звания рядового мотопехоты, австриец **Эрих Керн** в книге «*Сердце в колючей проволоке»:*

«Сотни раз они совещались по поводу того, как можно было и как нужно было бы устранить Гитлера. В то же время они десятки раз были с ним у стола с картами, у большинства из них были при себе пистолеты в кобурах, но ни у кого, ни у одного из них не хватило мужества, чтобы встать и стать Брутом.

В конечном счете, они предоставили это одноглазому, однорукому мечтателю и фанатику, который через фанатичный национал-социализм пришел к фанатичному национал-большевизму, и которому единственным спасением представлялось что-то вроде национальной советской республики. Он должен был положить портфель с английской бомбой замедленного действия под письменный стол. Но когда Гитлер выжил, они смиренно положили руки на колени и ждали, пока смерть не пришла за ними...

При этом в самый разгар войны плелись заговоры о создании монархии и надеялись на то, что получат согласие на эту сумасбродную идею со стороны в остальном очень осторожно дистанцирующихся коммунистов. Устраивали обеды с Виттельсбахами, болтали с баварской принцессой Пилар, пили чай у кронпринцев, и неделями и месяцами совещались с госпожой Ригеле, сестрой Геринга, в надежде через эту даму убедить рейхсмаршала поддержать путч. В другой раз играли с мыслью договориться о свержении Гитлера с ненавистным рейхсфюрером СС, 'так как у него есть абсолютная власть'. Да, в этих бесконечных дискуссиях они уже формулировали законы, которые прятали в библиотеке прусского министра финансов доктора Попица. Они принимали директивы о введении закона об осадном положении, где, в частности, говорилось, что 'должностные лица партии незамедлительно должны были сдать свои походные сапоги', проведение собраний и демонстраций не разрешалось, забастовки запрещались, и еще нужно было позаботиться о том, чтобы иностранные рабочие и военнопленные пока оставались на своих рабочих местах.

Мы хватались за голову от такой большой наивности. Как прусские генералы и министры представляли себе революцию!

Другие, однако, и это было преобладающее большинство, они были всего лишь коллаборационистами этого желания сопротивления. Они подписывали смертные приговоры за измену родине, за трусость перед лицом врага и за дезертирство, и, не моргнув и глазом, ехали затем на конспиративное чаепитие. И заметьте: с флагом командующего впереди на «кюбельвагене» (штабной легковой автомобиль-вездеход «Фольксваген-82» – прим. перев.). И горе тому фронтовику, который не отдал бы честь с должным уважением!»

6. Лейтенант фронтовых войск из Австрии (взято у информационной службы «*Die Platform*»):

«Давайте разберемся беспристрастно. Каждый фронтовик знает, что, если бы, например, в ведущем наступление батальоне какой-то командир роты, решив, что командир ведет этот батальон в неправильном направлении, пристрелил бы этого командира выстрелом в спину на виду солдат и офицеров, то он этим поступком никогда не смог бы спасти ситуацию. Либо его самого тут же застрелили бы, либо вспыхнул бы кровопролитный бой между сторонниками убийцы и всеми остальными – и все это перед лицом врага. Во всяком случае, возникла бы сильная паника, которой *каждый* вражеский командир воспользовался бы для того, чтобы быстро уничтожить этот самый батальон.

Давайте предположим, что заговор 20 июля окончился успехом. В каждом городе, с которым у мятежников была связь, уже были готовы списки лиц, подлежащих аресту. Членов партии и офицеров национал-социалистического руководства (NSFO, нечто подобное советским политрукам – прим. перев.) уже кое-где арестовывали, как, например, в Вене. Поверит ли хоть один человек,

что, например, Войска СС с радостью добровольно сдались бы, чтобы их арестовали или перестреляли? Поверит ли хоть кто-то, что молодые офицеры, большей частью выходцы из Гитлерюгенда, отличившиеся на всех фронтах, стали бы сотрудничать с этими мятежниками, которые полностью происходили из реакционных слоев?

Первым последствием 20 июля была бы кровопролитная гражданская война во всей Германии. Красная армия точно так же, как и западные союзники, вторглась бы в Германию, 'чтобы навести порядок'».

7. Обер-ефрейтор горных стрелков из Штирии:

«Я вообще не понимаю, почему мы должны это обсуждать и спорить. На одной стороне стоят все те порядочные парни, которые, не будучи политиками, играющими бог весть какую роль, выполняют свой долг, так как народ и страна (и все равно, по чьей вине) подвергались серьезной опасности. Они выполняли этот долг в крестьянских хозяйствах, на фабриках и, прежде всего, на фронте. На другой стороне стоит горстка клятвопреступников, которые были либо преступниками, либо, по меньшей мере, фантазерами, которые потерпели фиаско. И здесь есть только одно единственное короткое и ясное решение: либо быть с массой маленьких, усердных и смелых людей, выполняющих свой долг, либо с горсткой преступников или фантазеров. Другого решения здесь не может быть. Мы, естественно, выбираем тех, кто выполняет свой долг. Так как мы ведь и сами тоже были среди них».

15. Слово к генералу Гальдеру

Так как каждому немцу следовало бы разъяснить, какое большое значение вражеские силы должны были придавать тому факту, что заговор против Гитлера возглавляли люди на таких важных постах, как господа Бек и Гальдер как начальники генерального штаба сухопутных войск, господин Канарис как начальник Абвера, службы военной разведки и контрразведки, прочие генералы, господин Шахт, господа Вайцзеккер и Кордт, представлявшие в качестве важных чиновников министерство иностранных дел, то я должен заняться этой проблемой несколько более подробно, тем более, что господин Франц Гальдер теперь пытается преуменьшить свое участие в попытках государственного переворота или оправдать его.

Гальдер

В номере 1/8 журнала *«Nation Europa»* засомневавшийся англичанин мистер *М. Т. Пейси* спросил господина Гальдера:

«**1.** Правда ли, господин генерал, что вы в сентябре 1938 года отправили бригадного генерала по имени Г.В. Бём-Теттельбах в Лондон, чтобы побудить британское правительство к военному вмешательству против успешной антиверсальской политики Гитлера?

2. Правда ли, что этому немецкому генералу было поручено пообещать покушение на главу немецкого государства 'на следующий день после начала войны'?

3. Правда ли, глубокоуважаемый генерал, что вас в 1939 году проинформировали о том, что ваше предложение убийства побудило британское и польское правительство, теперь решительно и упорно противодействовать немецким требованиям пересмотра Версальского договора (Данциг, дорога через «коридор»)?

4. Правда ли, что правительство моей страны в 1941 году до начала немецкого похода в Россию передало вам через Ватикан секретный документ, в котором от вас снова требовали согласия с сентябрьским планом 1939 года, т.е. с убийством Гитлера?

5. Правда ли, что правительство этой страны как цену за устранение Гитлера обещало гарантию его следующих, достигнутых до тех пор, внешнеполитических успехов: полный суверенитет в Рейнланде и Сааре, вооружение Германии, полное равноправие, присоединение Австрии, присоединение Судет, эко-

номическое присоединение (но не политический протекторат) Чехии, самостоятельность Словакии, возвращение Данцига, возвращение Западной Пруссии и Померелии (после плебисцита под международным наблюдением!), возвращение Мемеля?

6. Правда ли, что вы, глубокоуважаемый генерал, представили этот документ главнокомандующему сухопутных войск, но он отказался от переговоров об устранении немецкого главы государства, посчитав это изменой родине?»

На эти вопросы *Гальдер* ответил 7 сентября 1951 года (опубликовано в журнале *«Nation Europa»*, номер II/6):

«Глубокоуважаемый мистер М. Т. Пейси!

Издательство журнала *«Nation Europa»* передало мне ваш запрос, опубликованный под заголовком 'Роковые обещания?'. Я имею честь ответить на ваши вопросы следующим образом:

Вопрос **1.** Это правда, что господин Ганс Бём-Теттельбах, впрочем, он был не бригадным генералом, а подполковником в отставке и руководителем промышленного предприятия в Рейнланде, в начале сентября 1938 года по поручению военной оппозиции поехал в Лондон. О своем 'задании' он сам рассказал в газете «*Rheinische Post»* за 10 июля 1948: 'Мое задание звучало так: просить членов самого узкого круга английского министерства иностранных дел отныне о жесткости английского правительства по отношению к требованиям Гитлера. Мои заказчики не желали ничего другого, кроме категоричного «нет» английского правительства в ответ на экспансионистские стремления Гитлера. Я по этому поручению 1 или 2 сентября 1938 года, точно я уже не вспомню, поехал в Лондон'.

О 'военном вмешательстве' Англии речь никогда не заходила. Слова об 'антиверсальской политике' Гитлера никогда не звучали. Стремление военной оппозиции было направлено только к одной цели, а именно – предотвратить немецкое нападение на чехов, которое должно было вызвать мировую войну. Для этого – и только для этого – от Англии желали, чтобы она заняла способствующую этому стремлению позицию. Об этой позиции просила также военная оппозиция, после того, как раньше подобные шаги уже делались со стороны дипломатической оппозиции и – если слова Раймонда Лакоста в «*La Libre Belgique»* от 19 июня 1951 правдивы – также Канарисом.

Вопрос **2.** Нет, господину Бём-Теттельбаху этого не поручали, и он не давал такое обещание. Я могу на это заметить, что в то время в кругах военной оппозиции вообще не говорили об убийстве Гитлера. Скорее планы и подготовка военной оппозиции сходились к тому, чтобы арестовать Гитлера и судить его немецким судом.

Вопрос **3.** Нет.

Вопросы **4 – 6.** Здесь, вероятно, имеется в виду запись переговоров, которые одно официальное британское учреждение при посредничестве Ватикана вело с ведущими личностями гражданской немецкой оппозиции. Эта запись была предоставлена мне для информации как результат закончившихся переговоров, о которых я до этого момента ничего не знал, лишь в форме копии без какой-либо подписи. Я по долгу службы передал ее главнокомандующему сухопутных войск, моему непосредственному начальнику. Он просто отказался заниматься этим делом, которое, по его мнению, ввиду существовавшего между Англией и Германией состояния войны, было бы однозначной изменой родине.

О подробностях этого документа, переданного затем конфиденциально в форме копии командованию сухопутных войск, я не могу дать достоверных сведений. Такую информацию мог бы дать господин доктор Йозеф Мюллер, в настоящее время баварский министр юстиции, Мюнхен, Гедеонштрассе 4, который играл важную роль в переговорах в Риме. Он подтвердит вам, что я не имел ничего общего с этими переговорами».

Об этом можно сказать следующее:[29]

«Военная оппозиция» – это само по себе уже по существу то понятие, которое у каждого солдата вызовет ужас, если он только подумает о таких связанных с ним преступлениями, как бунт, разложение личного состава, подрыв боеготовности и неповиновение. И насколько же хуже только «военная оппозиция» начальника генерального штаба, если она состоит в том, что он призывает чужую нацию на помощь против своего начальника, которому он дал клятву верности, и который является избранным его собственной нацией вождем? Его собственный адвокат доктор юридических наук Мартин Хорн на процессе Гальдера в палате по денацификации правильно назвал это «абсолютной государственной изменой и изменой родине».

Ради полноты картины я хотел бы привести здесь то, что господин генерал-адмирал в отставке Герман Бём написал об этой акции государственного переворота в номере II/4 журнала *«Nation Europa»*:

«Если люди на высоких постах осенью 1938 года, убежденные во вредоносности Гитлера, хотели устранить его, если кто-то особенно высокостоящий из них уже поднял для этого руку, чтобы снова опустить ее после сообщения о Мюнхенском соглашении, и затем, тем не менее, на протяжении четырех лет оставался на своей должности при этом диктаторе во времена мира и войны, как и другие участники заговора тоже, то такая позиция непонятна...

Если, однако, обсуждается историческая вина, то в исследовании, которое претендует на то, чтобы считаться историческим трудом, нужно изучить также

и вопрос о том, не способствовал ли в очень значительной степени этот шаг – осенью 1938 года тайком просить Англию о сопротивлении против Гитлера – тому, что Англия годом позже объявила войну Германии, после того, как Англия узнала, какие трещины существовали в фундаменте немецкого Вермахта. Ссылка на английские гарантии Польше не обоснованы, после того, как Россия 17 сентября 1939 также вступила в войну с последующим разделом Польши – и при этом англичане не объявили Советам войну».

Так как, однако, Гитлер создавал Вермахт только для того, чтобы нападать на мирные народы, то он был преступником или – по терминологии сегодняшнего суда – вождем «неправового государства», то противостояние ему не было изменой, наоборот, это было даже долгом. – Вы же это хотите сказать, господин Гальдер!? Стоп! Так далеко мы еще не зашли. Мы сначала хотим еще немного поговорить по-военному. Я мог бы напомнить вам о том, что когда-то наши командиры говорили нам, солдатам, когда мы решались думать и делать самостоятельные выводы, что также могло бы стать предпосылкой для военной оппозиционной деятельности: «Пусть лошади думают, так как у них головы больше, чем у вас». Как бывший ефрейтор я не могу это, все же, я могу напомнить вам о том, что когда-то Гинденбург сказал господину фон Хаммерштейну, когда тот доложил ему свои планы государственного переворота против рейхсканцлерства Гитлера: «Позаботьтесь лучше о том, чтобы маневры в следующем году удались лучше; это ваше дело». И он был в этом прав в соответствии с проверенными столетиями правилами прусско-немецкой традиции Вермахта, и точно так же прав был, пожалуй, также и Гитлер, после того, как он стал верховным главнокомандующим.

Он также был прав, когда сказал своему предшественнику: «Вермахт – это инструмент политики. Я поставлю армии задачу, когда наступит момент. Армия должна выполнить эту задачу, а не дискутировать, правильна ли поставленная задача или неправильна».

Быть обязанным выслушивать что-то в этом роде от «богемского ефрейтора», это было уже слишком для господина Бека. И поэтому дело дошло, если процитировать биографа господина Бека: «... до сознательного вмешательства солдата в ту область, которая лежала вне его служебных полномочий, во внешнюю политику Рейха!

Согласно опирающейся на великие примеры истории прусско-немецкой армии традиции, такое вмешательство казалось недопустимым. Мольтке-старший и Шлиффен в политических вопросах, также тогда, когда их представления отклонялись от представлений ответственного государственного деятеля, без вопросов воздерживались от любого высказывания своего мнения или, тем более, от того, чтобы оказывать какое-либо влияние на курс внешней политики».

По отношению к Гитлеру это вмешательство было, естественно, приемлемо, так как, во-первых, он ничего не понимал в политике и, во-вторых, он не хотел ничего другого, кроме как нападать на чужие народы и легкомысленно впутать свой собственный народ в войну. Это началось уже с захвата Рейнланда, когда, согласно утверждению одного «историка», Гитлер заявил, что у него теперь больше нет территориальных претензий в Европе. Затем произошло «немотивированное» нападение на Австрию, о котором господин Бек считал себя обязанным заранее предостерегать беспрерывными меморандумами. Как глупо он должен был, пожалуй, выглядеть, когда он 10 марта во второй половине дня узнал, что через два дня запланированная война действительно начнется без его участия. Ему как раз не повезло в том, что для этой «войны цветов» (т.е. войны, в которой «агрессоров» встречали с цветами – прим. перев.) Гитлер не поручил составление плана операции господину начальнику генерального штаба. Однако он поручил составление стратегических планов на случай возможных конфликтов генеральному штабу, так как не только в Германии, но и во всем остальном мирном мире дело обстоит так, что генеральные штабы до начала навязанных им оборонительных войн не занимаются игрой в бридж или прочими безобидными вещами. Так как жаждущий войны Гитлер, по моему мнению, также с той целью, чтобы эти господа что-то делали за выплачиваемое им жалование и не теряли форму, приказал разработать оперативные планы, в том числе также план для чешского региона, он снова планировал новую войну, и ее необходимо было снова предотвратить, на этот раз с вашей и с английской помощью. Это был государственный переворот номер 1. Но также и эта война стала войной цветов и принесла Рейху Судеты с поля сражения в «Мюнхене». Хотя теперь господин Бек должен был признать даже в своем меморандуме от 28 мая 1938: «Это правильно, что Чехия в ее навязанном Версальским диктатом форме, невыносима для Германии, и нужно найти способ исключить ее как очаг опасности для Германии, в крайнем случае, также военным решением, все же, в последнем успех также должен окупить усилия». И вы, господин Гальдер, в Нюрнберге во время вашего допроса должны были признать, что Гитлер говорил вам, что он получит Чехию без войны, и он также получил ее вопреки меморандумам и государственному перевороту. Но господа путчисты передавали новые военные планы своего главы государства в Лондон и просили о жесткой позиции, то изображая все в черном цвете, чтобы посильнее напугать англичан, а в другой раз преуменьшая немецкие силы, чтобы те подумали, что вмешательство станет для них легким, как детская игра.

Но они не остановились только на этих важных сообщениях, нет, они обещали также кое-что другое. Обещали они не больше и не меньше, чем устранение главы государства.

Между тем, что вы, однако, тогда понимали под «устранением», и тем, что вы сегодня хотите понимать под этим, должно быть, есть большое различие. О, нет! Согласно соответствующей литературе вы предлагали создать «свободное

от присяги состояние». Железнодорожная катастрофа с последующей смертью фюрера устроила бы вас лучше всего. «Тогда больше не будет Гитлера» – так сообщили английскому правительству. Однако это все не так важно, так как мне для того, что я хочу доказать в моих рассуждениях, достаточно уже одного намерения «устранения». Мотивы ваших действий происходили, естественно, как и у всех ваших соучастников по заговору, только из глубокой религиозности, а также только из христианского чувства ответственности и исключительно из любви к отечеству. Стало быть, не соответствует истине то, что господин Гизевиус пишет о его первом посещении вас в 1938 году? «Сразу же этот обычно выглядевший сдержанным человек оживился, не столько в жестах, сколько в его злых словах. Внезапно он весь превратился в яд и желчь. За последние годы я услышал много злых и сердитых слов о нашем фюрере. ... Да я и сам не мог бы сказать о себе, что не использовал в разговорах о нем таких неприятных слов. Все же, я не могу вспомнить о такой большой накопившейся ненависти и такой большой употребленной диалектике, как я мог слышать ее эти несколько часов, ни до, ни после этого... По его словам, этот 'душевнобольной', этот 'преступник' целенаправленно ясно стремится к войне, вероятно, из 'сексуального патологического предрасположения', так как он якобы жаждет увидеть кровь. – 'Пиявка' – это слово прозвучало летом 1938 года».

Или не правда то, как сообщает один известный английский политик, что вы преследовали ваши личные интересы и продали вашу душу дьяволу? Правда ли, что вы в разговоре с американским офицером, который допрашивал вас, испытывали стыд из-за «заговора, так как это бросило тень на вашу душу офицера»?

Фромм

Таким скромным вы также не могли бы быть, так как тень снова и снова исчезает, но, все же, в вашем случае дело теперь в другом. Вероятно, вы поймете это, если я ниже приведу отношение к вам трех других «заговорщиков»:

Генерал-полковника **Фридриха Фромма**, командующего Резервной армией, заговорщики, которые ошибочно предполагали в нем единомышленника, должны были убедить в соучастии в заговоре 20 июля. Ему открыли, что на поддельных приказах «Валькирии», которые должны были привести государственный переворот к практическому осуществлению, без его ведома поставили его подпись и передали эти документы дальше.

Так как он к тому времени уже узнал, что Гитлер не погиб, он сказал присутствующим, что они арестованы. Они тут же переменили тактику и после короткой рукопашной схватки заперли его в его комнате, чтобы позже отпустить его в служебную квартиру. Вечером он был освобожден батальоном охраны. Теперь он отдал генерала Ольбрихта, полковника Штауффенберга и других участвовавших в заговоре офицеров под трибунал, который приговорил их к расстрелу. Все же он и сам был приговорен к смерти народным судом за трусость и расстрелян. Он умер с возгласом «Хайль Гитлер!»

Генерал-фельдмаршала **Ганса Гюнтера фон Клюге**, главнокомандующего на Западе, заговорщики уже давно подталкивали к соучастию. Он, пожалуй, оставался укрывателем, знающим о том, что затевается, но молчавшим, однако он отверг требование заговорщиков капитулировать на его фронте. Из-за расхождений в стратегических вопросах 18 августа 1944 года его сменил фельдмаршал Вальтер Модель, после чего Клюге вызвали в штаб-квартиру фюрера. Он отравился, после того, как написал Гитлеру письмо, последние строки которого звучали так:

Фон Клюге

«Должен быть возможен путь, путь, который предотвратит то, что Рейх падет жертвой большевизма. Позиция ряда попавших в плен на Востоке офицеров осталась для меня загадкой. Мой фюрер, я всегда с восхищением оценивал ваше величие и вашу позицию в этой гигантской борьбе, так же, как и вашу железную волю спасти жизнь самому себе и национал-социализму. Если судьба окажется сильнее, чем ваша воля и гений, то такова будет воля Провидения, и история будут свидетельствовать об этом. Докажите также теперь то величие, которое необходимо, чтобы закончить ставшую отныне безнадежной борьбу. В убеждении, что я до последнего выполнил свой долг, я заканчиваю, мой фюрер, как тот, кто в душе своей был гораздо ближе к вам, чем вы, вероятно, предполагали.

Хайль Гитлер, мой фюрер!

Фон Клюге, генерал-фельдмаршал»

Роммель

Генерал-фельдмаршал **Эрвин Роммель**, главнокомандующий фронта вторжения, был посвящен в планы движения сопротивления относительно поздно, в основном через бывшего обер-бургомистра Штутгарта Карла Штрёлина. Он знал о планах покушения, но отверг их. На оперативном совещании во Франции 17 июня 1944 года он описывал Гитлеру плохие перспективы на фронте вторжения и на прочих театрах военных действий. Гитлер отверг его вмешательство и сослался на запланированное использование нового оружия. Так как это обсуждение не прошло успешно, и военное положение на фронте вторжения не улучшилось, Роммель 15 июля еще раз отправил Гитлеру оперативную сводку с призывом сделать выводы (слово: «политические» он снова попросил вычеркнуть) и в случае отказа был готов принять активное участие в заговоре.

12 июля Роммель был тяжело ранен, когда его машину обстрелял самолет противника. Об этих фактах Гитлер узнал после 20 июля. Он принял, хотя некоторые так сильно не хотят это понять, с точки зрения абсолютного государственного авторитета единственно верное, пусть даже и жесткое решение. Роммель, которой во всех отношениях был солдатом, осознал это и поступил соответствующим образом. Он не стал оказывать вполне возможного сопротивления, и не выбрал процесс перед народным судом.

Лучше всего об этом говорит Ганс Хаген в номере I/4 *«Nation Europa»:*

«По-человечески понятно, что семья Роммеля и его самые тесные сотрудники с ожесточенным сердцем становятся на сторону врагов Гитлера. Однако, отдают ли они этим должное уровню Роммеля?

В состоянии ли они взглянуть в душу солдата его масштаба? Полководец принял яд, который Гитлер должен был послать ему, когда он узнал, что Роммель знал о заговоре и о покушении. Какой государственный деятель оставил бы безнаказанным покушение на свою жизнь, какой верховный главнокомандующий может оставить безнаказанным заговор в момент наивысшей угрозы для его народа, перед опасностью смертельного поражения?

Из пост-катастрофического спора мнений об этих событиях фигура фельдмаршала поднимается в безупречном величии. В трагическом расхождении Гитлера и Роммеля потрясает тот молчаливый жест, с которым Роммель принял яд. В этот момент он встал на сторону великих покорных судьбы. Он поднимается до высоты Сократа, который, как и Роммель, взял кубок с ядом и, как и тот, отверг совет бежать. Высшее повиновение этого героизма выводит Роммеля за рамки спора партий, их борьбы за право и бесправие, как это еще может считаться необходимым для нижних ступеней, и как тенденция дня хотела бы представить это с произвольно распределенным светом и тенью. Мы забываем о наших сегодняшних спорах в содрогании перед этим трагическим, пережившим время и указывающим в вечность исполнением судьбы».

Это были мужчины, господин Гальдер!

Примечания

[29] С ответом на вопросы 4-6 господин Гальдер, однако, не особо утруждался. Однако факты говорят о том, что гражданская оппозиция получила «документ X», т.е. английское заявление, с большим трудом, так как военная оппозиция была слишком недоверчива в отношении английской позиции после государственного переворота, поэтому прямо потребовала такой документ. То, что его ей дали, можно объяснить тем, что к тому времени ситуация стала катастрофической для Англии, зато благоприятной для Германии. Если господин Гальдер тогда передал этот документ главнокомандующему сухопутных войск, т.е.

своему начальнику, то это произошло не столько из-за исполнения им своего служебного долга, сколько потому, что военная оппозиция уже давно старалась привлечь господина фон Браухича в ряды заговорщиков. Однако они оба нарушили свой служебный долг и долг верности, потому что они не доложили о случившемся и не передали документ туда, куда следовало бы.

[30] Американский фильм о Роммеле, который в настоящее время показывают в Германии, содержит, помимо других недостатков, столько исторической лжи, что более чем печально, что этот фильм был показан в Германии для введения в заблуждение людей, и даже усердные люди в киноиндустрии расхваливают его как документ правды и т. д. Этот факт и особенно тот факт, что мы совершенно беззащитны против него, и не столько из-за позиции иностранных государств, сколько из-за отношения наших собственных властей, доказывает, насколько низко мы пали и насколько бесчестными мы стали.

16. Роль адмирала Канариса

Канарис

Теперь я должен заняться еще одним участником заговора, который точно так же присвоил себе право делать «немецкую политику» наряду с Гитлером «на свой страх и риск», а именно господином адмиралом Вильгельмом Канарисом, шефом Абвера, т.е. той организации, которая в первую очередь существовала для того, чтобы во всем мире собирать информацию, обладавшую военным и политическим значением для немецкого правительства. Важность этого задания становится очевидной для каждого.

Так как Канарис был миролюбивый человек, а Гитлер жаждал войны, то Канарис работал против него. Его биограф Абсхаген описывает это таким образом: «Разумеется, Канарис, докладывая Гитлеру или Кейтелю и стремясь как-то повлиять на принятие решений, направив их в благоразумное в его понимании русло, мог особо выделять сообщения, поддерживающие его точку зрения, и обходить молчанием сведения, которые были в состоянии подкрепить уверенность Гитлера в правильности вынашиваемых им планов и идей. Но и в подобных случаях речь, разумеется, шла о выборочном подходе к материалам, в полном объеме находившимся всегда в распоряжении служб, непосредственно ответственных за оценку военной ситуации».

Я ограничусь описанием четырех особенно важных случаев:

Норвежская кампания

Остер

Господин Канарис был против вторжения в Норвегию, так как он был заранее уверен в его провале. Хотя немецкому правительству и ему было известно то, в чем между тем официально призналась английская сторона, а именно, что сама Англия уже давно готовила вторжение в Норвегию, он пытался помешать акции Гитлера. Он говорил себе – по словам Абсхагена: «Во всяком случае, однако, мы, Абвер, должны сделать все, что в наших силах, чтобы усилить то воздействие, которые ожидающиеся британские демонстрации смогут оказать на Гитлера. Мы должны представить как можно больше тревожных сообщений об английских контрмерах. – В действительности, все сообщения, которые можно было интерпретировать в этом направлении, в течение следующих дней облекались в наиболее убедительную форму и передавались в особый штаб Норвежской операции».

То, что удар Германии вопреки его прогнозу и вопреки его ложным сообщениям и вопреки тому факту, что его правая рука господин Ганс Остер даже заранее предал норвежцам немецкий план, окончился успехом, говорит в пользу Гитлера и не в пользу Канариса.

Позиция Испании

Хорошо известно, что Испания вынашивала намерение встать на сторону Германии, чтобы получить возможность овладеть Гибралтаром. Какие преимущества получила бы из этого Германия в отношении господства на Средиземном море, мне не требуется разъяснять в деталях.

Господин Канарис помешал этому тем, что он попросил господина доктора Йозефа Мюллера, сотрудника Абвера, передать в начале сентября 1940 года в Риме испанскому министру иностранных дел Рамону Серрано Суньеру, который незадолго до этого был с визитом в Берлине, следующее:

«Адмирал просит вас, чтобы вы сказали каудильо, что он при всех обстоятельствах должен удерживать Испанию от этой игры. Вам может показаться, что наша позиция – теперь более сильная, но в действительности она отчаянная (после победы над Францией! – прим. авт.), и у нас есть мало надежды выиграть эту войну. Каудильо может быть уверен, что Гитлер не вторгнется в Испанию с силой оружия».

И если 22 сентября 1940 года Франко еще написал Гитлеру письмо с согласием, то на конференции в Эндае, которая проходила всего на четыре недели позже, он был абсолютно недружелюбным – так как Франко к тому времени получил информацию из источника Канариса.

Русская кампания

Существует обоснованное подозрение, что Канарис уже летом 1940 года намеренно подбрасывал Гитлеру лживые сообщения о подготовке русскими нападения, чтобы вызвать у него тревогу перед нападением русских и вследствие этого удержать его от запланированного на начало января 1941 года прохода через Испанию и нападения на Гибралтар. Сначала нужно дождаться будущих результатов исследований в этой области, но я не удивился бы, если бы причиной растущей обеспокоенности Гитлера вторжением русских были в значительной степени именно эти донесения.

Итальянский фронт

Когда Муссолини пал, маршал Пьетро Бадольо заверял немцев, что Италия продолжит борьбу на стороне Германии также при новом режиме. Так как Гитлер не верил в это, и его недоверие подтверждалось сообщениями с разных сторон, он сделал приготовления, чтобы с помощью военных мероприятий

опередить отход Италии. Теперь Канарис начал большой маневр, чтобы дезориентировать Гитлера.

Лиддел Гарт

Он добился своей командировки в Италию для «точного выяснения ситуации» и узнал там от своего друга, генерала Чезаре Аме, начальника итальянской разведки, что Италия действительно ведет с союзниками переговоры о перемирии, но опасается контрудара Гитлера. Он, Канарис, должен предотвратить этот контрудар. Канарис сделал это таким путем, что он уже после этой беседы один на один провел официальную конференцию в присутствии сопровождающих с обеих сторон, и на ней задал Аме те вопросы, которые поручил ему задать Гитлер. Аме ответил на них отрицанием намерений разрыва союзнических отношений с Германией и «демонстрацией верности» Оси. Этот пошлый спектакль был запротоколирован и представлен Гитлеру, после чего он с тяжелым сердцем отказался от контрмероприятий.

Я цитирую английского военного писателя Лиддела Гарта*:* «12 января союзники в секторе Монте-Кассино начали атаку, и 18 января она переросла в мощное наступление через Гарильяно. Командующий армии боялся, что могло бы дойти до прорыва в долину реки Лири и просил временно усилить его двумя резервными дивизиями с замечанием, что они понадобятся ему только на несколько дней. Кессельринг не решался выполнить это желание. Но именно в этот момент его посетил адмирал Канарис, шеф немецкой разведывательной службы, который в ответ на его вопросы уверял его, что 'нельзя заметить даже самые тихие признаки нового десанта, движение судов в порту Неаполя происходит в совершенно обычном режиме'. Поэтому Кессельринг согласился, пусть и очень неохотно, передать свои резервы. ... Последствием было то, что англо-американские силы при их высадке в Анцио не встретили сопротивления, даже когда они прорвались вглубь страны, и обеспечили защиту для своего плацдарма...»

Наконец еще несколько характерных черт, переданных его биографом: «... известие о смерти Гейдриха в мае 1942 года он воспринял со вздохом облегчения, хотя он считал правильным на похоронах Гейдриха заявить его сотрудникам глухим, как будто сдавленным от плача голосом, что он исключительно высоко ценил и почитал Гейдриха как великого человека и с его смертью потерял своего верного друга... Когда он видел Гитлера в «Вольфшанце», один его провожатый заметил: На таком расстоянии, это был бы выстрел в лопатку. Канарис тут же ответил: 'Так сделайте же это...' Однако он не возражал, когда в Абвере были приняты меры, которые были связаны с запланированным покушением на Гитлера. Он был более или менее информирован об этом, но он не хотел знать слишком много».

Я спрашиваю господина Штрёлина: Был ли господин Канарис теперь патриотом или предателем?

17. Братья Эрих и Теодор Кордт

Мы должны вспомнить здесь еще двух мужчин, которые исполняли самую чреватую последствиями работу в рамках всех акций заговорщиков: Это братья *Эрих* и *Тео Кордт,* «правые руки» господина государственного секретаря Вайцзеккера. Это они занимались передачей всех важных государственных секретов господам Галифаксу и Ванситарту перед Мюнхеном, перед заключением немецко-русского пакта и перед началом войны с Польшей. Доступ к этим секретам они получали частично благодаря своей работе в министерстве иностранных дел и частично с помощью осторожных расспросов людей из ближайшего окружения Гитлера. Они при этом действовали с такой изощренностью, что техническая сторона их действий, собственно, заслуживала бы восхищения.

Теодор Кордт

В сравнении с этим древний Хаген, когда он выманивал секрет Кримхильды, выглядит сущим младенцем. Описания этих акций в книге Эриха Кордта «*Не из документов*» не могут не заставить прийти в отчаяние каждого порядочного немца из-за такой огромной подлости и глупости, с которой наши соотечественники-немцы не только выдавали самые важные государственные секреты самому могущественному человеку Англии – тому самому человеку, который уже 30 лет был известен каждому ребенку как самый большой ненавистник немцев, от имени которого появилось понятие «ванситаризм», который занимал важный пост «советника правительства Его Величества», но и они еще настоятельно рекомендовали ему принять меры против их собственного главы государства, на которого они еще раньше клеветали самым подлым образом. Одновременно они обещали, как им и было поручено, совершить собственный государственный переворот против главы своего государства!

Эрих Кордт

Против своего ли? О, нет, у них больше не было никакого своего государства, так как они уже давно списали его со счета. Нет – это был глава государства немецкого народа, который 19 августа 1934 года добился от народа подтверждения на референдуме законов, по которым он 2 августа 1934 года после смерти рейхспрезидента Гинденбурга был назначен на пост с согласия всех четырнадцати министров, из которых семь были «буржуазными».

Обоснование для этого голосования слишком классическое, чтобы его можно было здесь опустить: «Я хочу, чтобы выдвинутое кабинетом министров и конституционно утвержденное решение о передаче моей персоне, и, таким образом, рейхсканцлеру в моем лице, функций прежнего рейхспрезидента получило исчерпывающую санкцию немецкого народа. Будучи глубоко проникнут убеждением, что любая государственная власть должна исходить от народа и

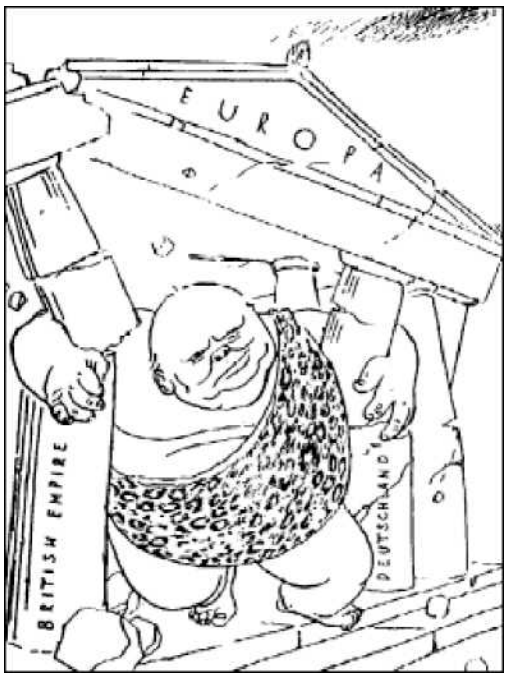
утверждаться им путем свободного и тайного выбора, я прошу вас незамедлительно передать решение кабинета министров с некоторыми необходимыми дополнениями немецкому народу для тайного голосования». 90% всех имеющих право голоса немцев проголосовали за одобрение закона. Кто хочет оспаривать то, что тот, кто изменил этому главе государства, тем самым также не предал руководимый им народ?

5 сентября 1938 года, когда произошла первая измена, у предателей не было еще доказательств, что Гитлер в любом случае хотел войны. Или они хотят утверждать, что после столь многих разочаровывающих отказов выдвинутое требование возвращения 3,5 миллионов судетских немцев было необоснованным или представляло собой нападение на свободу англичан, которым и предавались государственные тайны? Или господа Кордт смогут назвать мне имена тех англичан, которые предали Англию из-за того, что Англия свои многочисленные колонии отнимала у других народов, что Англия на протяжении веков боролась против свободы ирландцев, что Англия напала на Копенгаген в мирное время, что Англия воевала с бурами и загоняла их в концентрационные лагеря, что Англия вела опиумные войны или боролась против сипаев? Они этого не смогут.

Господин Ванситарт, однако, сказал, когда господа Кордт в Нюрнберге сослались на свою достойную уважения работу: Я не знаю этих людей! Счастье, что в господине Галифаксе нашелся безупречный свидетель, так как в противном случае эти господа вовсе не смогли бы спать спокойно, не видя однозначного подтверждения своего предательства. Оно подтверждено и должно будет вечно напоминать Германии о великом позоре. Ведь господин доктор Тео Кордт сегодня является советником посольства на дипломатической службе Федеративной Республики – и именно поэтому комиссия по расследованию сочла его подходящим для дальнейшего использования. Где пребывает господин Эрих Кордт, мне неизвестно. Я не сомневаюсь ни в том, что его дела идут хорошо, ни в том, что он *persona gratissima*.

Прежде чем я закончу эту главу, я еще хочу упомянуть, что господин Ванситарт сказал господину Кордту 31 августа 1939 года:

Ванситарт



«Англия будет сражаться в этой войне до самого конца, и как библейский Самсон мы сломаем колонны дворца и погребем все под его руинами».

18. Стремления Гитлера к миру

Бек

Йон

Оппозиционеры и заговорщики, среди которых были люди всех оттенков от коммунистов до юнкеров **[Прим. ред. БВС: Юнкеры в Германии – это крупные землевладельцы-дворяне или помещики.]**, действительно имели в господине Беке также своего руководителя, однако, он не был столь скромным как Гитлер, который охотно ссылался на то, что его послало или защищало Провидение,[31] и его соратники обычно называли Бека «Господь Бог».

Тем не менее ему, естественно, совершенно не удалось единообразно направить стремления и тем более действия различных групп, хотя, согласно показаниям господина доктора Отто А. В. Йона, президента Ведомства по охране конституции, который, естественно, тоже был видным заговорщиком, доходило до курьезов, когда СДПГ через ее господина Лёйшнера согласилась с планом восстановления монархии во главе с принцем Луисом Фердинандом Прусским. Тут я мог бы только сказать: Ну вы и республиканцы! Но главное в том, что, по словам господина Йона, «все партийно-политические противоречия легко преодолевались ввиду общего противника Гитлера». Однако у них всех были свои связи и каналы с заграницей.

Деятельность этих «гражданских» заговорщиков ввиду отсутствия «планирования», в принципе, состояла в следующем:

a) С 1933 года с преувеличенными сообщениями о мнимом угнетении и прочих злоупотреблениях подстрекать зарубежные государства против руководства Рейха и указывать на опасности национал-социализма. Заинтересованные в конфликте с Германией круги использовали эти сообщения в своей прессе в пропагандистских целях, чтобы сделать свои массы морально готовыми к этому конфликту.

b) Пропагандировать за границей мнимые военные намерения Гитлера, а именно с неоднократным преувеличением любого незначительного обстоятельства, которое соответствующее лицо в полном неведении истинной ситуации могло, по своему мнению, интерпретировать как военное намерение.

Я мог бы наполнить целую книгу доказательствами честных мирных намерений Гитлера, все же, здесь это не моя задача. Но я не хочу вести себя так легковесно, как господин Карл Штрёлин в его работе «*Предатели или патриоты»,* в которой он пытается доказывать принципиальные военные намерения Гитлера, опираясь на господина Раушнинга, этого психопата, книгу которого «*Беседы с Гитлером»* уже после первых страниц можно распознать как обман, и историческая ценность которой оспаривается даже видными английскими историками. Поэтому я хочу представить читателю не все миролюбивые заявления Гитлера, а только следующие:

1. Очень критически настроенный по отношению к Гитлеру посол **Отто Абец** пишет в своей книге «*Открытая проблема»:*

«В то время прозвучала также одна из публичных речей Гитлера, которая впервые поколебала мое недоверие к нему и убедила меня в искренности его миролюбия. 'Средний современный снаряд', говорил он перед большим собранием, 'стоит 3500 марок. Маленький собственный дом для рабочей семьи тоже стоит 3500 марок. Если я вооружаюсь, я нуждаюсь как минимум в десяти мил-

лионах снарядов. Затем они будут лежать в арсеналах, и никто не поблагодарит меня за это. Но если я построю десять миллионов квартир для рабочих, я обеспечу себе благодарность большинства моего народа. Как же мне не желать того, чтобы другие разоружались, чтобы и я смог сэкономить на оружии? Но посреди вооруженной до зубов Европы Германия не может оставаться одной единственной безоружной страной'. Я должен признаться, что простота и логика этой аргументации произвела на меня сильное впечатление. Я начал доверять Гитлеру в том, что он хотел бы поставить все находящиеся в его распоряжении средства на службу социальным задачам и осуществить восстановление Германии путем мирного труда».

2. Гитлер с самого первого дня прилагал самые большие усилия, чтобы урегулировать все спорные вопросы с великими державами, особенно с соседями Германии, мирным путем. Но после того, как он не встретил взаимности, он постепенно начал проводить политику, которая при непоследовательной позиции бывших враждебных стран была неизбежной, при этом, однако, он всегда придерживался своей главной цели – избежать войны.

Как раз в польском вопросе он, как доказывают безупречные документы, однозначно действовал настолько осторожно, что примирения можно было бы достичь, если бы у другой стороны была бы воля к этому. И на другой стороне также были такие круги, к которым я хотел бы причислить в первую очередь английского посла Хендерсона, которые хотели этого, но все же не они играли решающую роль. Я это специально подчеркиваю, так как их желания часто цитируются в пользу противоположной стороны, вследствие чего легко могут быть сделаны неверные выводы. Поразительно то, с каким терпением Гитлер до 3 сентября 1939 года хватался за каждое предложение посредничества. Ввиду того, что это обстоятельство мешает фальсификаторам истории, в том числе также немецким историкам, они используют ложь, будто бы Гитлер на совещании в Берхтесгадене 22 августа 1939 выразил свою обеспокоенность тем, чтобы «в последнюю минуту какой-нибудь мерзавец не вклинился бы со своим предложением посредничества». Слава богу, как минимум один офицер, генерал-адмирал в отставке Герман Бём, взял на себя задачу под присягой опровергнуть эту и прочую ложь, которая содержалась в других обоих предполагаемых протоколах этого совещания. Разве Гитлер 6 октября 1939 после победы над Польшей и 19 июля 1940 после победы над Францией не предложил вражеским державам мир и не согласился еще позже с несколькими мирными попытками нейтральной стороны, все из которых, однако, отвергла противоположная сторона?[32] То, в каком духе эти мирные попытки оцениваются нашими нынешними историками, доказывает тот факт, что они либо вовсе не упоминаются – наряду со всякой неважной чепухой, либо же злонамеренно представляются бессодержательными в их значении.

Об этой речи 19 июля 1940 года действительно пишет один из этих господ, и другой тоже пишет подобным образом: «Поток повышений по службе и наград плохо подходил к главному тону миролюбивой речи».

И тем более благоприятно услышать мнение француза об этом.

3. Жан Монтиньи говорит в своей книге *La Defaite («Поражение»):*

«Цели, из-за которых союзники вступили в войну, спасение или восстановление Польши, были уже неосуществимы. В то же самое мгновение опасность для Франции становится более четкой. Немецкие дивизии потоком движутся из Польши в сторону Франции. Отныне немецкая армия обладает над французской армией несомненным превосходством, которое, по меньшей мере, так же велико, как в мае 1940 года. Теперь наступил момент, когда Гитлер может бросить все свои силы на единственный фронт: теперь стала реальностью та внушающая страх ситуация, призрак которой всегда был использован поджигателями войны в пользу их политики... 'Мы должны как можно скорее вступить в войну, и конфликт на Востоке также дает нам возможность для этого, в противном случае Гитлер когда-то воспользуется нашим одиночеством на Западе, чтобы уничтожить нас'.

Теперь – в конце сентября 1939 года – больше нет восточного фронта, и Франция практически остается в одиночестве. Если Гитлер действительно имел тот скрытый умысел, которую поджигатели войны приписывают ему, тогда он докажет это и атакует. Если же он, напротив, не делает этого и сопротивляется искушению, то это знак того, что он был откровенен все эти годы, когда он искал укрепления мира с Францией и Великобританией; когда он после урегулирования раздоров из-за Саара объявил линию немецко-французской границы окончательной; когда он ради мира на западе торжественно отказался от старых немецких претензий на Эльзас-Лотарингию.

У фактов здесь будет последнее слово.

И теперь происходит так, что Гитлер не только не атакует, но он даже 6 октября 1939 года в своей речи в Рейхстаге публично заявляет о своей готовности к мирным переговорам с Францией.

Другая задача состоит в том, чтобы принести некоторую ясность в цели европейской внешней политики. Рейх готов к этим разъяснениям, если они касаются его намерений. У него больше нет никаких претензий, кроме претензий на колонии. Немецкие требования в этом аспекте, к тому же, законны и обоснованы. Они не носят характер ультиматума.

Далее Гитлер указывает, что Европа однажды окажется перед необходимостью ограничения вооружений и сотрудничества наций: 'Было бы благоразумнее

заняться этой проблемой до того, как будут пожертвованы миллионы человеческих жизней. Народы и главы государств, которые думают, что в войне не может быть никого, кроме побежденных, могут пожать руку, которую я протягиваю им'.

Эта речь по времени приходится на период между полной победой Гитлера в Польше и его полной победой на Западе. Кого она не взволнует так сильно сегодня? Но тогда Лондон и Париж ответили на нее злым смехом: 'Гитлер боится, он знает свою слабость, свое бессилие'».

4. Наконец, еще цитаты из двух писем Гитлера, содержание которых, пожалуй, дает самое лучшее понимание его мотивов, так как эти письма не были предназначены для общественности

a) Письмо **Бенито Муссолини** от 3 сентября 1939:

«Дуче! Во-первых, я благодарю вас за вашу последнюю попытку посредничества. Я был бы готов принять ее, разумеется, только при условии, что можно было бы найти возможность дать мне определенные гарантии успешного хода конференции. Так как уже два дня немецкие войска очень быстро продвигаются вглубь Польши. Было бы невозможно позволить снова обесценить дипломатическими интригами принесенные при этом кровавые жертвы. Все же я верю, что можно было бы найти какой-то путь, если бы Англия с самого начала не была решительно настроена на то, чтобы при всех обстоятельствах дело дошло до войны. Я не отступил перед английской угрозой, так как я, дуче, больше не верю в то, что мир можно будет поддерживать дольше, чем еще полгода или, скажем, еще целый год. При этих обстоятельствах я, однако, вопреки всему счел нынешний момент для сопротивления более подходящим. В настоящее время превосходство Вермахта в Польше во всех технических аспектах настолько огромно, что польская армия рухнет в самое ближайшее время. Я думаю, что сомнительно, что такого быстрого успеха можно было бы еще достичь через один или два года. Все-таки Англия и Франция к тому времени настолько вооружили бы своего союзника, что такое решающее превосходство немецкого Вермахта больше не могло бы возникнуть».

b) письмо **Свену Гедину** от 30 октября 1942:

«... Если бы Польша была готова к предложенному мной соглашению, то дело не дошло бы до войны. Однако в этом случае Россия смогла бы завершить свои военные приготовления в таком объеме, который мы знаем и можем определить только сегодня. Еще пять лет мира, и Европа была бы просто раздавлена весом большевистской военной машины. Так как ясно, что после окончания немецко-польских раздоров Рейх и, прежде всего, национал-социалистическое движение обратили бы свое внимание в первую очередь на культуру и,

прежде всего, на социальные вопросы. Если бы мы даже не забросили военные приготовления полностью, то, все же, они остались бы в тех рамках, которые через несколько лет должны были бы привести к беспомощной слабости в сравнении с этим азиатским гигантом.

Судьба Европы и вместе с тем судьба многотысячелетней культуры при этих обстоятельствах, вероятно, нашла бы свой конец».

Примечания

[31] Впрочем, Папа Римский говорил Муссолини, что он – «человек Провидения».

[32] Интересные сведения об этом можно найти также в книге госпожи Ильзы Гесс «*Англия – Нюрнберг – Шпандау*» (1952) о ее муже Рудольфе Гессе, который в качестве имперского министра совершил свой полет в Англию, рискуя свободой и жизнью, не ради воскресной экскурсии, а чтобы достичь мира с Англией перед войной с Россией.

19. Приговоры победителей и немецкой юстиции – правовое государство или «неправовое государство»?

Но представьте себе теперь, как должны были ухмыляться противники – мы уже слышали это о Черчилле – когда они слушали обязывающие обещания устранения Гитлера. Для такой помощи во все времена отдельные военные партнеры выделяли огромные суммы, а здесь такую военную помощь уже заранее обещали бесплатно и «с доставкой на дом».

Наоборот, наши государственные деятели были потрясены, когда они в Нюрнберге узнали об этих вещах – и это было еще далеко не все, что они услышали до своей смерти.

Министр иностранных дел фон Риббентроп высказывался, например, так:

«Неудивительно, что Лондон тогда не боялся войны, и польский посол говорил о революции и о польском марше на Берлин. Поэтому эти круги заговорщиков несут абсолютно решающую долю ответственности за начало войны. Они в последние дни августа расстроили все усилия фюрера и мои усилия, направленные на поиск мирного решения, и сыграли основную роль в решении англичан объявить войну».

Теперь война против Германии вообще больше не была риском. Нужно было только объявить войну и – выжидать. Приблизительно так господин Линдли

Фрейзер объяснял смысл обещанной полякам помощи. То, что исполнение обещания затягивалось, другое дело; главное, что обещание было дано, и из этого были сделаны выводы. Господа заговорщики всегда так охотно ссылаются на свои моральные мотивы для многочисленных покушений на Гитлера – не обращая внимания на то, что при этом также другие невиновные должны были лишиться жизни. Но когда вторжение (союзников в Нормандию – прим. перев.) удалось, и даже некоторые из заговорщиков уже думали, что в покушении больше не было смысла, главные среди них посчитали, что, все же, покушение должно было произойти. Но уже не ради практической цели, а для того, чтобы продемонстрировать миру и истории, что немецкое движение сопротивления отважилось на решающий поступок. Хотя *этот решающий шаг был сделан* еще в 1938 году, но они в своей простоте этого не заметили.

Иден

Впрочем, если прочитать обширную литературу, то можно удивиться всему тому, о чем господа подумали. Они хотели даже иметь гарантии противника, что он не совершит военное вмешательство в разгар государственного переворота. Позже, когда война уже шла, они хотели лучших условий, если бы злой Гитлер был устранен. Так как, однако, государственный переворот не был осуществлен к обещанному сроку, у противника было собственное мнение об этом.

Чемберлен продемонстрировал «равнодушную» позицию. Рузвельт считал установление контакта «нецелесообразным», и в 1942 году он дал понять одному посреднику, что просьба того об установлении контакта ставит «официальную политику» в «очень затруднительное положение». На самые покорные мирные предложения заговорщиков – без Гитлера – Энтони Иден ответил замечанием, что вопрос закрыт, Черчилль же ответил заявлением, что Атлантическая хартия не распространяется на державы «Оси». И когда предложения

заговорщиков все накапливались и приняли такие формы, которые «только формально отличались от безоговорочной капитуляции», у них был первый успех, что союзники действительно в январе 1943 года в Касабланке провозгласили требование безоговорочной капитуляции. И когда в 1944 году был сделан «большой решающий шаг» в форме покушения, получатели преимуществ от этого шага в благодарность объявили план Моргентау.

О самом покушении газета «*New York Times*» 9 августа 1944 года писала, что его подробности напоминали больше об «атмосфере темного преступного мира» чем о той, которую «ожидали бы обычно от офицерского корпуса цивилизованного государства». Газета возмущалась тем, что наивысшие офицеры в течение долгих лет занимались планами «похитить или убить руководителя государства и верховного главнокомандующего своей армии – с помощью бомбы, типичного оружия гангстеров». «*Herald Tribune*» 9 августа 1944 года в не совсем сентиментальном тоне отметила, что американцы, в общем, не будут сожалеть о том, что бомба пощадила Гитлера, чтобы тот смог казнить своих генералов. Но Черчилль был несколько неблагодарен – но иного и нельзя было бы ожидать от такого трезвомыслящего человека в мировой истории – когда он заметил, что речь идет только о грызне собак между собой. Он, как и Наполеон, любил измену, но ненавидел изменников. Господин Роланд Фрайслер, печально известный судья народного суда, не мог удержаться, чтобы не указать одному из заговорщиков на циничную листовку англичан, где благодарность предателям выражалась в таких словах: «Участники покушения и те, кто подготовил его, все вместе ни на что не годились, в лучшем случае все это произошло из-за извращенной любви к Германии».

Но мы забыли суд земли Брауншвейга! Он в своем приговоре дал другие определения и установил следующие основные тезисы:

1. «Заговорщики действовали не с намерением причинить вред своему народу и власти Рейха, а только чтобы в искреннем, опирающемся на патриотические убеждения стремлении принести пользу обоим. Поэтому обвинение этих людей в измене родине не может быть уместно».

2. «Если участники сопротивления 20 июля 1944 поддерживали связь с зарубежными государствами, чтобы зондировать отношение врага к намерениям внутреннего переворота, то их нельзя с нравственной и поэтому также с правовой точки зрения обвинить в каком-либо проступке».

3. «Палата суда по уголовным делам придерживается той точки зрения, что национал-социалистическое государство не было правовым государством, но представляло собой неправовое государство, которое не служило благу немецкого народа. При этом здесь не требуется более детально рассматривать вопрос конституционности национал-социалистического государства. Все то, что вынужден был терпеть немецкий народ, начиная с поджога Рейхстага 30

июля 1934 и 9 ноября 1938, было вопиющей несправедливостью, устранение которой было необходимым»

Это было в 1952 году – где я уже прочитал что-то такое на чуть менее официальном языке? Правильно – в интересной статье, которую участник сопротивления Ханнс Эрих Хаак опубликовывал в номере 9/47 «*Deutsche Rundschau*» господина Рудольфа Пехеля. Я процитирую оттуда следующие места:

«При этом те люди, которые из патриотических убеждений установили связь с зарубежными государствами, вовсе не действовали легкомысленно. Только когда выяснилось, что никакой другой путь не был возможен, и ввиду приближающегося неизмеримого размаха убийств, нужды, бедствий и горя, они сделали этот шаг. Мятеж против тирана – это повиновение Богу, этот девиз снова и снова представлялся перед их мысленным взором...

Также указание немецких противников движения сопротивления на то, что сотрудничество с зарубежными государствами должно было бы, в конечном счете, дать главным образом преимущества этим зарубежным государствам, не обоснованно. Европа действительно неделима с этой точки зрения, ни одна из ее стран не может больше жить в 'блестящей изоляции', и они все настолько взаимозависимы одна с другой, что даже необходимость изменения понятия 'национальный' проявляется все более отчетливо. Тот, кто действует для Европы как целого, совершает национальный подвиг – а кто действует против нее, тот совершает настоящую измену.

Диктатуру можно рассматривать как противоправное посягательство на существенную составную часть прав человека, а именно, на свободу. Любое действие против диктатуры вместе с тем автоматически будет законным актом».

И сам господин Пехель, который хвастался своей «пылкой ненавистью» к Гитлеру, заметил в конце, «что борьба элиты немецкого народа против национал-социализма велась как обязывающее поручение Бога за наивысшие ценности человечества, без малейшего мотива личного честолюбия или поиска собственной выгоды».

Итак, ясно, что представления суда совпадают с представлениями заговорщиков. Если бы этот приговор был одобрен судом высшей инстанции, то это доказало бы, что немцам предписывают некую официальную точку зрения на исторические процессы как обязательную, процесс, который, естественно, никак нельзя было бы согласовать с требованием свободы мысли и прочих основных прав. Все же я остаюсь на той точке зрения, что какое бы решение ни принял апелляционный суд, окончательный приговор заговорщикам вынесет история в соответствии со здравым смыслом.

Я резюмирую мое мнение о процитированном приговоре следующим образом:

По пункту 1. Заговорщики уже в течение долгих лет до 20 июля 1944 года умышленно и целенаправленно боролись против вождя империи, который пришел к власти законно, и свое доверие к которому на многочисленных голосованиях снова и снова подтверждало преобладающее большинство народа. Они планировали на него покушение за покушением, и, чтобы препятствовать ему в его дальнейших планах устранения версальской несправедливости и создания Великой Германии, установили связь с зарубежными государствами, прося их принять решительные меры против него, т.е. против Германии.

Они не могли предполагать, что эти намеренно совершенные против вождя действия нанесут вред только ему, а не руководимому им народу. Есть слишком много контраргументов в литературе заговорщиков, чтобы можно было согласиться с таким предположением. Так же намеренно была брошена и бомба, которая предназначалась Гитлеру и убила невиновных, что нужно было предвидеть.

По пункту 2. Заговорщики в своем большинстве также после начала войны за спиной ответственного государственного руководства поддерживали связь с врагом – и по закону это точно измена родине. Кстати, они не только хотели зондировать позицию зарубежных государств по отношению к планам государственного переворота, но они снова и снова требовали от зарубежных стран вмешательства против Гитлера и обещали государственный переворот с арестом или убийством Гитлера. Эти связи непрерывно поддерживались до конца войны, хотя руководство самих зарубежных стран ограничивалось только расспросами заговорщиков или передачей сообщений и никогда не высказывало даже самого незначительного согласия относительно заключения выгодного для Германии мира в случае устранения Гитлера. Так как при этом также передавались сведения о мнимой или настоящей военной силе Германии, то эти действия – это тоже безупречно измена родине.

По пункту 3. Я мог бы просто сказать: *De gustibus non est disputandum!* О вкусах не спорят. Однако понятно, что нет понятия о правовом государстве у таких людей, которые создают или поддерживают такое государство, которое наряду с прочими безобразными нарушениями самых простых принципов морали и права начало самую большую акцию инквизиции современности, которую во всей ее глупости и жестоком юридическом произволе известный журнал «*Der Stern*» описывал под еще безобидным заголовком «Большой обман», а именно денацификацию. Далее я хотел бы напомнить немецкому народу и, в частности, господам из палаты по уголовным делам суда в Брауншвейге, что только количество самоубийств, совершенных после крушения Рейха из-за страха возмездия и прочих тяжелых условий, многократно превосходит количество самоубийств *и* якобы политических убийств, совершенных в этом неправовом государстве. Если мы далее представим, какой незначительный процент обвиняемых (в сравнении с пропагандистской ложью о мнимых преступлениях) мог быть осужден с 1945 года, и вычтем из него тех, которые вовсе

не могли бы быть осуждены при применении безупречного судопроизводства, то можно поразиться разнице. Если же проанализировать остаток, то можно было бы установить интересный факт, что речь в большинстве случаев шла о таких действиях, которые совершались от имени национал-социалистического государства только для прикрытия обычных личных преступных мотивов.

Если же захотеть преследовать по закону так реалистично описанные в известной книге американки Фреды Атли «*Дорогостоящая месть*» преступления против немцев и человечества на настоящих судебных процессах, то только немецким судам с головой хватило бы работы на следующие двадцать лет.

Предубеждение палаты по уголовным делам, с которым она обращалась с этой щекотливой темой во вред Германии, следует только уже из одного того факта, что она сваливает на национал-социалистическое государство вину за поджог Рейхстага, который, как безупречно *доказано,* был совершен преступником-одиночкой Маринусом ван дер Люббе.

Даже если о путче Рёма пока еще нет законченного, исторически безупречного исследования, то объективного описания бывшего государственного секретаря Майснера достаточно для того, чтобы убедить каждого объективного человека в том, что Гитлер явно должен был иметь важные государственно-политические причины для того, чтобы устранить опасность вредного для государства бунта, не прибегая к растянутым по времени сложным процедурам, а самым быстрым и самым резким действием. И если он при этом избавился также от возможных противников, как он должен был сказать, то об этом следует судить иначе теперь, когда мы знаем, что господин Шлейхер действительно планировал военный бунт, чтобы предотвратить законный приход Гитлера к власти, и до 30 июня 1934 года за спиной Гитлера вел переговоры с Францией, чтобы заранее обеспечить признание французами запланированного им вместе с Рёмом правительства. Во всяком случае, Гитлер своими действиями против Рёма и его революционных приверженцев защитил консервативный слой общества, не получив за это от него никакой благодарности.

Я должен, естественно, отказаться от того, чтобы в подробном и объективном рассмотрении подвергнуть справедливой оценке действия, которые в Третьем Рейхе совершались в духе национал-социалистической государственной точки зрения для достижения совершенно определенных более высоких целей и рассматривались противниками этой государственной точки зрения как «несправедливости», зато большинство народа считало эти действия «справедливыми». Я могу ограничиться лишь простой констатацией того факта, что сегодня уже существенные части народа имеют различающиеся, действительно ясные точки зрения на такие разные понятия как неправовое государство, диктатура, демократия, свобода, человечность и т.д. Какими они будут только через несколько лет, когда у нас уже будет либо большевизация, либо «дебольшевизация» Европы.

На острове Эльба Наполеон так писал о немцах: «Мне никогда не требовалось сеять раздоры среди них. Я должен был только расставить мои сети, и они сами попадали туда. Они душили друг друга, и при этом думали, что выполняют этим свой долг. На всей земле нет более глупого народа. Какую бы грубую ложь вы ни придумали, немцы поверят в нее. Они всегда ожесточенно борются друг с другом, как с настоящим врагом».

Со знанием этого действовал не только господин Черчилль, расставляя свои сети, но и Адольф Гитлер, когда пытался привести свой народ в одно направление движения для достижения больших целей. Целью Гитлера было исполнение пророческих слов Шиллера:

«У каждого народа есть свой день *в* истории*, но* день *немцев – жатва всех времен».*

Во время жатвы все должны помогать друг другу и брать на себя большой труд и ограничения. Эта попытка Гитлера охотно поддерживалась разумными людьми в виде радостного сотрудничества, но неразумные, однако, оценивали ее как принуждение и несправедливость. Например, миллионы немцев охотно последовали запрету слушать вражеские радиостанции, чтобы защититься от их лжи, и были при этом не менее здоровы и счастливы, чем те сотни тысяч, которые полагали, что непременно обязаны были их слушать. Это смешно, если господин Пехель думает, что борьба против Гитлера исходила от элиты. Нет, речь шла лишь об одной клике в типичном смысле этого слова. И поэтому это парадоксально, если оппозиционеры хотят использовать для самооправдания это известное место из «*Моей борьбы*» Гитлера: «Когда правительственная власть все те средства, которыми она располагает, употребляет на то, чтобы вести целый народ к гибели, тогда не только правом, но и обязанностью каждого сына народа является бунт. … Человеческое право ломает государственное право».

Интересно, что господин Штрёлин цитирует открытое письмо Гитлера Брюнингу в 1932 году, в котором сам Гитлер ссылается на эту точку зрения. Тут я могу сослаться только на то, что о том времени с его 7 миллионами безработных говорил господин Герт П. Шпиндлер в статье под характерным заголовком «Фальшивомонетчики истории» в его еженедельнике *«Der Fortschritt»* от 25 мая 1951: «Видят ли снова вынырнувшие на поверхность партии Веймарской республики причину своих неудач до 1933 года действительно только в том, что они не боролись с национал-социализмом запретами и тюрьмой? Или самонадеянность и уверенность в своей правоте этих политиков тогда и сегодня действительно доходит до того, что они считают свою послевоенную конъюнктуру настоящим спросом, исходящим от народа? Нужно напомнить им, что национал-социализм пришел к власти не посредством злоупотребления демократическими свободами, а вследствие неспособности Веймарского правительства, который не смог справиться с последствиями Версальского мирного

договора, с экономическими и социальными проблемами того времени. Все эти мысленные конструкты, с которыми эти руководящие в Веймарской республике личностям хотят скрыть тотальное банкротство, утверждая, что Гитлер, мол, незаконно пришел к власти, не представляют собой, по сути, ничего, кроме раздувания отдельных фактов, которые не объясняют феномен его подъема. Их нужно рассматривать как фальсификацию картины истории, возникшую из понятной потребности отвлечь внимание от собственной несостоятельности.

Нерешенные до 1933 года проблемы стали той питательной средой, с помощью которой Гитлер сумел привлечь к себе широкие массы народа. Неблагоразумие держав-победительниц 1918 года было теми барабанами, по которыми он бил своими палочками».

Нужно только задать себе следующие вопросы:

Вел ли Гитлера свой народ к гибели, когда

в **1933** году господин фон Хаммерштейн с его кликой хотел устроить государственный переворот,

в **1934** году господин фон Шлейхер с его кликой хотел устроить государственный переворот,

в **1938** году господа Кордт, Вайцзеккер, Гальдер и их клика выдавали англичанам самые большие государственные тайны,

в **1939** году те же самые господа повторяли делать это и своим обещанием государственного переворота облегчили врагу решение о войне против нашего отечества,

в **1939-1943** годах Гитлер побеждал на всех театрах военных действий, и они планировали покушение за покушением на него и постоянно поддерживали тайную связь с врагом?

Нет! – скажет большая масса нашего народа, даже если «элита» и утверждает противоположное. В конечном счете, ведь и сегодня недовольные могли бы выйти и тоже осмелиться устроить свой собственный государственный переворот.

Если я и хотел бы сделать какую-либо уступку, то только ту, что я не хочу злиться на тех, кто после вторжения союзников в Нормандию сомневались в победе и сделали для себя выводы, при том условии, что они до того момента честно выполняли свой долг. Мне, к сожалению, слишком часто на своем опыте приходилось испытать то, что у нас было больше людей в форме, чем

солдат. Ведь действительно тяжело принять настоящий солдатский девиз, который гласит: 'Отрадно и почетно умереть за отечество'.[33] Только тот, кто смог это, поймет, что для настоящего немецкого солдата не оставалось ничего другого, кроме как сражаться так долго, как это было ему приказано, и все равно, казалось ли ему это опасным и сомнительным или нет. К чему пришел бы Старый Фриц (прусский король Фридрих II Великий – прим. перев.), если бы солдаты при каждой из его многочисленных «безнадежных ситуаций» убегали от него? Но тот, кто еще *перед* вторжением занимался планами государственного переворота, не может ожидать никакого понимания. И если господин Ханнс Эрих Гаак еще пытается убедить нас в том, что эта измена родине якобы была в интересах Европы, то это просто смешно, и ввиду нынешней опасности и безвыходной ситуации, в которой находится Европа, не требует никакого подробного опровержения. Точно так же бессмысленно утверждение, что война, мол, была проиграна уже в первый день. О критической ситуации для нас можно было говорить только после Сталинграда, и даже тогда война еще не обязательно должна была быть проиграна, но здесь мы не будем рассматривать этот вопрос.

Примечания

[33] Хотя этой мудрости уже больше двух тысяч лет, но председатель СДПГ Нижней Саксонии Хофмайстер пришел к «более благородному» познанию, что от геройской смерти не остается ничего, кроме комка превратившегося в месиво мяса на брезенте.

20. Выводы и заключение

В общем можно сказать: противники Гитлера, которые в борьбе с представленной им системой не ограничивались внутриполитической деятельностью сопротивления, которая может иногда оказываться необходимой при всех формах правления, а в своей ненависти дошли до того, что они призвали на помощь зарубежные страны, действовали в любом случае ошибочно и неправильно, и не имеет значения, согласны вы или нет с тезисом о «неправовом государстве». Во-первых, они не учли принципиально важную реалию жизни, а именно, что каждое действие имеет четыре воздействия: немедленное и более позднее, хорошее и плохое. Они полагали, что их сообщения в сентябре 1938 и в августе 1939 года сразу же побудили бы английское правительство сделать резкие заявления против Гитлера. Во внутреннем аспекте английское правительство сразу сделало из этих сообщений благоприятный для себя вывод о наличии уязвимого места у противника. Во внешнеполитическом плане оно с учетом незавершенных военных приготовлений продемонстрировало слабую позицию, вместо желательной сильной. Позже – через один год – когда, с одной стороны, опасность слишком слабой подготовки к войне была

устранена, и, с другой стороны, правительство находилось в цейтноте из-за планов Гитлера, выпрошенная сильная позиция превратилась в объявление войны. Информирование зарубежных стран и обещания государственного переворота должны были якобы спасти мир во всем мире, тем не менее, они принесли мировую войну.

Интересно, что летчик **Ганс-Ульрих Рудель** в книге «*Удар ножом в спину или легенда?*» приходит к такому же выводу: «Если обобщить все то, что неопровержимо следует из публикаций всех оппозиционеров, то мы увидим следующую картину:

Заговор высказывающихся в этих строках людей был в его практическом воздействии направлен не только против Гитлера и национал-социализма, а против существования Германской империи. С этой целью они не только использовали все средства для того, чтобы Германия с ужасными потерями проиграла войну, но они – до сих пор это слишком мало замечали – в значительной степени содействовали вступлению Англии во Вторую мировую войну своим данным лорду Галифаксу обещанием устранить Гитлера в момент начала войны. Однако без Англии Франция ничего не предприняла бы, и также у США не было бы подходящей причины для вступления в войну. Без работы этих деятелей сопротивления, возможно, удалось бы высвободить все силы для подавления большевизма. Не нужно ли поэтому, в конечном счете, возложить ответственность на них за возникновение и исход Второй мировой войны со всеми ее страшными последствиями? Нужно ли дать им еще раз, и на этот раз легально, возможность вмешиваться в судьбу отечества?»

До сих пор еще не было произнесено то слово, которое обычно автоматически звучит в связи с проблемой заговора, печально известное выражение «удар ножом в спину». Оппозиционеры и заговорщики отвергают его с негодованием, а также федеральное правительство не только в специальном номере федерального органа «*Das Parlament*» постаралось «провозгласить правду о 20 июля» и резко выступить против лживого тезиса об ударе ножом в спину, но и придало также самое большое значение этому при иске против SRP (Социалистическая имперская партия). Это вполне понятно, если знать, что не только несколько министров и депутатов, но и многие высокопоставленные чиновники федерального правительства, а также многочисленные политики и чиновники земельных правительств происходят из кругов оппозиционеров и заговорщиков. Теперь, однако, господин Г. Б. Гизевиус, одна из центральных фигур и видный историк заговора против Гитлера, облегчает нам разъяснение понятий, так как он также к этому вопросу подходит с освежающей ясностью, когда пишет: «Все еще есть озабоченные души, которые не хотят признать реальность таких предупреждений (врагу), так как, мол, вследствие этого могла бы возникнуть новая легенда о предательском ударе в спину. Им нужно ответить, что легенда 1918 года основывалась на исторической лжи, в то

время как здесь речь идет о фактах. Но правду нельзя заглушить на длительный срок, и в этом случае это также не нужно делать... Кстати, не нужно так сильно беспокоиться из-за этих предупреждений, так как они все равно были напрасны. До удара ножом в спину – даже если он вообще был направлен против немецкого народа, а не только против его губителей – дело вовсе не дошло. Если это когда-нибудь и происходило, то именно в 1940 году Гитлер в полной мере смог насладиться своими триумфами».

Прежде всего также здесь снова видно, что эти господа, кажется, еще вовсе не поняли, что «удар ножом в спину» произошел в 1938-1939 годах в виде информирования враждебных государств и обещания им государственного переворота.

Если предупреждения врагам перед вторжением в Голландию, Бельгию и Норвегию были напрасны, то все же только потому, что противники вовсе не считали немцев способными на такое большое предательство, и поэтому не поверили им, а боялись, что их обманывают в пользу Германии. Поэтому предупреждения, все же, остаются фактами, а измена и вместе с тем удар ножом в спину – не легендой.

Другой вопрос, как относиться к утверждению, что этот удар ножом в спину должен был быть направлен против «неправового государства», а не против немецкого народа. Это, естественно, дело каждого отдельного немца, какую точку зрения он выберет в этом вопросе, и позволит ли он суду предписывать, что ему об этом думать. Это зависит также от того, какого представления вы придерживаетесь о понятии верности избранному вами же вождю, хотите ли вы быть верны ему только в хорошие дни, или только если он не совершает ошибки, или же вообще не хотите.

Если бы в 1939 году речь действительно шла о сохранении мира во всем мире, то этот мир мог бы быть гарантирован в течение десяти минут следующим заявлением всех противостоящих Гитлеру стран:

«После того, как из примерно ста заявлений политиков союзников, нейтральных стран и немецких политиков было установлено, что прежнее регулирование правовой ситуации с владением в Данциге и в Данцигском коридоре нельзя согласовать с принципами справедливости и принципом меньшинств, мы ради сохранения мира попросили польское правительство принять представляющиеся правильными и приемлемыми немецкие предложения от 29 августа 1939 года. Далее мы приняли решение созвать конференцию, на которой должно быть достигнуто еще нерешенное урегулирование колониального вопроса в справедливом для всех участников смысле. Мы приглашаем Германию на эту конференцию. Однако мы точно так же требуем от немецкого правительства в интересах сохранения мира, чтобы оно после устранения этих обоих спорных моментов сделало торжественное заявление, что Германия

больше не будет выдвигать к другим нациям претензии, которые могли бы причинить вред их суверенитету. Если все же немецкое правительство в будущем попытается сделать это в какой-либо форме, то подписавшиеся нации будут считать себя вынужденными в интересах мира предпринять общие шаги против этого, в крайнем случае, военным путем».

Гитлер, без сомнения, принял бы это предложение, и мир был бы спасен. Однако действительно ли речь шла только о мире? Ну, в это могли верить только мечтатели, к которым и принадлежало большинство заговорщиков. Но речь-то шла о чем-то совсем другом! Я хочу разъяснить это каждому туго соображающему человеку на одном единственном примере: Представьте себе, что мы сохранили бы мир и закончили строительство автозавода «Фольксваген» в Фаллерслебене, а также принадлежащие к этому производственному комплексу заводы буна-каучука и гидрогенизации. И «Фольксваген» продавался бы за 1100 рейхсмарок, а не за 5000 дойчмарок как сегодня. Насколько больше мы тогда экспортировали бы машин, чем сегодня? И что произошло бы, если бы Гитлер, что вполне было возможно при впервые объединенной экономической мощи Германии, удесятерил этот удачный эксперимент, а также распространил бы его на другие важные экспортные товары? Запад получил бы совсем другие представления о работоспособности, предприимчивости и изобретательском таланте Германии, нежели те смешные нытики в Германии, которые, как господин Гёрделер с того мгновения, как только он перестал быть комиссаром по контролю за ценами, предсказывали один экономический крах за другим, но вот только этот крах так никогда и не наступил, даже в наихудших ситуациях всей войны. О чем шла речь, пожалуй, понятно. Наши противники могли решиться на борьбу только тогда, когда они догнали Германию по вооружению, завербовали еще несколько союзников и, прежде всего, стали уверенными в том, что немцы созрели – как часто бывало в истории – до того, чтобы вновь растерзать друг друга в своем собственном внутреннем раздоре. Они точно знали, что немцы сделают это основательно – и они действительно сделали это основательно. Но чтобы мы и после крушения не разучились это делать и не очнулись, они наделали нам еще хлопот, засунув нам в шкуру нескольких вшей, которые называются: денацификация, раздел на четыре части, федерализм, спор партий и проекты конституции. Теперь нам, по меньшей мере, следующие пятьдесят лет придется заниматься «дезинсекцией», чтобы избавиться от этих вшей. Но также и наши противники, благодаря их «сотрудничеству» с медведем, получили целую шкуру полную вшей, и теперь мы должны еще и им помогать с дезинсекцией. Ну, это пока уже слишком.

Обобщим еще раз ставшие нам известными факты:

1. Была ли мировая война необходима? – На это есть только один ответ: Нет!

2. Можно ли было в августе 1939 года избежать войны тем, что Гитлер за счет своего престижа и престижа Германии отказался бы от удовлетворительного урегулирования вопроса Данцигского коридора? Да – но только временно!

3. Можно ли было избежать войны на длительный срок? – С одной стороны нет, так как находящееся в распоряжении Германии пространство ввиду все более возрастающего населения было слишком мало, и конкуренция немецкой экспортной индустрии была слишком велика. Но, с другой стороны, да, если бы остальной мир дал Германии территории «коридора», соответствующую долю колоний и справедливые соглашения в отношении рынков сырья и рынков сбыта.

4. Как можно было бы избежать войны в любом случае? – Тем, что достигнутое Германией военное превосходство всегда было бы настолько сильно, чтобы никто не мог решиться напасть на Германию. Однако для этого были необходимы две предпосылки: во-первых, чтобы только глава государства занимался внешней политикой с помощью своего министра иностранных дел, во-вторых, чтобы «каждый отдавал максимум сил для святого дела; чтобы в доспехах не появлялась трещина, и чтобы чистую германскую силу, как это было до сих пор, не грыз отвратительный червь».

5. Без знаний об этом «отвратительном черве» Англия в 1939 году не объявила бы войну. Народы бы также примирились с решением вопроса Данцигского коридора, пусть и достигнутым насильственным путем.

6. Общеевропейская оборонительная сила сохранилась бы как защитный вал против большевизма. И благодаря содержащимся в национал-социализме антибольшевистским тенденциям этот большевизм остался бы ограниченным его тогдашней территорией и со временем погиб бы в этом ограниченном пространстве, так как он может жить только за счет экспансии, т.е. за счет захвата новых территорий, где он мог бы кормиться. И эти территории были в достаточном количестве предоставлены ему со времен Тегерана и Ялты.

7. Европа расцвела бы под руководством Германии и смогла бы с полной силой посвятить свои силы исследованию и разработке природных богатств Африки – на благо всем европейским народам.

Теперь уже семь лет, как они мертвы – Гитлер, Муссолини и Антикоминтерновский пакт, военные преступники, враги мира, нарушители спокойствия и т.д. И никакая сила в мире не могла бы тем мужчинам, которые в Потсдаме с улыбкой пожимали друг другу руки и радовались своему удачному делу, помешать заключить мир, залечить раны войны и построить лучшую Европу. Никто в Германии не помешал также тем мужчинам в Панкове и Бонне или в земельных правительствах, которые со своими приверженцами так страстно

желали поражения и «освобождения», объединиться, как когда-то, поднявшись над партийно-политическими противоречиями, и строить лучшую Германию. Не требуйте от меня, чтобы я говорил о всей той чепухе, которую в течение семи лет обсуждали на сотнях дорогостоящих конференциях за счет народов, переливая из пустого в порожнее. Я ограничусь лишь словами господина Джона Макклоя, который на основании своего опыта сказал: Если в недалеком будущем не удастся решить вопрос Саара, то нас всех можно будет отправить на обследование к психиатру.

Вместо этого нам представляют договора, через чащу параграфов которых больше не может пробраться ни один нормальный человек, и в которых так много ловушек, что, принимая во внимание закон о четырехкратном воздействии всех действий, к чему относится также заключение договоров, вообще никто – ни сторонники, ни противники – не сможет предсказать, в наших ли интересах эти договора или нет. Это вообще никто не может оценить при сложности политического международного положения, при ненадежности нашей собственной судьбы. Нужно только удивляться тому, с какой уверенностью сторонники и противники утверждают, что обладают точным знанием о последствиях договоров. Я рассматриваю вопрос о том, можем ли мы теперь уже и с кем заключать такие важные договора, с совсем другой точки зрения – с точки зрения чести, но не того преувеличенного понятия о чести, которое оставляет без внимания реалии практики и возможного, а того минимума чести, без которой не может делаться никакая успешная внешняя политика, без которой ни одна нация не может существовать долго.[34] На нашей стороне вообще еще нет никого, кто мог бы заключать такие договоры для нас, и мне не нужно ссылаться только на социал-демократов, чтобы показать, что современное правительство не может опираться на истинное народное мнение – об этом уже чирикают воробьи на крыше. Даже если сегодня прошли бы выборы, то их результат не отразил бы настоящее народное мнение, так как для избирателей правых взглядов не существует ни одной подходящей партии, потому что любой практической выборной деятельности какой-то подобной партии препятствуют, и потому что народ сам не может принять правильное решение ввиду отсутствия достаточно объективного разъяснения и понимания, тем более, что он настолько охвачен материализмом, что у него нет времени, чтобы самому разобраться во всем этом. Круги, из которых формируются парламенты и правительства Германии, – это те самые круги, которые сами обвиняли Германию в ответственности за войну, в военных преступлениях, и взвалили на Германию обязательства по репарациям выше объема нормального права победителей. Это они забрасывали честь солдат грязью, полностью лишили прав значительные части народа и толкнули их в нищету.[35] Некоторые из них были участниками сопротивления и заговора, и теперь они требуют, чтобы народ некритически считал их законы правильными и беспрекословно соглашался с самыми судьбоносными договорами, с кем бы они их ни заключали. Чтобы не было никаких сомнений, я хотел бы подчеркнуть, что я уже тридцать лет назад знал, что большевизм нужно будет когда-нибудь так или иначе изгнать из

мира. Но предпосылкой для этого является здоровая и единая Европа, а такой Европы никогда не может быть до тех пор, пока Германию не пустят в эту Европу как абсолютно равноправного члена, и пока европейскими народами не будут управлять правительства, которые, прежде всего, будут обладать волей для этого и также будут готовы отодвинуть свои собственные интересы на задний план ради великих потребностей Европы. Что можно сказать о правительстве Франции, которое устраивает такие эгоистичные фокусы вокруг Саара? Нет лучшего критерия для правильной даты, когда Германия может заключить договор с Францией, как исполнение предпосылки, что Франция безусловно возвращает Саарскую область Германии, так как эта территория является немецкой еще после проведенного под международным контролем референдума 1935 года.

Спрашивали ли мы уже сами себя, кто правит народами, с которыми мы должны заключать договора? В Англии это те же самые люди, которые объявили нам войну, в Америке президентом все еще является тот же господин Трумэн, который 24 июня 1941 года сказал: «Если мы увидим, что войну выигрывает Германия, нам следует помогать России, если будет выигрывать Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они как можно больше убивают друг друга».

Выборы выиграл тот самый мистер Эйзенхауэр, который указывал на квадраты на карте и разъяснял, как нужно систематически бомбить культурные центры, пока немцы не согласятся на капитуляцию.

По сообщению их собственного военного министерства, американцы на протяжении войны поставили в Советский Союз полное вооружение для примерно 200 дивизий, 1500 самолетов и 400 000 грузовиков, которые внесли решающий вклад в русскую победу. Союзники поставляли бомбардировщики, которые разрушали немецкие города, они подстрекали во всех народах партизанские движения, из правомерной защиты от которых и появились так называемые военные преступления. Они безучастно терпели, что утратившая человеческий облик русская солдатня, поощряемая тирадами ненависти Ильи Эренбурга, напала на беззащитное население Восточной Европы и Восточной Германии, грабила его, насиловала и жгла. Они своей пропагандой подстрекали орды недочеловеков Чехии и Польши против немецкого населения. Затем они отдали в руки большевиков сотни тысяч немецких и европейских солдат, которые в течение долгих лет боролись против большевизма. Благодаря более чем легкомысленному соглашению, принятому в Потсдаме, они лишили следующие миллионы за Одером и Нейсе их родины, их собственности, их чести. Что стало с нашими патентами и демонтированными предприятиями, что случилось с нашими огромными заграничными активами, с нашими военнопленными и теми людьми, которые все еще сидят в тюрьмах как «военные преступники», хотя они были осуждены на процессах, являющимися насмешкой над любым правосудием? Неужели кто-то всерьез считает, что немецкий народ

просто забудет о «Нюрнберге» или об обращении с правительством Дёница? Огромной лживой пропагандой они обременили немецкий народ мнимой виной, которая должна служить для того, чтобы дать правовые основания для достижения целей, которые не очень далеко отклоняются от первоначального плана Моргентау.

Прежде чем мы сможем вести переговоры о союзном договоре, должны произойти принципиальные изменения в отношении к нам также у некогда воевавших с нами народов. Для этого нужно, чтобы они больше не относились к нам с чувством ненависти и не вели переговоры с нами только на основе отношения победителя к побежденным. Нужно, чтобы они поняли, что Германия – это сердце Европы, и что Европа только тогда жизнеспособна, если это сердце будет излечено любовью и разумом, чтобы они, не скупясь, дали Германии все то, что необходимо для ее будущего, а именно экономическую, политическую и военную свободу. Это включает также материальную и политическую помощь в воссоединении всех ее территорий, настоящее равноправие в рамках Европы, в которой все нации, вероятно, сохраняют свою культурную и экономическую самостоятельность, но при решении больших задач непременно сотрудничают для сохранения западной цивилизации. У Германии еще есть друзья в мире, и как только правда пронзит туман пропаганды, она привлечет к себе еще многих, прежде всего, в бывших враждебных странах. Как только обработанные злонамеренной пропагандой народы смогут видеть более ясно, они также поймут, что есть еще другая Германия, отличающаяся от той, которую господа Ульман, Кемпнер, Хабе, Ауэрбах, эмигранты, оппозиционеры и заговорщики в течение последних двадцать лет демонстрировали миру в своей пропаганде. Однако для этого понадобится еще несколько лет. И, прежде всего, нельзя требовать от других народов, чтобы они в этом вопросе действовали быстрее, чем мы сами это делаем у себя дома.[36]

Если в течение последних месяцев началось определенное улучшение, то это не может скрыть тот факт, что причины этого улучшения состоят только в том, что противоречия между бывшими союзниками, между большевизмом и западными державами, все более усиливаются, и эти противоречия в конечном результате пойдут на пользу Германии.[37] Ни один пример не может показать это более наглядно, чем отношение к Катыни. Если в Нюрнберге западные страны еще предостерегали русского обвинителя Руденко от поднятия вопроса о Катыни, то теперь они усердно стараются, чтобы с помощью тщательного расследования специальной комиссии обоснованно обвинить в этом преступлении русских. Конечно, господин Черчилль уже жалеет о том, что, как он признался 5 июля 1950 года, только Америка и Англия помешали Гитлеру прогнать Сталина за Урал.

Гедин

Мы только должны ждать, время будет работать для нас. По этой причине непонятна также поспешность, с которой канцлер Аденауэр стремится согласиться с чреватыми последствиями обязательствами немецкого военного вклада в оборону НАТО. Если в случае нападения Советского Союза его не удастся отразить объединенными западными державами без помощи Западной Германии, то это также не будет возможно *с* нашим до смешного маленьким военным потенциалом. Чтобы это понять, не нужно даже изучать книги военных специалистов. Я лучше порекомендовал бы господину Аденауэру ознакомиться со словами, которые 5 ноября 1950 года произнес знаменитый шведский исследователь Свен Гедин:

«Неизбежный как стихия ход событий принудит врагов Германии к тому, чтобы они вернули Германии ее старое независимое положение в центре Европы. Если этого не произойдет, Европа погибнет. Опасно бороться против стихий. Современные властители, которые делают это, слепые и сумасшедшие...

Если бы я был немцем, я тоже не хотел бы, чтобы меня так просто призвали в международную армию под командованием чужеземных руководителей, которые были моими смертельными врагами всего лишь несколько лет назад. Я бы сначала потребовал приличного и достойного мирного договора, который гарантирует моей стране полную самостоятельность и равноправие с другими великими державами. Затем я потребовал бы, чтобы немецкий контингент новой европейской армии был под немецким командованием, чтобы всех немецких военнопленных из чужих стран вернули домой, и чтобы все немцы, которые сидят в тюрьмах союзников, были судимы по немецким законам, и были бы либо осуждены, либо освобождены.

Без Германии Европа потеряна. Поставленная снова на свое старое место, Германия спасет Европу. Победителям потребуются самообладание и великодушие, чтобы увидеть и осознать эти элементарные истины. Ненависть, недоброжелательство и пропаганда привели мир в беспорядок. Нужно бороться с силами зла, и предоставить всем, также прежним врагам, равные человеческие права, чтобы те, кто держат решение в своих руках, могли бы спасти мир и привести больное человечество к миру, которого мы все с таким нетерпением жаждем».

Германия должна набраться терпения и ждать, пока эти условия будут выполнены. Только если настоящее равноправие, т.е. полная свобода Германии, будет гарантировано, можно будет говорить также о восстановлении чести немецкой нации.

Было бы бесчестно и лицемерно удовлетвориться *мнимым* равноправием и *мнимым* восстановлением чести солдат только в виде и без того естественного освобождения всех военных и политических пленников, так как настоящий солдат борется за существование и честь своей нации, а не своей персоны.

Пока не наступит время, когда мы снова сможем активно участвовать в международной политике, необходимо в первую очередь, чтобы мы навели порядок в нашем собственном доме, а именно в политическом, экономическом, социальном и культурном, но, прежде всего, в кадровом отношении, что касается наших национальных представителей.

Эта задача может завершиться успехом только тогда, если немецкий народ распознает ошибки и пропагандистскую ложь и сделает из этого правильные выводы на следующих выборах в Бундестаг.

Только новый Бундестаг с сильной правой партией, избранной на действительно свободных и демократических выборах, сможет сформировать правительство, которое должно начать наводить порядок в немецком доме и проводить осторожную и дальнозоркую политику, руководствуясь самым благородным девизом:

«И стыд той нации, которой жаль все положить за честь свою святую».
(Фридрих Шиллер, «Орлеанская дева»)

Примечания

[34] Я рекомендую каждому читателю публикацию на эту тему знаменитого летчика Ганса-Ульриха Руделя: «*Мы, фронтовики, о перевооружении».*

[35] Герман Зиверс в статье «Мысли об ответственности за войну» в номере 10/II журнала *Nation und Europa* очень «тактично» выражает этот политический абсурд: Стремления боннских политиков из внутриполитического расчета охотно согласиться с этими обвинениями и взвалить всю мыслимую вину на Гитлера и национал-социализм, ошибочны не только с этической и исторической, но и с политической точки зрения. Ни история, ни политика не делают различия между народами и их государственными руководителями. Поэтому нам не принесет никакой пользы соглашаться с оскорблениями противников; скорее мы должны были бы, насколько это возможно, поддерживать неустрашимых людей за рубежом, которые ради исторической правды или из политической необходимости прилагают усилия для объективного просвещения. Наши стремления очищения вполне искренни и честны, но мы не можем подвергать опасности души других вследствие того, что мы все еще воодушевляем лицемерие и низость нашим молчанием или трусливым согласием.

[36] Здесь автор, к сожалению, рассматривает ситуацию со слишком большим оптимизмом. В 1952 году, когда «*Отвратительный червь немецкого раздора*» был опубликован, это представление еще могло быть оправдано, но сегодня, почти на полвека позже, видно, что кампания перевоспитания союзников принесла куда более богатые плоды, чем Ленц мог бы себе представить. Германия все еще не имеет мирного договора и по-прежнему упоминается в хартии ООН как «вражеское государство», и обработанные тогда подстрекательской пропагандой народы почти все так же слепы; Германия по-прежнему считается глобальным злодеем. На самом деле от других народов нельзя требовать, чтобы они в правдивом исправлении истории действовали быстрее, чем мы сами у себя дома. Но до тех пор, пока мы, немцы, сами весело ступаем в грязь с антивермахтовскими выставками, и наши молодые люди путешествуют с рюкзаками, на которых напоказ выставлена соответствующая духу времени надпись: «Я срал на то, что я немец» [личное наблюдение одного из наших сотрудников], мы едва ли можем дать другим народам пример для подражания.

То, чего не заметил Фридрих Ленц, это повестка дня тех подстрекателей, которым наши заговорщики, а также союзники сами сыграли на руку, и которые и после войны и даже еще сегодня вовсе не заинтересованы в правдивом исправлении истории.

Вскоре после войны ведущий в то время американский публицист Уолтер Липпман писал:

«'Только когда военная пропаганда победителей войдет в учебники по истории побежденных, и в нее поверит последующее поколение, только тогда можно считать, что перевоспитание действительно удалось'.

Уолтер Липпман этими словами подтвердил то, о чем высокопоставленный офицер французской службы контрразведки, специалист по распространению пропаганды ужасов, уже в мае 1945 года говорил с правоведом профессором доктором Фридрихом Гриммом во время беседы в тюрьме для видных деятелей «отель Баварский двор» в Линдау. На замечание профессора Гримма, что ужасная ложь против Германии должна была бы теперь – после окончания войны – прекратиться, француз разразился целой тирадой:

'Нет, нет! Только теперь она начинается по-настоящему. Мы год за годом будем продолжать эту пропаганду ужасов, мы усилим ее, до тех пор, пока никто не станет больше воспринимать ни одно доброе слово о немцах, пока не будет разрушены все симпатии, которые были у них в других странах, и пока немцы сами не запутаются так, что они больше не будут знать, что они делают!»

Теперь перед нами результат этой многолетней враждебной обработки. Как будто бы это естественно и нормально, немцы всех возрастных и профессиональных групп сегодня пытаются доказать одностороннюю вину и преступления только **нашего** военного поколения, зато торжественно воспевают самые зверские и самые садистские банды убийц противоположной стороны как 'освободителей'». (Из: профессор доктор Фридрих Гримм, «Политическая юстиция: болезнь нашего времени», стр. 148, и: Вольфганг Юхем, «Правда и право против лжи и травли», Hess. Lichtenau: самиздат «Акция Свободная Германия», 1992, стр. 11). [Примечание Scriptorium]

[37] Следующий отзыв английской газеты *Economist* от 17 апреля 1948 года говорит сам за себя: «Если бы за Железным занавесом ничего не было, то можно было бы позволить Германии сгнить».

Посетите Библиотеку Велесовой Слободы, где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также Архив сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> **Новости сайта Велесова Слобода**.